

Один шаг
в Зазеркалье
Мистический
андеграунд

Константин
Серебряков

Константин Серебров
Один шаг в Зазеркалье.
Мистический андеграунд (сборник)
Серия «Алхимия в действии»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8609202

Серия «Алхимия в действии». : Издательская группа Традиция, Книгоиздательство АБВ; Москва;
ISBN 978-5-906564-08-5

Аннотация

Книги «Один шаг в Зазеркалье» и «Мистический андеграунд» – это попытка выразить в литературной форме идеи Внутреннего Пути, принадлежащие Русской Герметической Школе. Она знакомит читателя со скрытыми измерениями жизни странствующего Мастера, увиденными глазами ученика. Чтобы реализовать мечту о познании высшей природы человеческого «Я», неопиту приходится оставить привычный образ жизни и принять участие в непонятной и загадочной миссии Мастера.

Внутренняя жизнь охотников за неведомым протекает на тонких планах, раскрывающихся время от времени в необычных приключениях, в острых, связанных с риском не только для тела, но и для души, обстоятельствах. Мистериальный импульс, воспринятый наиболее утонченными душами и преломленный ими в виде странных произведений искусства и необычного образа жизни, был малоизвестен и непонятен не только обычным людям, но и многим представителям самого андеграунда.

Живой, непосредственный язык книги позволит углубить внутреннее развитие самому широкому кругу читателей.

Первое издание, открывающее книжную серию «Алхимия в действии».

Содержание

Слово издателей	4
Один шаг в Зазеркалье	5
Предисловие	5
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	38
Глава 4	44
Глава 5	57
Глава 6	90
Глава 7	97
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Константин Серебров

Один шаг в Зазеркалье.

Мистический андеграунд

*Книжная серия «Алхимия в действии» посвящается памяти
Владимира Григорьевича Степанова*

Слово издателей

Эта книга – первая под знаком издательской группы «Традиция».

Во многих смыслах эта книга как раз и послужила наименованию и проявлению данной сущности.

Традиция через искусство пословиц подсказывает: «Назвался груздем – полезай в кузов». Но стоит очутиться в нем, как становится ясно: в «кузове» – бессчетное количество других груздей, залезших в него ранее.

В этом сравнении издательскую группу «Традиция» можно уподобить грибнику.

На вопрос же «Куда вы несете собранное?» лучше всего ответить словами Мастера Джи:

«Русское Знание – на Запад, Русскую Мудрость – на Восток».

Таков наш девиз.

От всей души желаем автору и всем, кто принимал участие в работе над книгой, дальнейших плодотворных трудов на поприще оБогащения и передачи Знания.

Один шаг в Зазеркалье

Предисловие

Меня всегда привлекала идея внутреннего развития; хотелось проникнуть в тайны бытия, заглянуть за неведомый занавес, который окутывает обычное восприятие. Большинству людей не свойственно верить в некую тайну, скрытую за видимым миром. Возможно, эти люди более счастливы: они проводят жизнь, добиваясь успеха в своей карьере, у них замечательные семьи и дети. Они являются правителями общего мнения.

Однажды я встретил человека, который указал мне на духовный Путь. Я долго размышлял, прежде чем решил присоединиться к нему, отказавшись от старых взглядов и намерений.

Мне потребовался целый год, для того чтобы освободиться от рутины своей жизни и, приняв учение, которое он нес в своем сердце, последовать за ним в долгое странствие.

Передача учения требовала многих приключений и переживаний, а также роста моего бытия.

Через несколько лет из куколки моей души выпорхнула бабочка духа и полетела по раскинувшимся перед ней широким просторам, радуясь красоте мироздания. Иногда я сожалел о том, что оставил свое прошлое, и пытался вернуться в него. Но того, что я искал, в этом прошлом не существовало. Поэтому я вновь и вновь возвращался на Путь, твердо веря в то, что однажды мне откроется тайна бытия.

В предлагаемой читателю работе я хочу поведать о мистериальных измерениях жизни моего наставника, которые он, будучи непревзойденным режиссером и актером в реальной жизни, умело скрывал от тех, кто был враждебен его миссии или слишком далек от нее.

В заключение я хочу выразить благодарность моим друзьям Гурию и Марие за помощь, оказанную ими при написании книги. Они проделали большую работу по отбору и обработке материала и обогатили текст множеством интересных деталей, совершенно выветрившихся из моей памяти.

Глава 1

Встреча с таинственным

Я шел по пыльным улицам Кишинева, и ничто не радовало меня: ни голубое небо, ни сияющее солнце – свинцовая тяжесть сковала мою душу. Полный раздумий о своей нелепой жизни, я свернул в один из старых переулков, где меж невзрачных серых домов стояла бело-голубая церквушка. Ее купола были единственным прибежищем для души среди окружающего уныния, и я, чуть робея, решил войти.

Перешагнув порог храма, я перекрестился и взглядом поискал священника, но храм был пуст. У иконостаса и перед темными иконами горели лампы, слабо освещая лики святых, с укором взиравших на меня, как на блудного сына. Однако тихая атмосфера храма и десятки горящих свечей действовали на меня умиротворяюще.

Оглядевшись, я заметил в дальнем углу сидящего на скамье сутулого старца с длинной седой бородой. Он опирался руками на посох, а его сгорбленные плечи покрывала черная мантия. Казалось, он наблюдал за мной, хотя голова его была недвижима. Вдруг он помахивал меня пальцем, и я медленно подошел, всматриваясь в его лицо, испещренное множеством морщин, словно оно вобрало в себя страдания всего города. Его темные мудрые глаза излучали таинственный отблеск иной реальности. Он совершенно не походил на местного жителя, а, скорее, напоминал человека, явившегося из других миров.

– Позвольте исповедоваться, батюшка, – преодолев робость, произнес я. – Каюсь в гордыне, жадности и прелюбодеяниях.

Он строго посмотрел мне в глаза, и я, не выдержав взгляда, невольно стал на колени, опустив голову. Минутное безмолвие показалось мне вечностью; он легким движением положил сухую руку мне на голову и произнес:

– У Господа в мирах всего много, да простит тебя Он.

Я хотел было подняться с колен, но он придержал меня рукой и продолжил:

– Сотни лет назад великий Дух был разделен на части и воплощен в разных людях для выполнения неведомой миссии. Одной из этих частей являешься ты. Но пока ты не выполнишь своей задачи, ты не сможешь соединиться с родственными душами и совместно с ними подняться в высшие миры. В данный момент судьба поворачивается так, что ты можешь вернуть свою целостность, но для этого необходимо вспомнить свое предназначение. Тогда ты сможешь найти родственные души, испытывая к ним неодолимое влечение.

Я взглянул ему в глаза, и луч небесной любви коснулся моего сердца. Я вспомнил людей, которых я чем-либо обидел, и тех, на кого обижался сам; их образы возникали в сознании в потоке золотистого света, и волна любви отогревала их сердца. Грядущий разговор на Страшном Суде почувствовался немного легче...

Я очнулся в тот момент, когда старец, перекрестив мою опущенную голову, слегка толкнул меня в плечо. Медленно поднявшись, я вышел на улицу.

– Да поможет тебе Господь, – напутствовал он.

Унылый городской пейзаж вернул меня к действительности. Я не мог понять, почему именно меня этот старец избрал слушателем своего монолога, сделав частью сказочной истории о высшем разделенном Духе. Разум не хотел верить услышанному, но в душе всколыхнулось глубоко дремавшее чувство.

Я с детства чувствовал близость иной реальности, в которую непроизвольно попадал и во сне и наяву. Я родился и до семнадцати лет жил на Кавказе, в горном курортном городке. В двенадцать лет я познакомился со своим первым духовным наставником, который объяснил мне мои переживания и научил медитации и дыхательной технике Крийя-йоги. Но через несколько лет после переезда в Кишинев мои медитации и дыхательные упражнения пере-

стали давать вдохновение. Я, тем не менее, из-за врожденного упрямства, часами медитировал и делал дыхательные упражнения, сидя в кладовке, которую переделал в скрытую от взглядов посторонних келью. На стене, напротив места, где я сидел, висела с самого первого дня занятий небольшая фотография великого Учителя Крийя-йоги Шри Юктешвара. Его невозмутимый вид поддерживал меня в безрадостные моменты жизни и не давал мне превратиться в суетливого человеко-хомячка. Но после встречи со странным старцем моя жизнь в Кишиневе потеряла свой привычный ритм.

Меня захватило непреодолимое желание исследовать иные реальности и я стал усиленно изучать книжный эзотеризм. Мне захотелось стать настоящим ловцом снов, чтобы вылавливать из Зазеркалья предначертания своей судьбы, и я избегал общества людей, обремененных только житейскими заботами. В то время я был руководителем небольшой группы программистов в университете и мог спокойно жить в относительном затворничестве.

Но, несмотря на все свои усилия, я ни на шаг не приблизился к Духу. Медитации не давали желаемого результата, а погоня за эзотерической литературой превратилась в бесплодное коллекционирование редких трактатов. Книги уводили меня в мир грез и неосуществимых фантазий, после которых оставались лишь разочарование и сухие ментальные схемы.

***На этой гравюре Ангелы небесные спускаются со своих
высот на землю, чтобы разбудить спящего ученика.
Ему пора проснуться и устремить свой взор к Господу.
Настал час, когда ученику следует познать себя и
подняться по лестнице, ведущей вверх, в небесные сферы.***

Я серьезно стал задумываться над тем, как найти человека, который смог бы провести меня сквозь пелену мирского восприятия.

А за окном протекала так надоевшая мне однообразная жизнь.

В одну из летних ночей, когда я медитировал на фото Шри Юктешвара, я почувствовал вдруг, что он обращается ко мне: «Если ты действительно хочешь проникнуть в тайну самого себя, то поспеши в Одессу, к своему другу. Ты найдешь там то, что так долго ищешь. У тебя есть только три дня». На мгновение глаза Шри Юктешвара на фотографии ожили, как будто он подтверждал свое сообщение.

– К какому именно другу? – обратился я к нему мысленно. – У меня в Одессе так много друзей и знакомых!

Но ощущение его присутствия уже пропало, и фотография выглядела как обычно. Я еще некоторое время сосредотачивался на ней, но невидимая внутренняя дверь уже закрылась, и я лег спать.

Я проснулся от утреннего солнца, приветливо светившего мне в лицо. Я вскочил и распахнул окно. На ветке тополя у самого ствола каркал черный ворон. Я внезапно вспомнил слова Шри Юктешвара, услышанные ночью, и по мне пробежал легкий электрический ток. Я прошел на кухню и кинул ворону кусок хлеба, но он, резко взмахнув крыльями, улетел прочь.

Мне стало не по себе и я, наспех одевшись, вышел на улицу. Солнце играло теплыми лучами на зеленой листве деревьев и крышах домов. Бредя, куда глаза глядят, я размышлял о совете Шри Юктешвара. Желание последовать ему становилось все сильнее. «Даже если это видение и является лишь игрой подсознания, то я все равно ничего не теряю, съездив в Одессу, – рассуждал я. – В крайнем случае, освежусь морским ветерком, да наведаю давних приятелей. Ну, а если это был действительно совет самого Шри Юктешвара, то в моих руках золотой шанс». Я позвонил по уличному телефону своему заместителю, и сказал, что на три дня ухожу в подполье, и что он должен сам решать текущие вопросы. Такое случилось нередко, и поэтому я мог не беспокоиться о своей лаборатории.

От Кишинева до Одессы, лениво раскинувшейся на берегу Черного моря, я смог бы доехать на электричке даже и до полудня. Я купил билет и устроился на деревянной скамье старого вагона, просматривая от нечего делать забытую кем-то газету. Электричка тронулась. В вагон по-хозяйски вошла развязная немолодая цыганка в ярком цветастом платье и, быстро обведя взглядом вокруг, направила в мою сторону.

Я недолюбливал цыганок за их назойливость и природную склонность к магии. Легко покачивая пышными бедрами, она небрежно подошла ко мне и заискивающим голосом произнесла:

– Поддай рубль бедной женщине, и она поведаст тебе будущее.

Я не собирался верить ее гаданию, понимая, что ей надо хитрым образом извлечь деньги из моих карманов. Но под ее давлением, нехотя положил рубль в ее грязную ладонь. Вдруг она схватила мою руку и стала быстро говорить:

– Судьба тебя ждет непростая, дорога дальняя: иди по ней, не оглядываясь. Забудь свое прошлое, смотри только вперед. Еще подай, и я все расскажу тебе.

Я вывернул пустые карманы.

Цыганка озлобленно махнула цветным подолом перед моим носом, и, сплюнув на пол, скрылась в другом вагоне. «Жуткая женщина, – подумал я, – я еще дешево отделался».

Три часа спустя я шагал по одесским мостовым по направлению к улице Бабеля, где и жил мой старый приятель.

Он был необычным человеком. В его квартире постоянно толпились местные и приезжие мистики, отшельники, последователи Раджниша, Ауробиндо, Кастанеды и иных духовных учителей. Временами гости так утомляли Георгия, что он, при их приближении, прятался за занавеской или сбегал через окно в задней комнате, но гости, зная эти незатейливые хитрости, спокойно ожидали его неизбежного возвращения. Иногда Георгий принимал решение начать новую жизнь: он закрывал свой дом и постился дня три-четыре, но едва восстановив свои силы, бросался в водоворот общения вновь.

На улице стояла жара, легкий ветерок шевелил листья огромных каштанов на бульваре. С радостным предчувствием я вошел в старенький уютный дворик и огляделся в поисках чего-нибудь необычного, предсказанного в медитации. Но на крыльце сидел лишь большой рыжий кот, настороженно наблюдавший за мной. Осторожно проскользнув мимо него, я поднялся по темной лестнице с истертыми ступенями на галерею, заглянул в окно квартиры своего друга и увидел весьма необычную картину.

За столом сидели знакомые мне одесские эзотерики; перед каждым из них стояла шахматная доска, и они сосредоточенно разглядывали сложные позиции, дымя длинными сигарами. Их глаза неестественно блестели. Перед столом, спиной ко мне, стоял крепкого сложения незнакомец с седыми, вьющимися волосами. Казалось, он излучал спокойную уверенность мудреца, удивительную в напряженной атмосфере прокуренной комнаты. Я услышал его слова: «Вам – шах», – и прошел дальше, к двери. У дверей меня настигла следующая фраза незнакомца: «А вам, мсье, мат». Дверь квартиры Георгия была почти всегда открыта, и я, дав знать о своем приходе легким стуком, вошел в комнату.

Георгий, в летней безрукавке и потертых джинсах, заметив меня, вышел навстречу. Его светлые глаза пристально смотрели на меня.

– Ты, я помню, – сказал он вместо приветствия, – не один год ищешь Мастера. Так вот, тебе повезло: Мастер сам приехал сюда.

– Собираешься ли учиться у него и ты? – спросил я.

– Я посмотрю сначала, что выйдет из тебя, – отрезал Георгий и направился к незнакомцу. На фоне вольных одесситов в джинсах и разноцветных майках, гость выделялся строгой рубашкой глубокого синего цвета и дорогого покроя темными брюками. Прямая осанка выражала достоинство и непринужденность. Его лицо с тонкими, благородными чертами и дружелюбным взглядом могло бы принадлежать, как я вдруг подумал, какому-нибудь знатному средневековому рыцарю.

– Это Касьян, мистик из Молдавии, подающий большие надежды, – обратился к нему Георгий с легкой усмешкой. Незнакомец посмотрел на меня, и я почувствовал, что незамеченным для этого человека осталось очень немного. Он спокойно выдержал мой испытующий взгляд и подал руку.

– Называй меня Жи. – сказал он. Рукопожатие его было твердым, но чутким. Затем он вернулся к столу с шахматными досками, а я, выбрав последнюю новинку самиздата из библиотеки Георгия, пристроился в углу, наблюдая время от времени за сеансом одновременной игры.

Я провел в углу несколько часов, а за столом происходило постоянное движение: проигравшие мистики вставали из-за стола, а на их место садились новые. Но и выбывшие из

игры не уходили из комнаты: они окружили Джи, с большим воодушевлением о чем-то ему рассказывая. Как я понял по отдельным услышанным фразам, они делились с ним своим сокровенным опытом. Я хорошо знал этих людей, их ироничную манеру общаться и усталый скепсис и не мог понять, каким же образом Джи удалось так расположить их к себе. Георгий, однако, был напряжен, и взгляд его выражал беспокойство.

Ближе к вечеру Джи спросил:

– Кто хочет прогуляться на пляж?

В комнате наступило недолгое молчание.

– Я с удовольствием отправлюсь с вами, – быстро ответил я.

Я шел молча рядом с Джи по вечерним одесским улицам, обдумывая мучивший меня вопрос и, наконец, собравшись с духом, спросил:

– Я давно пытаюсь понять, что такое высшее «Я» и как мне его достичь. Не могли бы Вы рассказать мне об этом?

– Мне кажется, – ответил он, искоса поглядывая на меня, – ты уверен в том, что можешь проникнуть в Зазеркалье, оставаясь таким же сырым и непроработанным, как сейчас.

– Что вы имеете в виду? – настороженно спросил я.

– Таким, каков ты есть сейчас, ты никогда не сможешь достичь высшего «Я», – заявил он. Его глаза бесстрастно изучали мою реакцию.

– Какое же это непреодолимое препятствие вы нашли во мне?

– Говоря языком алхимии, – продолжил он, – ты являешься неофитом, в котором заключена первоматерия; на алхимических гравюрах она символизируется Уроборосом – драконом. В твоём Уроборосе в потенциальном виде находятся сера – сущность, и ртуть – душа. На первом этапе алхимического делания необходимо выплавить эти серу и ртуть из Уробороса, очистить их, и по достижении определенной степени чистоты, можно приступить ко второму этапу алхимического делания. Именно: поместить твоё мужское стабильное начало, стремящееся к духу, и твоё женское летучее начало, стремящееся к Аниме Мунди, в алхимическое яйцо, запечатать его печатью Гермеса и поставить его на постоянный огонь в атанор, алхимическую печь. После долгого процесса трансмутации должна получиться материя Ребис – андрогинная субстанция, которая обладает качествами и серы, и ртути. Но полученная андрогинная субстанция нестойка по своей природе и легко может испариться под влиянием жизни. Поэтому её надо тщательно оберегать и не вынимать из алхимического яйца. Если ты будешь допускать проявления негатива, то через эти проявления андрогинная субстанция быстро улетучится, и тебе придется повторить весь процесс алхимического делания с самого начала. Но если все, милостью Божией, пройдет удачно, наступит третий этап алхимического делания. На третьем этапе твою материю Ребис необходимо подвергнуть дальнейшей трансмутации, и этот процесс может занять несколько лет. Только тогда из неё может быть получен Философский Камень, или, в понятных тебе словах, ты обретишь своё высшее «Я».

В этот момент нечто стукнуло меня по голове, и я вскрикнул от неожиданности. Джи наклонился, и поднял с мостовой каштан в грубой зеленой скорлупе с длинными иглами, свалившийся мне на голову.

«Сейчас он скажет, что каштан является знаком для того чтобы подвергнуть моего Уробороса испытанию огнем», – скептически подумал я. Но Джи, бросив на меня понимающий взгляд, произнес:

– Я думаю, что этот каштан, подслушав наш разговор, решил напомнить кое-кому о его невежестве.

– Эх завернул, – пронеслось в голове и, потеряв ссадину, я признался в одной из своих глубоких проблем.

– Дело в том, что я попал во внутренний тупик, и техники, которые я практикую, уже не дают прежних результатов.

– Тебе надо измениться, и только тогда ты попадешь в высшие миры.

– Что значит «измениться»? Я не вижу в себе ничего такого ужасного, что нужно было бы менять.

– Я имею в виду, – улыбнулся Джи, – что тебе не хватает внутренней культуры.

– Я окончил университет. Я дипломированный математик и руководитель лаборатории, – заявил я, обидевшись. Беседа все глубже и глубже задевала меня за живое.

– При всем при этом себя ты так и не изучил.

В это время мы проходили мимо бойкой на вид девушки, продававшей виноград с лотка. Джи улыбнулся ей и спросил:

– Как вы считаете, похож ли этот молодой человек на математика?

Она бросила на меня быстрый взгляд и ответила с деланным смущением:

– Вы, надеюсь, простите меня, если я скажу, что он больше похож на лешего.

Я покраснел от ее дерзости, а она громко расхохоталась. Мне показалось, что Джи был чрезвычайно доволен ее ответом, и я просто взвился от возмущения:

– Да откуда у этой лоточницы возьмется мало-мальски верная оценка меня?!

Но Джи, не обращая на меня внимания, снова обратился к продавщице:

– Знаете ли вы детскую песенку про цыпленка?

Цыпленок жареный, цыпленок пареный
Пошел по улицам гулять.
Его поймали, арестовали,
Велели паспорт показать, —

звонким голосом пропела девушка, ехидно поглядывая на меня.

– Конечно, высмеивать покупателей гораздо интереснее, чем просто торговать виноградом, – пробурчал я, уязвленный этим водевильным диалогом. Но Джи не дал мне продолжить, снова обратившись к девушке:

– Кого же вам напоминает мой спутник?

– Сырого цыпленка, конечно – рассмеялась она. Я не ожидал такого содействия Джи со стороны лоточницы, но заподозрить их в сговоре показалось мне нелепым. Джи улыбнулся маленькой проказнице и сказал:

– Ну, а теперь, Касьян, за ту помощь, которую оказала тебе в самоизучении эта милая девушка, купи для нас несколько килограммов винограда.

– Взвесьте вот эти, покрупнее, – сказал я девушке, изображая приятную улыбку.

На гравюре изображен Уроборос, или Дракон, помещенный в алхимический огонь. Дракон символизирует первоматерию. В нем заключена основная сила человека. Если человек становится на Путь Совершенства, то ему необходимо пройти алхимическую трансформацию. На первом этапе из Дракона, помещенного в атанор, алхимик постарается извлечь Серу – огненное мужское начало, и Ртуть – летучее влажное женское начало. Марс как страж порога не позволяет Уроборосу вырваться из атанора и избежать трансмутации. За протекающими изменениями должен наблюдать опытный Мастер, который знает весь процесс трансмутации, ведущий к получению Философского Камня.

Вскоре мы добрались до пляжа и, оставив одежду, бросились в прохладные волны. Вдали белел одинокий парус, и Джи поплыл к нему, отдаляясь прочь от берега, а я вслед за ним. Мы плыли в открытое море не менее получаса. Берег остался далеко позади; парус исчез за горизонтом. И тогда я решился задать самый важный вопрос; правильный ответ Джи рассеял бы остатки моих сомнений:

– С чем сталкивается человек, достигнув сверхсознания?

Джи, обратив на меня твердый взгляд, ответил:

– Когда человек соприкасается с высшим «Я», он видит бессмысленность земной жизни, направленной на выполнение родовых семейных программ. Он отчетливо понимает в этот момент, что живя телесным «я», он проводит жизнь во сне. Он видит, что все люди спят и сон их настолько глубок, что невозможно это кому-либо объяснить и, тем более, дать пережить. Только немногие могут проснуться от сна майи и войти в соприкосновение со своим божественным началом, со своим высшим «Я». Сон майи настолько силен, что растворяет все стремления к высшему.

Я сразу распознал в атмосфере слов Джи отблески тех нескольких состояний сверхсознания, которые я пережил некогда в своей ранней юности и понял всем своим существом, что Джи говорит из опыта, а не цитирует какого-нибудь духовного Учителя. Я больше не сомневался, что Джи и есть тот человек, о котором мне сообщил в медитации Шри Юкешвар, и от прилива радости глубоко нырнул. Я не закрывал глаз, чтобы насладиться видом таинственно мерцающей воды. Вынырнув, я увидел Джи плывущим к берегу, далеко от меня. Когда, усталые, мы вернулись к своему месту на пляже, я обнаружил, что пакет с виноградом исчез.

– Не расстраивайся, – сказал Джи, – это дань местным духам.

– Это пляжные мальчишки, – сказал я с досадой.

– Они тоже духи, воплощенные в тела, – заметил Джи, – только не осознают этого.

Вскоре мы вернулись в квартирку Георгия, которая уже опустела; только раздавленные окурки сигар в тарелках и на полу напоминали о недавних посетителях. В дверях задней комнаты вдруг появилась изящная дама с золотистыми волосами, спускающимися до плеч. Ее зеленоватые глаза сверкали потусторонним блеском, и она напомнила мне статуэтку китайской принцессы, вырезанную из темного дерева, которая стояла у меня на письменном столе. Она шла легко и бесшумно, а вокруг тонкой талии словно струилось серебристое мерцание. Мягко опустившись в кресло, она закурила и стала пристально рассматривать дым своей сигареты. Вдруг я понял, что она находилась в состоянии, которое я иногда улавливал в своих глубоких медитациях. Это была спутница Джи.

– Познакомься, дорогая, – сказал он ей. – Это мой новый знакомый из Кишинева, Касьян.

Георгий позволил мне устроиться на ночь на кухне, и выделил мне матрас и одеяло. В ту ночь мне удалось поймать сон, связанный с дамой Джи. Я оказался в густом саду с раскидистыми экзотическими деревьями и бродил среди дивных цветников. Мне захотелось сорвать красный цветок на высоком тонком стебле, и я протянул руку, но неожиданно услышал: «Не трогай его, пришелец, я запрещаю тебе срывать цветы в этом саду». Я обернулся и увидел воздушную фею. Она была необычайно красива, с ниспадающими до плеч золотистыми волосами, однако зеленоватые глаза смотрели пронзительно и враждебно. Мне показалось, что я узнал ее. Она взмахнула рукой, и все цветы превратились в эльфов, затем она величественно повернулась и медленно направилась в сторону леса, сопровождаемая эльфами. Поляна опустела. Я собрался последовать за ней, но она обернулась и остановила меня презрительным взглядом.

С тех пор я стал называть даму Джи Феей – повелительницей эльфов из волшебного сада. На следующий день я попытался рассказать ей о встрече во сне, но она устало-равнодушным взглядом остановила мой воодушевленный рассказ после первого же предложения. За окном лил дождь, и утомленные пыльные деревья с радостью подставляли свои обмякшие ветви шумным струям. Я заглянул в комнату, где расположился Джи, чтобы задать следующий важный для меня вопрос. Джи читал «Философию свободы» Бердяева.

– Как мне приступить к изучению самого себя? – спросил я.

Джи оторвался от чтения и, заинтересованно посмотрев на меня, спросил:

– Ты уже преодолел свой скептицизм?

– У меня никогда его и не было, – удивился я. – Я всегда стремлюсь к высшему «Я».

– Ты не наблюдаешь себя. Не замечал ли ты, что в тебе живет большое количество разных «я»?

– Я считаю себя целостным, – ответил я не очень уверенно.

– Посмотри на это дерево, – произнес Джи. – Если прибегнуть к метафоре, то ты – это ствол и ветви, а листья – твои различные «я», и у каждого из них свое, отличное от других желание. Только тогда, когда ты объединишь их в одно целое, обрешь ты свою целостность.

– Вы хотите сказать, что мне надо сделать из всех листьев дерева один огромный лист? – пошутил я.

Но Джи не обратил внимания на мои слова, а только странно посмотрел мне в глаза. От его взгляда внутри меня нечто сместилось, и во мне ожили сотни маленьких существ, до сих пор спокойно спавших на дне души. Во мне вдруг всплыли десятки противоречивых желаний: срочно познакомиться на улице с интересной дамой; сходить в ресторан и прокутить последние деньги; сесть на поезд и, добравшись до Киева, провести со своей девушкой несколько дней наедине. Затем у меня возникло желание сбежать от Джи, и еще масса сумбурных идей проплыла по моему сознанию. И только где-то глубоко внутри прозвучал еле слышно робкий голос одного из моих «я», которое хотело развиваться и искало общения с Джи. Я заметался по квартире как раненый зверь, и вдруг заметил, что Джи наблюдал за моим смятением с нескрываемым удовольствием. Я был поражен, встретившись с его взглядом, и тогда, среди хаоса чувств, раздался скептический шепот: «А что ты тут делаешь»?

Я выскочил на улицу. Сильный порыв ветра хлестнул по лицу проливным дождем, и я, гонимый хаосом, помчался наугад, пока не выбился из сил. Невдалеке росла высокая акация. Я встал под ней, прислонившись к стволу, и она по-матерински утешала меня шумом ветвей, успокаивая многоголосые разные «я». От холода и сырости сознание прояснилось, и я вернулся в квартиру. Но там был лишь ее хозяин, одиноко сидящий за бутылкой вина. Увидев меня, Георгий сделал большой глоток из горлышка и сумрачно произнес:

– Деньги все пропиты. К тому же, ситуация стала настолько напряженной, что я закрываю для гостей свой дом и уйду в глубокое подполье. Прошу тебя, безо всяких обид, исчезнуть из моей квартиры. И не забудь захватить с собой своего Мастера.

– Я с удовольствием приму Джи и его спутницу у себя, – ответил я.

– Вот завтра и поезжай, – недобро усмехнулся он. Взгляд его остекленел, и я вышел из душевой комнаты. Бродя по пустынным улицам, я пытался осознать то, что со мной произошло. Сопоставив все факты, я еще более утвердился в мысли, что Джи и является тем человеком, который сможет указать мне Путь, ведущий к высшему «Я».

Я дождался его возвращения и осторожно обратился к нему:

– Приглашаю вас и вашу спутницу в Кишинев, познакомиться с местными мистиками и попробовать отличного молдавского вина.

– Я поговорю с Феей, – ответил он и удалился.

Я долго не мог заснуть, лежа на матрасе в кухне Георгия: от всей души я желал, чтобы Джи и Фея приняли мое предложение.

Глава 2

Зашифрованная карта Пути

На следующий день Джи сообщил, что принимает мое приглашение.

– Тогда надо срочно собираться, – заметил я. – Георгий в очередной раз решил начать новую жизнь, и хочет избавиться от гостей.

Быстро упаковав вещи, мы вдвоем отправились на вокзал и сели в подошедшую электричку. Войдя в вагон, я поставил сумки под деревянными скамьями и уже было собрался вздремнуть, как Джи предложил мне сыграть партию в шахматы. Через пять минут игры я понял, что эту партию мне не выиграть. Сон как рукой сняло, а когда он поставил мне мат, я был в полном недоумении. Фея, увидев мой проигрыш, улыбнулась. Мне давно хотелось задать Джи один вопрос, но никак не удавалось найти подходящий момент.

– Что такое Путь? – набравшись храбрости спросил я. Джи улыбнулся и ответил:

– Твой путь длиной в бесконечность начинается с плохой шахматной партии. Знаешь ли ты, что самураи перед смертельным поединком садились сыграть партию в го, и именно тот, кто ее выигрывал, был, как правило, победителем и в поединке. Партия в го показывала, чье намерение сильнее.

– Почему же вы называете наш поединок «смертельным»? – спросил я, насторожившись.

– Да потому, – ответил Джи, пристально глядя на меня, – что борьба с твоим Уроборосом предстоит нам не на жизнь, а на смерть.

Я невольно вздрогнул от его интонации, которая словно копьем пронзила нечто в глубине моего живота.

Фея, казалось, скучала; она, в легком летнем платье, с закрытыми глазами сидела у окна. Ее распущенные золотистые волосы дремали на открытых плечах.

– В каком районе Кишинева ты обитаешь? – поинтересовалась она.

– В большой трехкомнатной квартире недалеко от вокзала, – ответил я. – Каждый день шум поездов напоминает мне о Пути. Этот район города находится в котловине, и по ночам в ней собирается мутный серый туман, несущий в себе тяжелый эмоциональный осадок рабочей окраины. Просыпаясь утром, я вдыхаю отравленную низкими эмоциями атмосферу и впадаю в тупую остекленелость.

– А зачем ты выбрал такой идиотский район? – поинтересовалась Фея.

– Это район выбрал его, – заметил Джи.

Спустя несколько часов наш поезд подъехал к кишиневскому вокзалу, на перроне которого теснились толпы людей, томясь в ожидании под палящим солнцем. Мы взяли такси и быстро доехали до многоэтажного дома, в одной из квартир которого я обитал. Пока Джи с Феей устраивались в маленькой комнате, я приготовил чай. Выпив чая, Фея сказала, что хочет отдохнуть с дороги и вернулась к себе.

– Хотите посмотреть, где я медитирую? – спросил я Джи. Он кивнул, и я провел его в свою келью. Джи бросил взгляд на изображение Бабаджи и фотографию Шри Юктешвара и заметил:

– Хорошо устроился, братушка.

– Вот здесь и проходят мои многочасовые медитации, – сказал я.

– Ну, и каких результатов ты достиг?

– Иногда достигал состояния сатори.

Джи внимательно посмотрел на меня.

– Уже несколько лет медитации не приносят желаемых результатов, – признался я. – Я совсем пал духом, потому что оказался в тупике и не могу найти выход из него.

– Он лежит совершенно в иной плоскости, – сказал Джи. – Ты действовал в одиночку, пытаешься проникнуть в высшие сферы с черного хода. Но даже если тебе и удастся попасть туда на некоторое время, ты в них не удержишься. Это все равно, как если бы конюх попытался войти в высшее общество. Он, конечно, сможет взглянуть краем глаза на великолепную жизнь, но не более того. Ты должен научиться вхождению в высшие миры с парадного входа. Когда тебе удастся это, ты по праву займешь там достойное тебя место.

– Почему вы считаете, что мои медитации являются входом с черной лестницы? Ведь во всех эзотерических учениях обещано окончательное просветление через медитацию.

– Да потому, что кроме видения высших миров необходимо владеть как внешней, так и внутренней культурой. Да и вообще, для начала ты должен изучить всю земную культуру, и только затем пытаться проникнуть на небеса, – произнес он и подошел к окну. Я пришел в замешательство от обрисованной перспективы и, глядя ему в спину, недовольно произнес:

– Мне хотелось бы верить вашим словам, но я не вижу оснований для этого. Я не встречал еще ни одного культурного человека, который бы имел отношение к высшим мирам.

– А знаешь ли ты, – не оборачиваясь, ответил он, – что земная цивилизация была инспирирована из высших сфер?

– Вы хотите сказать, что для того, чтобы проникнуть в высшие миры, мне надо изучить всю современную культуру? У меня едва хватает времени на медитации! – возмутился я.

Джи с сожалением посмотрел на меня и, ничего не сказав, вышел из комнаты. Я был доволен тем, что не уступил, но через несколько минут на меня навалилось состояние бессмысленности, и я перестал радоваться своему упрямству.

Когда на следующий день я вернулся с работы, Джи, сидевший в гостиной с книгой, произнес:

– Не хочешь ли ты, Братец Кролик, немного прогуляться?

– С удовольствием, – сказал я, быстро проглатывая остатки вчерашнего ужина.

Мы вышли на асфальтированную дорожку и зашагали по направлению к городскому парку. На улице было тепло, редкие прохожие улыбались августовскому солнцу, но я, не обращая внимания на красоту мира, задал Джи важный вопрос:

– С чего бы я мог начать свое внутреннее развитие?

– С наблюдения за собой, – ответил он.

– Но какое отношение это имеет к внутреннему развитию?

Джи оценивающе посмотрел на меня и произнес:

– Ты все еще считаешь себя целостным и не хочешь признать, что ты состоишь из многих частей, мало осознающих друг друга.

– Мне не нравится эта мысль, – недовольно ответил я.

– Тем не менее, это так, – улыбнулся он. – Причем, хоть твоя голова и работает как компьютер, но он требует починки и настройки, а твои инстинкты похожи на диких обитателей джунглей.

– Это сравнение нелепо, – заметил я.

– Вряд ли ты помнишь о своем желании развиваться, когда встречаешь красивую женщину, – сказал Джи. – И едва ли ты будешь помнить о высших мирах, если задето твое самолюбие.

– Я никогда об этом не задумывался.

– А ты помедитируй над этим, – сказал Джи.

Весь оставшийся вечер я размышлял над услышанным.

Поздно вечером я прилег на диван в своей комнате. Я долго настраивался на то, чтобы поймать сон, связанный с Джи. Мне удалось найти его возле готического собора. Он стоял у входа, созерцая статую Девы Марии. Я встал рядом с ним, ожидая, когда он обратит на меня внимание. Из собора вышло несколько человек, выглядевших весьма необычно. Они

остановились недалеко от нас, и я стал прислушиваться к их беседе. Они говорили о всемогуществе Бога. Высокий человек в темной накидке с серебристыми проблесками произнес: «Бог не является всемогущим. Он сотворил такой камень, который сам не может поднять, и этот камень – человек. Когда Люцифер пал, он увлек за собой в низшие миры все человечество. А вот поднять человечество в те миры, где оно обитало прежде, для Бога оказалось невозможным».

«Не думаю, что это так, – заметил человек средних лет в голубом бархатном плаще. – Поскольку Господь даровал человеку свободу выбора, Он не будет поднимать человечество против его воли. Но если человек возымеет желание подняться в высшие миры, то внутри него засияет божественный Свет, и весь Космос откроет ему свое волшебство. Если же человек отринул Господа, то он остается в тягостном одиночестве, и посмертная жизнь его ужасна. У человека есть божественное будущее: он может возвыситься до Адама Кадмона и, созерцая Господа, творить вместе с Ним. У человека есть дар любви, и, любя мир вокруг себя, он возносится ввысь, ощущая ответную любовь. Любовь и стремление к духовной свободе – это два крыла, на которых человек может подняться к высшим мирам».

В это время на площади раздался пронзительный крик, и появился бегущий в нашу сторону человек. За ним гнались двое стражников с обнаженными мечами. Через несколько мгновений беглец в потрепанной одежде оказался возле меня и, схватив за руку и заглядывая мне в глаза, стал просить о помощи. Я не знал, как можно ему помочь, будучи безоружным и ничего не зная об этой стране. Я попытался вырваться из его цепкой хватки и от этих усилий проснулся в холодном поту. Сон был настолько реальным, что мне стало слегка не по себе.

Когда мои чувства улеглись, я вышел в гостиную. Джи сидел на диване и беседовал с Феей. Увидев меня, он улыбнулся и сказал:

– Ну, заходи, брат Касьян, что-то давно тебя не было видно.

Я сел в кресло и, помолчав для приличия минуты три, решительно спросил его:

– Не могли бы вы сместить мое восприятие за границы обыденного мира?

– Ты думаешь, что уже готов к этому? – испытующе спросил он.

– Я уже давно надеюсь, что смогу вновь пережить состояние сверхсознания, – ответил я.

Джи прошел в мою келью и сел, скрестив ноги, под фотографией Шри Юктешвара; я расположился напротив. Джи слегка прикоснулся правой рукой к моей груди. Во мне внезапно открылась сияющая бесконечность: это был свет бесчисленных звезд внутреннего космоса. Яркая волна благодати разлилась по мне, так что я сам начал становиться этой благодатью. Утратив осознание тела, я почувствовал свое единство со Вселенной, ощутил себя мощным сияющим «Я» простирающимся до границ звездных миров.

– Я дал тебе возможность вновь прикоснуться к высшему «Я»; теперь перед тобою всегда будет сиять маяк вечности, – услышал я, когда мое сознание вернулось в тело.

Мое сердце переполняла неопишуемая радость; я видел, что лицо Джи было озарено внутренним светом.

– Я бы хотел научиться у вас самостоятельно входить в состояние сверхсознания, – сказал я как можно спокойнее. Он посмотрел на меня с нескрываемой усмешкой, но тем не менее ответил:

– Это будет не то обучение, о котором ты мечтаешь, а нечто совсем иное, и, может быть, ты еще не раз пожалеешь о своем решении. Высшее «Я» лежит на тысячекилометровой внутренней глубине, на которую не так легко погрузиться.

Ситуация была кристально ясной: Джи имел доступ к сокровищу, которое я желал приобрести любой ценой.

В Кишиневе у меня были единомышленники, с которыми я обменивался литературой, но никто из них не встречал человека, знающего путь к высшему «Я». Мне казалось, что

охотники за внутренней свободой будут счастливы встретиться с тем, кто укажет на отраженный свет внутреннего солнца. Мне хотелось предоставить им хотя бы один шанс.

Первым на очереди был мой лучший друг Григорий. Десять лет он пытался достичь высшего «Я», сидя в отрешенной позе на крыше биологического корпуса Академии наук. Он был аспирантом и писал диссертацию. Жил он на запыленном чердаке старой лаборатории, где валялись брошенные столы и сломанные стулья.

Летние ночи он проводил на крыше, вглядываясь, как некий индийский йог, в далекие звезды, чтобы найти в бесконечном небе ту звезду, где провел свою прошлую жизнь. Он был уверен, что пришел на землю для того, чтобы именно здесь найти постоянно ускользающее «Я».

Тело его было красивым и мускулистым – следствие его напряженных тренировок по системе Хатха-йоги. В него постоянно влюблялись студентки университета, но ему удавалось держаться в стороне, избегая мягкого женского плена.

В запыленном углу его аскетического жилища лежала громадная куча книг, в которых он пытался найти метод, ведущий к полному освобождению.

Но когда я вошел к нему на чердак, я понял, что что-то случилось: книги были покрыты толстым слоем пыли и густой паутиной. Я нашел своего друга на крыше, в безрадостном настроении, с потрепанной книгой доктора Штейнера «Как достичь познания высших миров» в руке. Он сидел на низеньком стульчике и наблюдал за медленно бегущим временем.

– Я принес тебе важное известие, – сказал я ему.

В отсутствующем взгляде Григория появился легкий интерес.

– Я встретил человека, который знает, как открыть свою божественную природу! – воскликнул я радостно. – Он, я думаю, и тебя примет в ученики.

– Ты немного опоздал, – безучастно ответил он. И тут я увидел, как из двери, выходящей на крышу, появилось милое существо с худеньким личиком и большим животом, и, не обращая на нас внимания, стало развешивать на веревке рубашки Григория и цветное белье.

– Вот, видишь? – заявил он. – С погоней за просветлением я завязал, оставлю это на следующее воплощение. Я выхожу из игры. Прошу тебя убраться из моей конуры и никогда не напоминать мне о прошлом.

– Ну и влип ты, Григорий, – бросил я ему. – Как говорил Гурджиев, ты умрешь, как последняя собака под забором.

И я с презрением удалился. Григорий молча наблюдал, как я спускаюсь по лестнице, а я не оглядывался, зная, что уйду навсегда.

Когда я вернулся домой, Джи сидел в мягком коричневом кресле в гостиной; он пил чай и увлеченно читал все тот же толстый том Бердяева. Услышав, что я пришел, он оторвался от книги и вопросительно посмотрел на меня.

– Я вот только что навестил своего давнего друга, много лет мечтавшего о внутренней свободе. Я хотел его познакомить с вами, но опоздал, он успел жениться на молодой барышне.

– Мне кажется, что ты пришел вовремя, а вот он не дождался своего шанса, – улыбаясь, ответил Джи.

– Ответьте мне, каким образом я мог бы начать свою эволюцию?

– Ты можешь начать с изучения себя, – ответил он, осматривая меня, словно не веря моей искренности.

– Мне кажется, что я неплохо знаю себя, – возразил я с некоторым удивлением.

Джи заварил себе зеленого китайского чая, залив его горячей водой из термоса, посмотрел на меня как на бестолкового человека и произнес:

– Ты знаешь себя только как свои физическое и астральное тела, но ты ими не являешься.

– Откуда вам известно, что я часто выхожу из тела? – спросил я в изумлении, – я ведь никогда не рассказывал вам об этом.

– Ты спишь и видишь сны о себе, – сказал Джи, медленно отпивая чай из фарфоровой чашки, – но, в сущности, ты являешься духом.

– Это звучит как некое внушение, – заметил я с подозрением.

– Ты, видимо, позабыл свои опыты сверхсознания, включая и тот, который я тебе подарил недавно.

– Это могло быть моей фантазией, – заверил я. Но его взгляд не оставлял места для сомнений.

– Очень жаль, что ты помнишь себя только в комфортных условиях, – произнес Джи, – но стоит эти условия слегка изменить, как ты теряешь контроль над собой. Тебе следует освободиться от ошибочных представлений о самом себе, – заключил он и подошел к открытому окну. На улице хлестал дождь, и мрачные свинцовые тучи затянули небо до самого горизонта.

Я был огорчен тем, что Григорий, бывший охотник за просветлением, провалился в мирское болото, сойдя с Пути, который был опасен для молодой жены. Следующим искателем просветления был художник Ион. Много лет он гонялся за собственным отражением, изучая эзотерические трактаты и выплескивая найденные в них откровения в абстрактные картины. Мы с Джи отправились к нему вечером следующего дня. Его жилище стояло на окраине города среди закоулков, где днем бродили куры и надутые индюки, а ночью раздавался лай собак. В небольшом уютном дворике темнел сруб колодца с журавлем и росло несколько лоз вьющегося черного винограда.

Мы поднялись по винтовой лестнице к его логову, и я постучал условным стуком. Послышался скрип половиц, и осторожный голос спросил: «Кто это?»

Я так же тихо ответил: «Свои», – и тогда в открывшуюся щель высунулся недоверчивый нос Иона. Убедившись, что все в порядке, он открыл дверь и исчез в глубине темного коридора. Мы шли за ним на ощупь, пока он не открыл дверь в ярко освещенную гостиную. Его усталые глаза недоверчиво вглядывались в мир, словно в непроходимую чащу леса. Белая рубашка мешковато свисала с плеч, а полотняные брюки были испачканы краской.

– Ты напоминаешь мне звездного мечтателя, посаженного в банку из-под маринованных огурцов, – усмехнулся я.

– А ты поживи с мое.

– Садитесь за стол, – захлопотала его миловидная, несмотря на полноту, жена. Она разлила из графина красное вино.

– Я пью за свободных охотников за просветлением, – произнес Джи.

– За достижение внутренней свободы, – произнес я.

– Поднимаю бокал за нашу счастливую жизнь, – пропела жена.

– Да от такой жизни можно только одуреть, – ответил Ион и медленно осушил свой бокал.

– Хватит жаловаться чужим людям, – заметила она, нервно покручивая кольцо на руке. – Если бы не дочь, давно бы ушла от тебя.

– Принеси лучше из погреба вина и закуски, – повелительно произнес Ион, – эти люди только тебе чужие, а мне – близкие.

Подождав, когда она скроется за дверью, я заметил:

– Постарел ты, брат, и книги тебе не помогают.

– Я только и мечтаю уединиться где-либо в скиту и целыми днями созерцать бесконечную красоту Абсолюта, – произнес задумчиво он.

– Так кто же тебе мешает?

– Дочь надо растить, да семью содержать.

– Твоя жизнь напоминает собачий хвост, – заметил Джи.

– Это уж точно, сколько ее не выпрямляю к небу, она опять заворачивает к земле. – Глаза Иона наполнились грустью.

– Не мог бы ты показать мне свои картины? – спросил Джи.

– Здесь нет моих работ, а вот свое жилище могу показать.

Джи осмотрел три небольшие чистые комнаты, а также чердак, напоминавший мастерскую, и произнес:

– Да, у тебя тут славно.

– Я скрываюсь здесь от жены, изучая древние книги о Духе. Если бы она не ставила палки в колеса духовной жизни, я бы давно достиг просветления.

– Дорогие гости, – раздался мелодичный голосок, – стол накрыт, садитесь, пока не остыло. Играла тихая мелодия аргентинского танго, было сытно и приятно; все это напоминало сон, от которого не хотелось просыпаться. Я понял, что Иону никогда не выбраться из семейного болота. В атмосфере его дома не осталось ничего, что бы говорило о внутреннем поиске.

На улице уже успело стемнеть, и Джи вышел на балкон отдохнуть от проблем чужого родового древа, а я увязался за ним. Над нами сверкали звезды, рассыпанные по темному бархату необъятного неба. Млечный Путь искрился яркими серебристыми туманностями. Глядя на звездное небо, Джи неожиданно произнес:

– Ты задавался когда-либо вопросом о том, кто ты?

– Да, но несмотря на все мои необычные переживания, я продолжаю ощущать себя как тело.

– Ты являешься чем-то гораздо большим, чем эта брменная плоть. Может быть, эта бесконечная россыпь звезд является твоим отражением.

– Хотел бы поверить в это, но не могу, – грустно усмехнулся я.

– Ты спишь и видишь один из своих бесконечных снов.

– Так кто же я?

– Ты вечный дух, облеченный в плоть.

– Но почему я этого не ощущаю?

– Твои чувства похожи на чувства каменной глыбы, – улыбнулся он.

Такое сравнение больно задело меня. Мы вернулись в комнату и, быстро распрощавшись с художником и его симпатичной женой, вышли на темную улочку и направились ко мне, осторожно обходя глубокие лужи.

– Других ловцов ускользающего отражения Бога среди моих друзей не осталось, – заметил я с сожалением.

– Мне жаль, что они упустили свой «золотой шанс»: их воля к свободе угасла в перипетиях жизни, не дотянув до решающего момента. На пути к Неизвестному остаются только самые отчаянные, – произнес назидательно Джи.

– Среди моих знакомых остались лишь странноватые любители эзотеризма. Может быть, они тоже могут быть вам интересны? – предложил я неуверенно.

– Мне совершенно неважно, кто они; любопытно повидаться со всеми. Может, и среди них попадется интересный персонаж для нашего посвятительного представления.

Всматриваясь в далекие и вместе с тем такие близкие моему сердцу звезды, я спросил:

– Не могу понять, почему моя любовь так часто омрачается ревностью?

– Твоя любовь полностью механична. Механическая любовь из «плюса» легко превращается в такой же «минус», – ответил Джи. – Если хочешь стать рыцарем, то не охотись сладострастно за женщинами, а постарайся найти контакт с их внутренней Золушкой.

Тем временем, заблудившись в темноте, мы вышли на заброшенный пустырь, и мне захотелось поскорее выбраться из этого неприветливого места. Но Джи бодро посмотрел на меня и спросил:

– Можешь ли ты, брат Касьян, как настоящий бойскаут, зажечь костер с одной спички?

– Во мне вы можете не сомневаться, – ответил я и, шаря руками в темноте, насобирав толстых палок. Достав из кармана коробок, который всегда носил с собой на всякий случай, я зажег спичку, но резкий ветер погасил ее. Стало совсем прохладно.

Где-то вдалеке глухо прокричал филин; я вздрогнул от неожиданности. Джи улыбнулся и, аккуратно сложив ветки «шалашиком», чиркнул спичкой. Уже скоро языки пламени взвились к темному небу.

Грея руки у костра, я спросил:

– Могу ли я в тонком теле проникнуть в высшие миры?

– Это не так легко, как ты думаешь, – ответил Джи. – Даже если ты покинешь плотское тело, тебе не удастся попасть туда. По космическим законам духовного роста в начале Пути тебе необходимо познать нашу Землю, осознать ее и полюбить. Только тогда ты получишь право войти в духовные миры, и то ненадолго, ибо впереди тебя в ожидании нового духовного импульса стоит вся Вселенная и все цивилизации, существующие в ней. Тебе надо принять, изучить и полюбить их. Только тогда ты завоюешь право войти в духовный мир, который является достоянием человеческой колонны, освоившей планеты многих звездных систем. Я вкратце описал тебе путь восхождения человека к высотам Духа, путь, по которому проходит тот, кто ищет освобождения. В Махабхарате Кришна обучает Арджуну этому искусству, искусству воина. Только победив все мутное и демоническое внутри себя и став подлинным властелином своего внутреннего царства, ты получаешь право перехода в высшую касту брахманов, пневматиков, истинных руководителей человечества и всего сущего.

– Великолепно, – ответил я, пытаясь скрыть свой скепсис. – Но перспектива, нарисованная вами, рассчитана на десятки, если не на сотни воплощений, а я хочу достичь освобождения в этой жизни.

– Поспешай медленно, – улыбнулся Джи.

На следующий день я решил позвонить Гурию. Гурий изучал в университете теоретическую физику и мечтал стать великим ученым. Но внешне он больше напоминал Ламме Гудзака – спутника Уленшпигеля, чем выдающегося физика. Да и имя у него было не совсем подходящим для ученого. Несмотря на свой напыщенный вид, Гурий, как мне казалось, пытался проникнуть в суть своего существования, чтобы хоть на мгновение поймать на облаках свое отражение.

Познакомился я с ним год назад, в центре города, у громадного памятника королю Стефану Великому. Гурий с той поры изредка почитывал книги из моей библиотеки, пытался медитировать и говорил, что он – мой ученик. Я не отрицал этого, но и не подтверждал, потому что он напоминал мне пустынное растение, перекати-поле. Было похоже, что нигде он долго не задерживается, и жизнь несет его неизвестно куда.

Набрав его телефонный номер, я услышал радостный голос, отвечавший, однако, с легким упрёком:

– Ты исчез на целую неделю, не предупредив меня.

– Я получил важный знак в сновидении, который вывел меня на особых людей. Они теперь гостят у меня, и если хочешь с ними познакомиться, – приходи.

– Буду у тебя через пятнадцать минут, – взволнованно сказал он и бросил трубку.

Я усмехнулся тому, что Гурий отреагировал именно так, как я рассчитывал: он интересовался только значимыми и особыми людьми. Этому он научился у своего отца, важного чиновника, который, несмотря на то, что принадлежал к угасавшему грузинскому дворянскому роду, сумел сделать неплохую карьеру в советской Молдавии. Минут через десять послышался шум подъезжающей к дому машины, быстрые шаги по лестнице и резкий продолжительный звонок. Открыв дверь, я увидел Гурия, с гордым видом держащего увесистый пакет. Он решительно шагнул в комнату навстречу Джи и, поскользнувшись на коврике, растянулся во весь рост, потеряв весь апломб.

– Пришел к вам, чтобы войти в историю, да вот поскользнулся, – сказал он смущенно, и обезоруживающая улыбка появилась на его лице.

Он достал из свертка свою традиционную двухлитровую бутылку чачи и произнес:

– Гурий. Дарю от чистого сердца.

– Ты сообразительный молодой человек, – заметил Джи, и приняв подарок, коротко представился: «Джи». Гурий, довольный тем, что угодил гостю, бодро прошел в комнату и налил себе чашку кофе.

– А как насчет коньячка? – обратился он ко мне.

Я подумал, что Гурий еще менее, чем я, осознает свою духовную природу, и поэтому ведет себя как человек, еще не знающий, какой долгий путь ему предстоит, и ответил ему укоризненным молчанием.

Джи, поставив бутылку на стол, вышел из комнаты, а Гурий прошептал:

– Я сразу понял, что Джи может многое для меня сделать. Спасибо за ценное знакомство.

– Ты сначала удержишься в его обществе, а потом благодари, – заметил я. В этот момент вернулся Джи и, устроившись поудобнее на диване, спросил:

– Ну что, Гурий, как твои дела?

– Совершенно погряз в мирской жизни, – ответил он и принялся рассказывать о своих проблемах, временами посматривая на Джи, который участливо выслушивал его. Через час атмосфера комнаты погрузилась в непроходимый мрак.

– Гурий, не мог бы ты прекратить жалобы на свою жалкую жизнь? – не выдержал я.

– Я скучно рассказываю, – смутился он. Джи облегченно вздохнул и, встав с дивана, подошел к открытому окну, с удовольствием вдыхая прохладный воздух.

– Ну и нагнал ты атмосферку, – заметил он.

Гурий смущенно покраснел и тут же произнес:

– Сегодня вечером я устраю ужин в вашу честь и хочу познакомить вас с моими друзьями. Мои родители сейчас в Ливии, так что можно будет спокойно посидеть и пообщаться. Прошу быть у меня в восемь часов, – и, откланявшись, он поспешно удалился.

– Занятный у тебя дружок, – растягивая слова, произнес Джи.

Я был рад, что Гурий, несмотря на свою молодость и экстравагантность, неожиданно проявился более разумно, чем старые охотники за просветлением. Он, к моему удивлению, сразу распознал шанс выйти из сна своей жизни и попасть на небеса.

Ровно в восемь мы с Джи и Феей, которая была очень эффектна в платье из черного шелка, вошли в квартиру Гурия. Там уже была группа молодых людей, которые посматривали на нас с легкой иронией. Джи представился свободным художником. Гурий подошел к нему и прошептал:

– Мои друзья, хоть и не заботятся о своем просветлении, но очень достойные люди.

Затем деловито приказал своей сестре:

– Цира, немедленно накрой на стол.

Цира исполнила приказ со скоростью, которая говорила о том, что ей это было не впервые, и Гурий внес в комнату огромное серебряное блюдо с ароматным шашлыком из баранины.

– Какой молодец наш Гурий! – слышались со всех сторон радостные возгласы.

Когда голодные гости расселись вокруг блюда, Гурий разлил по стаканам душистую сорокоградусную чачу и произнес:

– Я хочу выпить за то, чтобы все сидящие за этим шашлыком люди, рано или поздно, достигли просветления.

По тому, как гости лихо опрокинули в свои глотки прозрачную чачу, я определил, что эти люди никогда не станут на Путь.

– Что за идиотов ты привел? – спросил я шепотом у разомлевшего Гурия. – Разве ты не видишь, что их души намертво прилипли к телам? Их невозможно пробудить от сна даже самыми светлыми учениями.

– Извини, брат, – пролепетал он, – это все, что у меня есть, остальные – гораздо хуже.

– Не расстраивайтесь, по мне все люди хороши: потенциал роста есть у всех – тихо заметил Джи, так, что это было слышно только нам.

Гости сосредоточенно поедали мясо и зелень, в обилии лежащие на серебряном блюде. Наконец скатерть опустела и повисло тягостное молчание: друзья Гурия чего-то ждали от нас.

– Гурий, не мог бы ты рассказать о встрече с Касьяном? – неожиданно попросил Джи, – я думаю, это будет любопытная история.

– Вы застали меня врасплох, – смутился он. – Но желание уважаемого гостя, по обычаю этого дома, является законом...

В прошлом году мне исполнилось 20 лет; я учился в университете, готовя себя к карьере ученого. Но моя внутренняя жизнь была скучна и однообразна, ибо я ничего не знал о Просветлении. Я пил со своими друзьями по университету, рассуждал о мироздании и волочился за красивыми девушками.

Однажды на одной из вечеринок ко мне подошел молодой человек и, подав руку, произнес: «Антон». Это был тоже студент физик, младшего курса, и выглядел он броско: красная рубашка, белые, с острой стрелкой брюки и черные дорогие туфли. На плече у него висела черная кожаная сумка. Но, хотя он и был на полголовы выше меня, я заметил, что мой пристальный взгляд внушал ему почтение. Бледность его лица говорила о долгом сидении дома. Его серые глаза заинтересованно изучали меня. Я был довольно известной личностью в университете, и многие искали моего общества.

Пригласив его присесть рядом, я подал ему стакан коньяка и спросил: «Чем обязан твоему интересу?» Антон достал из своей сумки стопку переплетенных в виде книги пожелтевших фотографий. Это была фотокопия книги некоего индуса, по имени Шивананда; ее название, «Медитация и жизнь», ничего мне не говорило. Антон спросил, не интересует ли меня такого рода литература? Я просмотрел ее, и нечто в этой невзрачной книжонке зацепило меня. Я воспитывался на произведениях Достоевского, Толстого, Пушкина и Диккенса, обо-жал читать фантастику, но эзотерическую литературу никогда еще не встречал. Поскольку Шивананда писал о просветлении, о чем никто в моем окружении, и, в первую очередь, я сам, ничего не знал, я взял эту книгу, надеясь впоследствии блеснуть перед друзьями новыми знаниями.

Через несколько месяцев Антон неожиданно решил эмигрировать со своей матерью в Израиль. Прощаясь, он сказал мне:

– Я очень хочу переписываться с одним своим знакомым по имени Касьян, но чтобы не привлекать к нему внимание посторонних людей, писать письма я буду на твой адрес, а он будет тебе звонить.

Я легко согласился, ибо отец мой занимал важный пост в одном из министерств и мог меня защитить в случае повышенного интереса со стороны КГБ.

Время от времени раздавались звонки, и человек, представившийся Касьяном, освещался о письме. Ни единого письма от Антона так и не пришло, но примерно через полгода мне вдруг пришла в голову мысль о том, что мне нужно познакомиться с Касьяном. Мы встретились с ним и я, представившись восходящей звездой в мире физики, стал рассуждать о потусторонних мирах с точки зрения новейших открытий в области твердого тела некоего, изгнанного из Академии наук, физика Чугаевского. Касьян слушал меня чрезвычайно внимательно и этим завоевал мое доверие. Я пригласил его к себе в гости. Мы сели в гостиной, я предложил отличного коньяка, но он отказался, попросив чая. Я налил себе коньяка и закурил. Пачка сигарет сушилась на настольной лампе. Касьян осматривал дорожную обстановку комнаты, не проявляя особого интереса, а затем спросил:

– Ради чего, дорогой Гурий, ты родился на этой земле?

– Хочу стать великим ученым.

– Я думаю, – сказал Касьян, – что пройдет еще двадцать лет, а ты все так же будешь сушить на лампе сигареты и мечтать. Что же до Шивананды, которого ты мне недавно цитировал, то книгу эту, среди прочих других, Антон одолжил из моей личной библиотеки.

– Можешь ли ты предложить мне нечто более интересное? – спросил я с любопытством.

– Самое лучшее, что может сделать человек в жизни – это следовать учению Великих Посвященных и достигнуть высших миров. Ведь ученый не обладает ни способностью проходить в тонкие миры, ни сверхсознанием, которые есть у просветленного человека, – ответил Касьян.

Эта идея меня заинтересовала: я с детства хотел быть причастным к чему-нибудь великому или хотя бы очень значительному. Касьян пригласил меня в гости и обещал показать книгу о Великих Посвященных, которую он никому не давал на руки.

Недели через три после приглашения я решил посетить его. С трудом отыскав улицу Пугачева в захолустном районе города и найдя дом, напоминавший бетонный ящик, я позвонил в дверной звонок. Касьян, в простой отечественной светлой рубашке, но в настоящих штатовских «пиленых» джинсах, открыл дверь, и я с неудовольствием заметил на его лице тень недоумения и удивления: он словно забыл, что месяц назад сам пригласил меня в гости.

– Долго ты до меня добирался, – заметил он, изучающе глядя на меня. – Да с тебя, видно, свалилось несколько килограммов кармы, поэтому и объявился; ну, проходи.

– Хочу изучать путь к просветлению, – быстро выпалил я, вдруг забыв длинное весомое объяснение причин моего прихода, которое сочинил по дороге.

– Какой молодец, – усмехнулся он.

Я сделал вид, что не заметил иронии.

Он показал мне свою келью, в которой, как я сразу почувствовал, он провел долгие часы в медитациях, сидя на соломенной циновке перед фотографиями индийских гуру.

Потом он поднял сиденье большого дивана в комнате, и я увидел там десятки книг, отпечатанных на машинке или на фотобумаге, в самодельных переплетах. От всего этого веяло некой таинственностью. Касьян бросил на меня пронзительный взгляд, и я неожиданно вспомнил давно забытое страшное переживание, терзавшее меня в детстве несколько лет: по меньшей мере пару дней в неделю, когда я лежал в своей постели ночью без сна, я явственно чувствовал, что покидаю свое тело и оказываюсь в каком-то безграничном, но темном пространстве. У меня вырастали крылья и я летел куда-то, но конец был один и

тот же: я подлетал к какой-то пропасти и крылья переставали держать меня: я падал в пропасть, исчезая во тьме, теряя свое «я». Я начинал кричать от ужаса и моя мама, зная об этой напасти, просыпалась от моего крика, вбегала в комнату и крепко сжимала мои ступни руками. Тогда я возвращался в тело. Я осознал, что жизнь моя, перед лицом этого кошмара, была никчемной и малозначащей, и в ней не было ничего, что могло бы меня защитить. Это все пронеслось в моем сознании в одно мгновение. Интерес к карьере ученого пропал, как будто его никогда и не было, и я сказал Касьяну:

– Не мог бы ты взять меня в свои ученики, так, как это описывается у Шивананды? Я тоже хочу познать самого себя.

– Ты не похож на человека, который сможет это сделать, – заметил он с сарказмом. – Я тебе советую для начала почитать книги, которые я подобрал для тебя, – и он протянул увесистый пакет. – Но книги могут помочь лишь частично, для настоящего развития нужен реальный Мастер.

Я стал увлеченно читать книги по йоге, Раджниша, Карлоса Кастанеду и так вдохновился этими учениями, что вскоре позвонил Касьяну.

– Мне срочно нужна твоя помощь, не мог бы ты зайти ко мне на пару часов?

– Неужели тебя увлекла идея внутренней свободы? – усмехнулся он. – Твоя душа похожа, как говорят суфии, на собачий хвост, который не выпрямить. Бесполезно говорить тебе о святом учении.

– Все равно, я жду тебя, – проглотив колкость, ответил я и положил трубку.

– Ну, что у тебя еще за проблемы? – недовольно спросил Касьян, едва войдя в квартиру, – не успел прочесть пару эзотерических книг, как зовут на помощь.

– Помоги мне создать в комнате нечто вроде твоей кельи: я хочу начать двигаться к Просветлению.

Касьян посмотрел на меня недоверчиво и с усмешкой произнес:

– Неужели ты серьезно собрался исправить свою жизнь?

Он приказал мне выставить в коридор два больших кресла и импортную стереосистему, сказав, что все эти вещи только будут мешать работе по достижению Просветления. Затем, по его указаниям, я отгородил угол комнаты с помощью платяного и книжных шкафов и застелил пол в углу шерстяным одеялом. Получилось что-то вроде тесной кельи, похожей на касьяновскую.

– Теперь садись в центре своей кельи в полулотос, – приказал Касьян. – Ни в коем случае не прислоняйся к стене, ибо тогда вся твоя наработанная тонкая энергия уйдет в нее. Можешь обвязать, как делают тибетцы, ноги и поясницу веревочным кольцом, тогда будет легче сидеть долгими часами.

Я повиновался, поняв, что отныне мне лучше не препираться с ним. Касьян достал из сумки большую фотографию Раджниша, которую я давно уже безуспешно выпрашивал у него, и прикрепил ее к задней стене шкафа на уровне моих глаз.

– С чего мне начать? – спросил я озабоченно.

– С ежедневных двухчасовых медитаций. Хватит тебе почитывать перед сном эзотерическую литературу и мечтать о просветлении, – сказал Касьян и обучил меня методу внутреннего погружения. Затем он покинул меня, и я остался наедине со своими беспорядочными мыслями.

Я стал следовать его советам, и моя жизнь наполнилась внутренним смыслом.

Уже через несколько месяцев нерегулярных занятий у меня начались сознательные сновидения. Это был один и тот же сон: мне снилось, что я сижу в своем медитационном углу за шкафами. Внезапно приходило осознание, что я нахожусь во сне, и я погружался в медитацию. Несколько раз я сновидел, что Раджниш выходил из своей фотографии, и я о чем-то подолгу с ним беседовал. Во время одного из таких сновидений я решил выйти в

комнату, и увидел свое тело, спящее в постели. Испытав что-то вроде шока, я проснулся. А не так уж давно во время медитации невидимая сила вытащила меня из тела, и я полетел по длинному туннелю, испытывая необычайную легкость; я попал в светлое, сияющее пространство, которое завертело меня в серебристом вихре. Оно было полной противоположностью пространству, в которое я попадал в своих детских темных видениях. Я стал растворяться в открывшейся светлой бесконечности. Когда я вернулся в свое тело, то твердо решил достичь Просветления уже в этой жизни, поняв, что это наиболее достойная цель для человека.

Гурий закончил рассказ, и на лице его сестры появилась презрительная усмешка:

– Мало тебе уютной домашней жизни, – недовольно произнесла она. – Все только и делают, что исполняют твои желания, а ты еще какого-то там «просветления» захотел.

– Я с тобой разберусь попозже, непутевая девица, – сказал с недоброй интонацией Гурий.

Возникла напряженная тишина, и только настенные часы тихо отсчитывали ускользающее время. Несмотря на атмосферу скептицизма, исходившую от большинства гостей, я спросил у Джи:

– Каким образом можно войти в более высокий мир? – Джи пристально посмотрел на меня, затем на присутствующих и заговорил:

– Если вы хотите попасть в иной космос, то избегайте легких путей, ищите трудности, идите на смерть каждое мгновение. Ибо в другом космосе другие законы. И вы, такие как есть, не годитесь в Высший Космос. Но если вы изменитесь, то, уходя отсюда, я смогу взять вас с собой. Однако для ориентации в том пространстве вам надо развить тончайшее восприятие различных вибраций голоса, поскольку в некоторых высоких посвященных центрах все указания даются только в слове. Если тонкий слух не развит – ничего не поймете.

Я усиленно пытался осознать услышанное, а в это время молодая девушка в ситцевом платье, едва прикрывавшем ее стройные ноги, задала интересный вопрос:

– Что мне делать? Я поняла, что нельзя серьезно воспринимать поведение моих родителей, иначе можно сойти с ума от их деспотизма. Они говорят: «Делай что хочешь, ты свободна», – а сами контролируют каждый мой шаг.

– Учитесь играть в жизни, – ответил Джи. – Если вы не будете привязываться к внешнему миру, то всегда сможете разыграть перед ним любую роль. Внешняя жизнь является лишь тончайшей пленкой над нашим основным внутренним бытием. Поэтому никогда не привязывайтесь к своим действиям. Если вы научитесь действовать в вашей жизни как актер на сцене, вы перестанете привязываться к тому, что вас окружает. Если вы вспомните, что вы всего лишь актер на одно воплощение, вы сможете осознать тот факт, что ваша пьеса вскоре закончится и не стоит прилепляться к ней всей душой. Ваша жизнь является затянувшейся пьесой, – повторил он. – Вы пришли сюда выполнить определенную работу над собой, и когда пьеса вашей жизни закончится, вы вернетесь обратно, туда, откуда пришли.

– Спасибо за вдохновляющий ответ, – сказала девушка.

– В одиночку трудно стремиться к Духу, – добавил я. – Для этого нужен Мастер, нужна Школа.

– Я хотела бы услышать о том, что является Школой, – сказала интересная брюнетка в длинном платье бирюзового цвета и вопросительно посмотрела на Джи.

– Корабль Аргонавтов, стремящийся за Золотым руном, может стать для вас своеобразной школой. Представьте себе, что мы плывем на судне аргонавтов, которое каждый час меняет галс, и каждый час надо меняться.

– И этот Корабль действительно существует? – удивленно спросил Гурий.

– Да. На него можно попасть, вернувшись на две тысячи лет назад, ко времени пришествия Христа. Мы имеем прямое отношение к Господу нашему Христу. Чтобы вам легче было это понять, попробуйте взять на себя роль одного из апостолов, и попытайтесь ощутить Голгофу Христа.

Джи вышел на минуту из комнаты. Воспользовавшись паузой, несколько приятелей Гурия покинули квартиру.

– Как-то стало легче дышать в комнате, – вернувшись, заметил Джи. – Видимо, кто-то выпитал в себя свинцовые элементы нашей ситуации и, отяжелев, удалился, с душой полной скепсиса.

Гурий разлил по стаканам остатки чачи и произнес:

– Я предлагаю выпить за облегчение нашей ситуации и ее освобождение от людей, погрязших в мирском болоте.

– Я лучше выпью за тех, кто в него еще не успел окончательно провалиться! – возразил молодой человек в строгом черном костюме.

– Мы здесь говорим о какой-то ерунде, – возмутилась полная женщина лет двадцати восьми, в длинной коричневой юбке и блузке с крупными цветами. – Я не люблю тратить свое время попусту. Гурий, ты меня обманул. Обещал встречу с умными людьми, а тут собралась какая-то подозрительная компания. – Она яростно выдернула свою сумочку из кучи вещей, сваленных на полу, и, хлопнув дверью, пулей вылетела из квартиры.

– Что это за сумасшедшая? – спросила Гурия Фея.

– Это отличница нашего факультета. Она много лет мечтает познакомиться с мужчиной, который забрал бы ее в Москву, и я ей пообещал встречу с московским человеком.

– Какой же ты чудак, – упрекнула Фея.

– Ну, видите ли, – извиняющимся тоном произнес он, – она мне казалась нужным человеком в моей карьере. Похоже, что я ошибся.

Я понимал, что обстановка не располагает к глубоким вопросам, но все-таки решился спросить:

– Когда возник мистический Луч?

– Несмотря на неадекватность ситуации, я все-таки попробую тебе ответить, – произнес Джи усталым голосом. – Корабль Аргонавтов, плывущий за Золотым руном, является проводником некоего таинственного Луча, который упал на Землю в шестидесятые годы. Под влиянием его инспирации появились Beatles – предвестники новой волны. Луч продолжал работать в этом направлении. Рок, диско, – в общем, вся современная музыка, – это некое выражение идеи Луча, его скорости, стремительности, дикости и мгновенного ухода в неведомое. Сила Луча такова, что нет для него никаких преград. Можно уйти на тысячу лет в прошлое и будущее, улететь в иную галактику. Сможете ли вы спуститься на такую внутреннюю глубину, на которой каждый ваш день по насыщенности был бы равен всей предыдущей жизни? Вот к чему надо стремиться, господа!

В комнате струилась золотистая атмосфера космического романтизма.

– Твои друзья – позабытые Богом миряне, – сказал я Гурию, заметив, что он устало зевает. – Они приземляют твоё стремление ввысь.

– Не стоит стричь всех под одну гребенку, – сказала девушка, хотевшая узнать как защититься от деспотизма родителей. Обняв Гурия за плечи, она игриво посмотрела мне в глаза. – Разве вы не видите, что я отличаюсь от его приятелей? Я с детства знала, что мое тело является лишь приятным костюмом для моей души.

– Позвольте и мне прикоснуться к этому знанию, – ответил я подходящей к случаю двусмысленностью.

– Прикоснетесь, когда будете готовы, – рассмеялась она. – Пока ваши глаза говорят о другого рода интересе.

И она исчезла в дверях соседней комнаты.

– Ты что-то слишком увлеченно интересуешься моей девушкой, – буркнул Гурий, и подошел поближе к Джи, который в этот момент говорил:

– Я плаваю на мистическом Корабле Аргонавтов, который бороздит как звездные просторы, так и нашу планету в поисках Золотого руна, символа объективной внутренней свободы. На Корабль могут попасть лишь избранные.

– А мне можно поступить на Корабль, хотя бы юнгой? – смущенно произнес Гурий. Джи, бросив на него пристальный взгляд, сказал:

– Я беру тебя, но при одном условии: ты будешь соответствовать всем требованиям, которые предъявляются Аргонавтам.

– Я буду делать все, что от меня потребуется, – решительно заявил Гурий.

– Ну хорошо, я подумаю, – ответил Джи. Мы попрощались с Гурием и вышли в сияющую ночь, под яркие летние звезды. Джи галантно вел Фею под руку.

– Сегодня ты вдохновила меня на тонкую инспирацию, – сказал он ей с благодарностью, – иначе я не стал бы ни о чем говорить в такой сырой компании.

– Когда уже ты перестанешь ходить по этим бесконечным ситуациям; сколько можно метать бисер, читать лекции камням в пустыне? – заметила недовольно Фея.

– Ты не права. Хотя, может быть, в твоих словах и есть определенный смысл, но мне кажется, что в этом городе я обрел единомышленников, а говорил я в основном для них. Имеющие уши да услышат. Ну, а эта бедная отличница, полностью отождествившаяся со своим временным телом, тоже когда-нибудь поймет свою ошибку.

– Только в момент смерти, – усмехнулась Фея. – Хотя Вселенная открыта для всех нас, и всегда, в любой момент приглашает нас в романтическое путешествие, – и она поцеловала Джи в щеку. – Давай забудем обо всем и куда-нибудь скроемся от толпы, я хочу побыть с тобой наедине.

Джи и Фея попрощались со мной и скрылись в темноте ночи.

Постоянно наблюдая за Джи, я открыл, что его внутренний мир вмещал в себя целый космос, и временами из глубин его высшего «Я» лучился загадочный золотистый свет. Я тоже стремился воссоединиться с высшей частью своей души, но не знал как, а спрашивать не решался, ибо знал, что в словах нельзя найти ответ.

Долго я размышлял об этом, глядя на бледный диск Луны. Черный купол неба манил своей таинственной красотой, и каждую ночь я пылливо вслушивался в напряженную тишину звезд.

Было уже около трех ночи, когда я вернулся домой, но в маленькой комнате горел свет. Постучавшись, я приоткрыл дверь: Фея, все еще в черном шелковом платье, сидела неподвижно на стуле, и взгляд ее таинственно блестящих глаз был устремлен в пустоту. Она даже не заметила моего присутствия. В комнате ощущалась некая прохлада, а воздух дрожал от странной наэлектризованности. Мне показалось, что она отсутствует, и ее душа блуждает в далеких пространствах, а тело застыло в непривычной позе. Я, как замороженный, забыв о приличиях, продолжал стоять у приоткрытой двери, наблюдая за нею. Через некоторое время легкая дрожь пробежала по ее рукам, и ее душа вновь вернулась в тело. Она бросила на меня недовольный взгляд, затем холодно улыбнулась и сказала, отвернувшись:

– Что это еще за неожиданный ночной визит?

Я смутился, сообразив, что мой интерес мог быть расценен ею как нечто совсем иное, и робко сказал:

– Горел свет, и я хотел узнать, все ли у вас в порядке, и не нужно ли вам чего? Но, честно говоря, я хотел бы узнать у вас, как научиться быть более сознательным во сне, поскольку уже встречался с вами в сновидении, и понял, что вы можете очень многое.

– Ветер твоей души веет в другую сторону, – ее голос звучал словно из иного мира. – Для начала научись перемещаться в сновидении с помощью намерения, и тогда сможешь достигать цели.

– Без вашей помощи у меня это вряд ли получится скоро, – заметил я. Фея посмотрела сквозь меня и неторопливо достала из своей дорожной сумки загадочный пакет. Осторожно открыв его, она передала мне небольшую картину, написанную маслом на твердом картоне. Я стал с любопытством ее рассматривать: это было искусное изображение головы тигра, его шерсть переливалась различными оттенками, а взгляд изумрудных глаз тотчас пронзил меня холодным потусторонним огнем. Затем ощущение живых глаз тигра пропало.

– И что мне делать с этим тигром?

– Перед сном концентрируйся на нем, расфокусировав взгляд, – ответила она серьезно. – Этот образ – вход в миры Зазеркалья.

Я собирался задать следующий вопрос, но она молча указала взглядом на дверь. Я отправился спать и, с наслаждением вытянувшись под одеялом, почувствовал, что смертельно устал за этот длинный день.

Несколько часов сна вернули мне бодрость. Утром, наслаждаясь ароматным кофе, я уже раздумывал, как бы построить новый день поинтересней. Поскольку Джи интересовался людьми, которые стремились к Просветлению или хотя бы утверждали, что стремятся к нему, мне пришло в голову съездить вместе с ним к одному чудаку-философу, который покинул Питер и приехал просветляться в молдавскую деревню. Осторожно постучавшись в дверь Джи, я дождался мягкого «да» и заглянул в приоткрытую дверь. Джи, в легком льняном костюме, сидел в изголовье кровати Феи, углубившись в чтение «Философии свободы». Получив от него согласие на поездку за город, я удалился на работу.

Я с трудом дождался конца рабочего дня. В пять часов вечера мы втроем сидели на блестящих сиденьях местной электрички, теснимые деревенскими жителями. «Никто из них ни разу в жизни не задумывался о просветлении», – подумал я, разглядывая их озабоченные лица.

Через пару часов мы сошли на пустынной платформе, где, кроме кружащих ворон, не было никого. С трудом отыскав весь увитый виноградом домик с красной черепичной крышей, я толкнул скрипучую калитку, и мы оказались в небольшом дворике. На нас бросился огромный черный пес, но не достал: спасла железная цепь, которой он был прикован к бетонному электрическому столбу. Навстречу вышел среднего роста плотно сбитый человек, в старой зеленой рубашке и мятых черных штанах; на ногах его красовались начищенные до блеска хромовые сапоги. Он подозрительно покосился на моих гостей.

– Это свои люди, – сказал я ему.

Тогда он протянул широкую ладонь и представился: «Виктор». Он настороженно всматривался в Джи прищуренными глазами, сверля насквозь острым зрачком. При взгляде на Фею он слегка смягчился, а на лице появилась сдержанная улыбка. Поцеловав ей руку, он, галантно поклонившись, пригласил нас в просторный кирпичный дом, в гостиную, и предложил сесть за стол, накрытый узорчатой молдавской скатертью.

Вскоре в дверях появилась молодая симпатичная женщина в длинном крепдешиновом платье. Ее черные густые волосы были собраны на затылке в косу, и при каждом движении головы коса причудливо извивалась. Она внесла на расписном блюде жареного цыпленка, аромат которого подействовал ободряюще на наши голодные желудки. За ней шла десятилетняя дочка с графином молодого молдавского вина. Мое лицо просияло в предвкушении праздника.

– Не духом единым жив человек, – произнесла мелодичным голосом хозяйка.

Она белою рукою разлила по граненым стаканам вино и села рядом с хозяином.

«Эх, и отхватил же себе красотку», – завистливо подумал я.

– Первый тост предлагаю выпить за неожиданных гостей, – произнес Виктор и легко опрокинул стакан в жилистую глотку.

– Хорошо живешь, Витя, – произнес умильно Джи, попивая терпкое вино.

– Все это создано своими руками, – сказал Виктор назидательно. – Я это творил ради внутреннего Пути. Уехал вот из Питера, от городских соблазнов, а здесь, на воле, одна дорога – к Богу. – Он налил следующий стакан и с наслаждением выпил. – Здесь я живу один на один со своей совестью. Она мне каждый день подсказывает правильное направление.

– И жена у тебя, словно Елена прекрасная, – пропела нежным голосом Фея.

– Да вот, уж такая краса ненаглядная, что как только загляжусь на нее, так все на свете и забываю, и уже она становится Богом, на которого хочется молиться и оберегать от заезжих завистников.

Виктор бросил недобрый взгляд в мою сторону, и я, почувствовав вину, отвел слишком мечтательный взгляд от горячих глаз его женщины. Тут Витя ударил с размаху кулаком по столу и решительно произнес:

– Предлагаю выпить за настоящего Абсолюта, который создает вот таких замечательных женщин, которые одним видом доказывают, что Бог не зря есть.

– За твоё стремление к Богу через женскую красоту, – подхватил эхом Джи.

Вино после этого тоста так легко вошло в меня, что я не заметил, как слегка опьянел. Следующий тост я предложил выпить за бесконечность Нирваны.

Фея, насмешливо поглядывая в мою сторону, еле слышно добавила:

– Только сам не нанирванься, а то земля закрутится под ногами не в ту сторону.

Но я уже ничего не слышал, ибо краем глаза пристально сканировал неведомое пространство у туго стянутой талии молодой Елены. Еще немного и моя кровь закипела бы от нахлынувшего чувства...

Но тут громко залаял дворовый пес. Я вдруг вспомнил себя. Резко спохватившись, я припомнил, что давно хотел узнать у Джи о том, каким образом можно погрузиться во внутренний мир. Набравшись смелости, я, наконец, спросил его об этом. Джи подозрительно осмотрел мою, видимо, не очень трезвую физиономию, и, нахмурившись, произнес:

– Начни с работы над собой.

– Что значит – работать над собой?

– Вряд ли сейчас тебе это можно объяснить, ибо ты находишься не в том состоянии, чтобы получить ответ. Но я попробую хоть что-то сказать по этому поводу. Работа над собой является длительным и сложным процессом, под наблюдением специалиста в этой области, то есть Мастера.

– А разве я не могу быть для себя Мастером?

– Нет, не можешь, ибо не знаешь направление Пути.

– А могу ли я узнать это из книг?

– Кое-что – да, но вряд ли сможешь применить, – ответил он и улыбнулся моему замешательству.

– Вы хотите сказать, что я глуп?

– Ну, это и так понятно, – засмеялась Фея. – Любая информация, которая имеется в твоём распоряжении, – это лишь некая ментальная схема минувших событий, а реальная жизнь является совершенно другой.

– Не совсем понятно, – заметил я.

Джи достал из кармана потертую карту Москвы и протянул ее мне. Я повертел ее в руках, не понимая, что с ней делать; мне показалось, он подтрунивает надо мной с этой картой, но я из уважения развернул ее.

– Ну, что ты там видишь? – спросил заинтересованно он.

– Обычную карту Москвы, – не понимая, к чему он клонит, ответил я.

– Вот и отлично, а как ты думаешь, есть ли какое-то сходство между картой и настоящей Москвой?

– Карта – это всего лишь бумажная схема, а Москва реальна.

– Ну, теперь-то ты понимаешь? – насмешливо спросил он.

– А что я должен понять?

Он посмотрел в окно на голубое небо, по которому величественно плыли многослойные вечерние облака, дав мне возможность почувствовать собственную глупость и произнес:

– То, что написано в книгах о Пути, имеет такое же отношение к реальности, как эта карта к городу.

Такого заключения я не ждал, его логика вывела меня из состояния сонного отупения.

Он наблюдал, как внутри меня нечто бесповоротно разрушалось, как мне было трудно расстаться со своими любимыми иллюзиями. Я столько лет жил в них и привык к ним, как к красивым обоям, прикрывающим неведомую реальность.

– Эх, уж эта работа над собой, заведет она вас неизвестно куда, – сумрачно и глухо проговорил Виктор и выпил еще стакан вина. Его голова неуклюже опустилась на руки, небрежно раскинувшиеся по столу, и вскоре раздался глухой прерывистый храп.

Я понял, что он никогда не пойдет с нами, ибо его душа храпела по-мирскому.

Его храп вернул меня в состояние внутреннего сна, и я вновь стал заглядываться в волшебные глаза его жены. Ее горящий взор завораживающе действовал на меня, доставляя странное наслаждение. Через некоторое время в моей душе заструился легкий огонь.

«И снова кровь моя красной станет от любви», – подумал я. Я был готов броситься в этот бездонный омут чувств и наслаждений, как вдруг раздался голос Феи:

– Этот любовный напиток не для тебя.

Я тотчас вспомнил себя, и мне уже не хотелось задерживаться в этом доме. Жизнь Виктора показалась вдруг мне скучной и ограниченной, и я порадовался своей свободе.

На гравюре алхимик указывает на то, что старания неопита самостоятельно приступить к Великому Деланию похожи на попытку неподготовленного человека подняться без лестницы на отвесную стену башни. Он обречен на провал, на незамедлительное падение. Алхимик также напоминает о том, что обычная земля и земля философов имеют принципиальное различие. Неопитом здесь назван человек, стремящийся восстановить потерянное сияние души.

Дни, проведенные в обществе Джи, пролетали легко и незаметно, как птицы в Зазеркалье, но я так и не смог представить точной картины своего пути в поисках высшей Анимы. Джи собирался вернуться в Одессу, чтобы, как он выразился, «подремонтировать Георгия и его пространство», а потом ехать в Москву. В последний день перед отъездом он вдруг обратился к нам с Гурием:

– Предлагаю вам обоим съездить с нами в Одессу на несколько дней.

– Я не могу ехать, – ответил я, – мои свободные дни уже использованы, а работы в лаборатории неуворот.

– Когда-нибудь тебе придется сделать выбор между определенностью насиженного места в жизни и Путем, – сказал Джи, и обратился к Гурию:

– А каковы твои планы?

– У меня нет планов, – гордо ответил Гурий, – я живу мгновением. Вот только возьму деньги, пару вещей с собой, и готов ехать.

«Мне он так залихватски еще никогда не отвечал, – подумал я. – Видно, надеется теперь занять место поближе к Джи, ввиду моего отсутствия».

– Вот и отлично, – сказал Джи, – проверим твоё бытие. По-настоящему все сильные и слабые стороны человека раскрываются, когда он отрывается от насиженного места и отправляется туда, не знаю куда, за тем, не знаю чем.

Перед отходом поезда, на пустом уже перроне, когда Фея и Гурий поднялись в вагон, я признался Джи:

– Когда вы уедете, я останусь совсем один. Мне трудно с людьми. Если я долго общаюсь с человеком, я начинаю подавлять его, поэтому предпочитаю одиночество. Может быть поэтому, встретив девушку своей мечты, я испытываю непреодолимое смущение и неловкость.

Джи, после некоторой паузы, ответил:

– Те женщины, к которым ты тянешься вовне, являются лишь отражением твоих внутренних дам. Твоё общение с ними зеркально отражается в отношениях с дамами твоего внутреннего мира. Если ты подавляешь женщин, то этим самым подавляешь и своих внутренних дам, что делает тебя бескрылым, неспособным к звездному полету. Небесная Пифия обитает как вне тебя, так и внутри. Она может повести тебя к звездам и к высшим прозрениям.

Те люди, которые ограничивают других, на самом деле ограничивают и себя. Ибо вся внешняя Вселенная заключена в нас, и лишь небольшая перегородка разделяет эти миры. То, что вовне, то и внутри. Человек – это весь мир, Вселенная, и если мы боремся и давим что-то во внешнем мире, то тем самым давим эту часть и в себе. Борьба против внешнего мира – дурная бесконечность.

– Ну, сколько можно говорить? – сказала недовольно Фея, выглянув в открытое окно вагона. – Может быть, ты хочешь остаться?

– В минуты расставания время уплотняется настолько, что в пространстве образуется окно, и в этот момент можно сообщить нечто очень важное, – ответил Джи и продолжил:

– Любя всех людей, мы тем самым освобождаемся от плена этого мира, ибо каждый человек является копией чего-то внутри нас. Любя его, мы даем возможность расцвести чему-то внутри нас. Это великая тайна и мудрость. Весь внешний мир на самом деле есть отображение нашего внутреннего мира. Поэтому Христос сказал: «Возлюби ближнего своего, как самого себя». Ибо это единственный способ дать расцвести и уравновеситься всему, что внутри нас. Каждый заморыш и урод вовне – это зеркало того, что есть внутри тебя и внутри каждого человека. Не подал пяточок старушке с протянутой рукой, а внутри тебя тоже есть нищий, который просит подаяние – а ты надменно прошел мимо. Так и мимо тебя проходит удача.

Джи продолжал говорить, уже стоя на подножке вагона:

– Вселенная находится внутри нас, но не каждая душа готова к пониманию этого. Полюбить каждого всем сердцем – единственный во Вселенной путь к восхождению. Тот, кто умеет наладить контакт с любым человеком или существом, тем самым может войти в контакт с любым своим внутренним существом. Наблюдая отношения между людьми, ты поймешь, как относятся друг к другу твои внутренние существа и что из этого выходит. Может быть, тебе нужен контакт даже со змеями и иными неприглядными тварями. Ибо все это – вывернутый наружу внутренний мир. И никому никуда от этого не деться. Это самая странная загадка человека во Вселенной, и ему надо ее разгадать.

Я восторженно слушал Джи, но в то же время понимал, что для меня является невозможным полюбить всех. В это время поезд тронулся, и проводник закрыл дверь. Фея, стоя у окна, помахала мне на прощанье рукой. Мое сердце защемило от печали и на глаза навернулись слезы. Присутствие Джи открывало вход в таинственный волшебный мир, в котором

оживала любая сказка, но когда он уехал, невидимая дверь закрылась, и вход в Зазеркалье исчез.

Я стал похож на Буратино, который остался сидеть у нарисованного камина в каморке Папы Карло, не имея возможности проникнуть по ту сторону реальности. Корабль Аргонавтов покинул Молдавию, а с ним ушли и все надежды на достижение Золотого руна. Мой мир опять сузился и превратился в отвратительную точку, где все было известно до мелочей. Я не мог выйти из замкнутого круга, в котором душа была обречена на постепенное умирание.

Через несколько дней вечером в моей опустевшей квартире раздался телефонный звонок.

Я поднял трубку и услышал взволнованный голос Гурия:

– Касьян, я вчера вернулся из Одессы, и со мной сегодня ночью произошло нечто странное, ты просто не поверишь.

– Сначала расскажи, что происходило в Одессе, – охладил я его эмоции, которые успели нагреть телефонную трубку.

– Сейчас приеду к тебе, и все расскажу, – ответил Гурий и положил трубку.

Не прошло и получаса, как он уже звонил ко мне в дверь, на лице его была написана смесь восторга и недоумения.

– В Одессе все было очень странно. Джи представил меня твоим одесским друзьям как своего оруженосца, и они смотрели на меня недоверчиво, но с уважением. Я наслаждался их вниманием, пока Джи не сказал вдруг, что его оруженосец – то есть, я – отличный повар, который даже из остатков может приготовить отличное блюдо. Ты ведь знаешь, что я терпеть не могу готовить, но пришлось сделать вид, что я действительно таков. У Георгия к тому же ничего и не было, кроме каких-то усохших овощей, и я долго тушил их вместе, пока не получилась какая-то малосъедобная масса, которую я выдал за особое грузинское блюдо. Хотя одесские эзотерики плевались, попробовав эту стряпню, Джи, к моему удивлению, съел все поданное ему, нахваливая мою способность к импровизации. Но вот Фея даже не прикоснулась к своей тарелке. Эзотерики холодно посматривали на меня; я расслышал шепот одного из них: «Опять Джи привел одного из своих недоделанных воспитанников». Несколько бутылочек чаи, которые я захватил с собой, исправили положение: атмосфера сразу потеплела.

Джи, немного выпив, спросил меня вдруг, улыбаясь:

– А видел ли ты, брат Гурий, фильм про козла-provокатора?

– Нет, – ответил я настороженно.

– Представь себе стадо овец с белым шелковистым руном, которые послушно идут за козлом. У козла гордо поднята голова, на шее висит колоколец. И вот стадо подходит к огороженным проходам, попадает прямо на бойню, под ножи мясников. А козла освобождают, и он ведет следующее стадо на бойню.

Джи рассказывал это с какой-то особой интонацией, и я вдруг почувствовал, что все это происходит внутри меня: я внезапно вспомнил все несправедливости и подлости, которые я делал другим, а другие – мне. Мне стало так не по себе, что я только и смог, что пролепетать:

– Зачем вы мне это рассказали?

– Эх, Гурий, да чтобы слегка поджарить твою наивность: если ты хочешь встать на духовный Путь, то ты должен знать, что и на нем существуют подобные ситуации.

– Но ведь я уже выбрал путь: следовать за вами, – ответил я.

– Если ты хочешь следовать за мной, то должен быть готов идти *per tenebrise ad lucem*.

– Что это значит? – спросил я.

– Сквозь тьму к свету, – ответил Джи.

– Я готов к этому, – ответил я.

Джи встал со стула и, подняв руки вверх, держа их параллельно, спросил:

– Готов ли ты так же, подняв руки, что символизирует полную отдачу своей воли, шагнуть за мной в неизвестность?

Я сомневался, говорит ли он серьезно, или разыгрывает меня, но на всякий случай тоже встал и поднял руки.

Джи сказал:

– А теперь делай шаг за мной.

И он сделал широкий шаг к окну, а я последовал за ним.

Все это показалось мне какой-то эзотерической шуткой. На следующий день я вернулся домой. Ночью, когда я лег спать, под окном вдруг раздался заунывный собачий вой. Я вдруг вспомнил, что, по народному поверью, бродячая собака воет к чьей-то смерти. Эти мрачные мысли не оставляли меня до полуночи, и я так измотался, что в какой-то момент забылся сном. Внезапно я проснулся, поднял голову и огляделся. К своему удивлению, я обнаружил, что нахожусь в лодке посреди широкой реки. На корме сидел мой отец, в строгом черном костюме и белой рубашке с галстуком, крепко держа в руках большой портфель. Отец сидел неподвижно, глядя перед собой отсутствующим взором. Вниз по течению виднелся древний город с высокими потемневшими от времени башнями и белыми колоннадами храмов. Течение быстро несло лодку вниз, и вскоре мы причалили к пристани. Над нами возвышались высокие каменные стены. Пришвартовавшись рядом с небольшим кораблем, легко покачивающимся на волнах, я выбрался на берег и направился к воротам города.

– Куда ты пошел? – резко окликнул отец.

– Меня ждут в этом городе важные события и люди.

– Чепуха, – уверенно заявил он, – мы с тобой никогда не бывали здесь.

– Отец, я все-таки пойду, а ты подожди меня.

– Ты еще слишком молод, чтобы указывать мне – стал горячиться он, – я пойду с тобой и докажу тебе, что ты глупый мечтатель.

Я быстро направился к высоким дубовым воротам, которые служили входом в таинственный город, отец пошел за мной, посмеиваясь над моей торопливостью. Но огромные ворота оказались крепко заперты.

– Ну вот, так тебя здесь и ждали, – рассмеялся отец и стал озабоченно копать в коричневом портфеле. Я стал отчаянно стучать в почерневшие врата. Внезапно со скрипом открылась боковая дверца, и из нее вышел стражник в синей накидке, с коротким мечом у пояса и копьём в руке.

– Кто вы, и что вам здесь нужно? – спросил он, положив руку на меч.

Я хотел назваться, но не мог вспомнить своего имени, как ни пытался.

– Свое имя я забыл, – сказал я стражнику, – но за меня могут поручиться Джи и Касьян.

Стражник молча отступил в сторону, пропуская меня, но я задержался в дверях, наблюдая за отцом.

– Кто вы? – обратился стражник к отцу.

– Симон Степанович, заместитель министра, – гордо ответил он.

– Предъявите документ, – приказал стражник.

Отец запустил руку в свой портфель, потом перевернул его и потряс: портфель был пуст.

– Я не могу вас пропустить, – ответил стражник и захлопнул дверь перед растерянным лицом моего отца. Избавившись от навязчивого отеческого контроля, я радостно направился вперед по широкой улице, которая вела к городской площади. Улицы были пустынные, но на душе было тепло и спокойно, словно после длительного отсутствия я вернулся на Родину.

Я долго бродил по улицам, не понимая, зачем я сюда прибыл. Вдруг из большого здания с арками слышались голоса, я поспешил туда, поднялся по каменной лестнице и оказался в просторном зале, где на длинных скамьях сидело множество юношей и девушек.

Они были одеты в длинные хитоны светлых тонов и молчали, и казалось, что они ожидали начала какого-то важного события. У стены стоял высокий белый алтарь на котором я с удивлением заметил золотой крест, а под крестом стояла золотая чаша, украшенная драгоценными камнями.

Рядом с алтарем стоял иерофант, высокий мужчина с поседевшими волосами и белой бородой, одетый в длинный белоснежный хитон. Нечто в его лице напоминало мне Джи. Два юноши в белых длинных одеждах повели меня через весь зал к алтарю, люди в зале затихли, устремив на меня любопытные взоры. Иерофант торжественно взял с престола белый сверток и протянул его мне.

– Отныне ты посвящен в Аргонавты. Теперь ты можешь отправиться в плавание за Золотым руном. Я даю тебе новое имя – Язон, надеюсь, ты оправдаешь его. А это – твое новое одеяние, – громко произнес благородный муж.

В зале послышался шум приветствия. Меня облачили в белый хитон, подпоясав веревкой. От восторга мое сердце сильно забилося. Моя старая одежда, лежавшая на полу, вдруг вспыхнула от невидимого огня и в одно мгновение превратилась в пепел. Я склонился перед старцем, и он возложил руки мне на голову; затем слегка подтолкнул меня и знаком показал, что я могу идти. Я повернулся и пошел к выходу. Юноши и девушки поднялись и пошли за мной, воодушевленно крича: «Язон, Язон!» Моему счастью не было конца: сбылась моя сокровенная мечта, теперь я могу отправиться в долгое странствие за Золотым руном. Гурий умер, и возродился как Язон.

И тут видение померкло и я ощутил, что возвращаюсь в свое тело через какой-то проход в центре груди.

– Ты получил в сновидении посвящение в Аргонавты, – сказал торжественно я, – поздравляю тебя с успешным началом Пути, теперь ты обязательно попадешь к небожителям.

– Спасибо, ты меня успокоил, – ответил Гурий, – а то я подумал, что все это – плод воображения.

– Нет. Это высшая, духовная реальность, в которую тебе посчастливилось проникнуть.

Глава 3

Мистическое пространство Москвы

Наступили первые дни осени, прежде чем мне удалось накопить денег и приехать в Москву для продолжения охоты за невидимой тенью просветления.

Изрядно поплутав в районе метро «Авиамоторная», я вышел, наконец, к девятиэтажному дому с высокими окнами, построенному видимо еще в сталинские времена.

В подъезде стояла гулкая тишина; слабый свет едва обозначал номера квартир. Я поднялся на четвертый этаж и с волнением позвонил в дверной звонок.

Послышались легкие шаги, щелчок замка, и на пороге появилась Фея. Увидев меня, она приветливо улыбнулась. Тонкую фигуру мягко облегал голубой китайский халат, на котором шелком был вышит красно-золотой дракон. Она пригласила меня войти и пристально посмотрела мне в глаза. Ее фосфоресцирующий взгляд словно проникал во все уголки души. Я почувствовал, как вибрации иного мира прошелестели по телу; мне стало не по себе. Ее душа явно пребывала в иной реальности.

– А где Джи? – растерянно спросил я.

– Он скоро придет, – ответила она вибрирующим голосом с другого конца бесконечности. Я не мог оторвать от нее взгляда. Ее золотистые волосы, наэлектризованные неземной энергией, ниспадали на худые плечи, а сумеречные глаза, подернутые зеленоватой дымкой, прохладно мерцали из-под ресниц.

Заметив мой испуганный взгляд, она вышла из комнаты.

Оставшись один, я стал рассматривать необычные картины, написанные на холстах, оргалите и даже на кухонных досках для резки. С трудом оторвавшись от их созерцания, я окинул взглядом обстановку комнаты. В левом углу стоял диван под блеклым китайским покрывалом, а посередине – большой круглый стол, на котором я увидел тюбики с красками, засохшие куски хлеба и запыленные граненые стаканы. Под столом лежала большая куча одежды вперемешку с женскими туфлями. Квартирка производила сюрреальное впечатление.

– Я вижу, ты слегка шокирован моей обстановкой, – заметила Фея, вернувшись с дымящимся чайником. Ее взгляд уже успел обрести нормальное выражение. – Вещи в этой комнате собраны из совершенно разных пространств и периодов моей жизни. Как видишь, они настолько несовместимы друг с другом, что находятся в состоянии войны.

Фея приготовила китайский зеленый чай и подала мне чашку из позолоченного фарфора, на которой тоже был изображен дракон. Я осторожно присел к столу и стал молча помешивать чай резной золотой ложечкой. Фея отстраненно смотрела прямо перед собой; взгляд ее снова уплыл в бесконечность.

«Только Джи мог поселиться в этом оторванном от реальности пространстве», – подумал я. Внезапно дверь отворилась, и он появился на пороге, одетый в темную рубашку и джинсы, что создавало странный контраст с утонченными чертами его лица. Он загадочно улыбнулся и спросил:

– Ну что, жив еще, братушка?

– В душе моей горит огонь, – ответил я.

– Тогда начинай вживаться в московский алхимический лабиринт.

Меня захлестнула теплая волна света, и мне показалось, что я, словно блудный сын, возвратился в отчий дом после многих инкарнационных скитаний. Было такое ощущение, что я провел в обществе Джи и Феи не одну сотню лет, но вспомнить ничего не мог.

– Рад видеть тебя в каморке Папы Карло, – сказал весело Джи.

Я вытащил из сумки молдавское вино и, разложив на столе нехитрую закуску, предложил отметить свой приезд.

Разлив красное вино по бокалам, Джи произнес;

– За вечное возвращение, – и посмотрел на меня.

– За достижение высшего «Я»! – сказал торжественно я.

– Если остановишь сны своей жизни, то сможешь проникнуть в просвет между мирами, – не спеша произнес Джи. – Читал ли ты роман китайского писателя У Чэн-эня «Путешествие на Запад»? Его сюжет заключается в том, что монаху из династии Тан была вверена небесными силами миссия: принести весть о буддизме в Китай. И он отправился на запад с двумя спутниками, Сунь Укуном и Чжу Бацзе, которые обязаны были помогать ему в пути, защищая от разных неприятностей. Они знали, что если Танскому монаху удастся выполнить свою миссию, то в награду за это они получают освобождение от колеса сансары. Вопрос в том, смог бы ты стать Сунь Укуном, если бы встретил Танского монаха?

С этими словами Джи снял с полки книгу и подал мне. Я открыл ее и быстро просмотрел оглавление, а затем пролистал слегка пожелтевшие страницы. «Теперь ситуация стала более ясной», – подумал я и решительно произнес:

– Просветления я собираюсь достичь в этой жизни, а каким образом – это не столь важно, и не хочу откладывать это до следующего воплощения.

– Какой дерзкий молодой человек, – пропела Фея с другого конца комнаты.

– Дай ему свободно высказаться, – остановил ее Джи.

– Если хотите, то я приведу вашу неустроенную каморку в приличный вид, – заявил я.

– Ну, попробуй, – разрешил Джи.

Со следующего дня с утра до вечера я выпиливал из авиационной фанеры полки и сооружал сундук-кровать, чтобы использовать его для хранения запрещенных властями книг о духовном Пути.

– Ночь, проведенная на эзотерических книгах, направляет ум к внутренней свободе, – заметил Джи, и я не понял, шутит он или нет.

Я работал молотком и пилой на лестничной клетке, прямо перед дверью коммунальной квартиры, в которой обитали Фея и Джи. Жители подъезда, проходя по лестнице, бросали на меня недоуменные взгляды, а их собаки проявляли ко мне повышенный интерес. Ничто не могло бы остановить меня, но на третий день Фея неожиданно заявила:

– Кажется, скоро мне придет конец. Я не ожидала такого нападения на свое пространство.

– Я же делаю как лучше, – ответил я.

– Вы не учитываете того, что я болезненно переношу шум, – прижав ладони к вискам, прошептала Фея.

«Ваши трудности», – подумал я, а Джи попытался успокоить ее:

– Может быть, он на самом деле сделает нашу комнатку уютной.

Фея подняла голову, в ее глазах я заметил безжалостные зеленые огоньки.

– Каким образом, скажи на милость, эта комната станет уютной для меня, – сказала Фея, подчеркнув ледяной интонацией слово «меня», – если он считается только со своим, и немного – с твоим мнением?

– Я надеялся, что комната станет более приятной на вид, если мы спрячем все это – сказал я, показав на валявшиеся повсюду вещи.

– Меня не интересует внешний порядок, – отрезала Фея, – я забочусь только о покое и тишине.

Тем не менее, с согласия Джи я продолжил строгать, пилить и стучать молотком. Еще через три дня непрерывной работы над интерьером комнаты Джи невесело произнес:

– Несмотря на то, что моросит осенний дождь, предлагаю тебе, Братец Кролик, прогуляться по московским улицам.

Мы вышли из дома, и мелкий дождь вдруг прекратился; яркие лучи заходящего солнца заскользили, переливаясь, по мокрому асфальту. Навстречу шли какие-то безликие люди; было очевидно, что они не собирались достигать просветления ни в этой жизни, ни в следующей. Унылые коробки одинаковых зданий еще более усугубляли это впечатление.

Я шел по улице, стараясь поймать взглядом искорки в глазах красивых девушек, которые могли бы скрасить мои невеселые мысли. Но мимо нас проплывали сонные лица, зачарованные гипнозом майи. Джи искоса посмотрел на меня и медленно произнес:

– Если бы ты наблюдал за ситуацией, то давно бы заметил, какую дисгармонию внес в нашу квартиру своим появлением.

– Ведь я хотел сделать как лучше, – сказал я с обидой в голосе.

– А Фея воспринимает это как покушение на ее территорию.

– Какая нелепость! – возмутился я.

– Давай хоть на мгновение не будем зависеть от женских капризов, – засмеялся он, и в его глазах я с удивлением увидел сияющую пустоту. Эта пустота стала переливаться в мое сердце, пока я не почувствовал внутри отголосок вечности, потеряв отсчет времени.

Не замечая прохожих, я столкнулся с шедшим мне навстречу солидным мужчиной, который, обозвав меня сумасшедшим, вернул меня к реальности. Джи, увидя мое замешательство, улыбнулся и сказал:

– Я думаю, Фея успела отдохнуть, и мы можем спокойно вернуться домой.

Не успели мы войти в комнату, как услышали обеспокоенный голос Феи:

– Вы забыли также и о том, что мы живем в коммунальной квартире. Соседка не вынесла шума пилы и молотка, и теперь грозит вызвать милицию.

– Я разберусь с ней по-своему, – процедил я.

– Ты уедешь, а нам с ней жить, – ответила сурово Фея.

– Мне непонятен ваш страх перед этой сварливой женщиной.

Но Джи миролюбиво произнес:

– Обновление каморки Папы Карло на сей раз придется прекратить.

Я приуныл, но возразить мне было нечего. Мое внимание привлек рисунок – треугольник с золотистым диском солнца на вершине.

– Что это за символ? – спросил я, чтобы перевести разговор на другую тему.

Джи внимательно всмотрелся в мое лицо, а затем произнес:

– Треугольник, повернутый вершиной вверх, является символом арийской расы, символом восходящего огня. Арийская раса имеет особое задание – подготовить весь мир для восхождения в Космос. Но для этого он должен подвергнуться трансформации, пройдя стадию внутреннего огня.

Для адептов Солнечной системы существует девиз, который связывает их магической цепью с адептом нашего Кольца:

«Из огня создан мир, и в огонь возвратится он.

Все мы сгорим в жарко любящем сердце Бога».

Частое произношение этого девиза может открыть тебе двери в некоторые школы на гиперфизическом плане. «Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся» (Лк. 12:49), – говорил Христос. Евангелие описывает, как Иоанн крестил входящих к нему водой, но когда он увидел Иисуса, приближавшегося к нему, Иоанн сказал: «Я крещу вас водою, но идет Сильнейший меня, у Которого я недостоин развязать ремень обуви; Он будет крестить вас Духом Святым и огнем». (Лк. 3:16). Это является настоящим креще-

нием, после которого человек меняет свою земную природу; ему открывается космическое восприятие бытия. Крещение водой – это символическое приобщение к христианству. Крещением водой человек приобщается к импульсу любви, но сам не может еще никого любить, ибо это состояние может возникнуть только при крещении огнем любящего сердца Бога.

Я не мог воспользоваться тем знанием, которое получил от Джи. Оно не вызывало у меня никаких ассоциаций, и поэтому зависло на одном из витков моей памяти до лучших времен.

В маленькой каморке Джи и Феи было тесно, и я спал на полу, в углу возле стола. Часа в три ночи я проснулся от странного ощущения опасности. В темной комнате царило безмолвие, только тиканье часов нарушало напряженную тишину. Яркое пятно луны притягивало взор: она словно манила на улицу, обещая таинственное приключение. Я поддался ее мягкому зову и вышел из квартиры. Меня насторожила наэлектризованность темного пространства, но все же я стал медленно, держась за перила, спускаться по лестнице. В углу лестничной площадки третьего этажа я заметил притаившуюся женщину. Я постарался незаметно проскользнуть мимо, но она крепко уцепилась за мое плечо, и я увидел сверкающие ненавистью глаза. Оставив клочок одежды в ее кулаке, я выбежал на пустынную улицу. Светила полная луна; воздух дышал опасностью. Деревья серебрились в холодном лунном свете, навевая ужас. Я побежал к церкви, надеясь укрыться там, но, потеряв дорогу, свернул не в ту сторону, и вдруг оказался на кладбище. Я хотел было повернуть назад, но леденящий душу крик за моей спиной погнал меня вперед. Вокруг меня кривым частоколом расходились кресты старых могил. Тень женщины хищной бестией скользила за мной. В середине кладбища я наткнулся на одинокую девушку с сумеречным взглядом птицы.

Испугавшись ее прозрачного тела, я отпрыгнул в сторону и, зацепившись ногой за бетонную плиту, свалился на землю. Вдруг рука нащупала на земле острый кинжал. Я вскочил и с ужасом увидел перед собой искаженное ненавистью лицо преследовательницы; в ее глазах отражалась смерть. Я резко взмахнул длинным лезвием кинжала и ее голова покати-лась по земле с глухим стуком.

Меня разбудил резкий крик соседки.

– Он отрубил мне голову, – завывала она где-то за стеной.

«Теперь мне не избежать смерти», – пронеслось в голове. Мне стало до боли жаль прерванного обучения. Два месяца назад я был счастлив, что наконец встретил человека, который указал дорогу, ведущую к Небу, и все приобрело смысл. Новая жизнь, для которой я был предназначен, не успев начаться, нелепо закончилась.

Проснувшись Фея.

– Что ты сделал с бедной женщиной? – спросила она, приподнимая голову с подушки. Тут я осознал, что это был яркий, неотличимый от реальности сон.

А голос за стеной продолжал причитать:

– Я вызову милицию, я буду жаловаться в партком...

– Придется пойти к ней, иначе она не успокоится, – сказала Фея и вышла.

Крики стихли. Вернувшись, она встревоженно сообщила:

– Соседка требует, я цитирую: «люди, не прописанные здесь, должны покинуть твою комнату, иначе я вызову милицию».

– Пора менять координаты, – произнес Джи. – Дядя Дема нас опять вычислил.

Делать было нечего. Я быстро оделся, взял свою дорожную сумку и уже собрался уходить. Между тем Фея, посмотрев на лежащего в постели Джи, произнесла:

– Ты ведь тоже тут не прописан.

В этот момент пустота в ее глазах приобрела угрожающий оттенок.

– Я надеюсь, ты не воспринимаешь серьезно угрозы соседки? – мягко спросил он.

– Конечно, нет, но тебе тоже лучше уйти, – напряженно произнесла она.

– Ну, разве только ради твоего спокойствия, – ответил Джи, неохотно вставая с постели.

Мы с Джи тихо выскользнули из квартиры. Было раннее утро, но солнце уже согревало мостовые московских улиц, радостно сияя на лицах прохожих. Джи пристально посмотрел на меня и спросил:

– Не мог бы ты, братушка, прояснить ситуацию? Не может быть, чтобы соседка разгневалась безо всякой причины.

– Дело в том, – сконфуженно начал я, – что мы с ней не поладили во сне, – и я рассказал ему о ночном приключении.

– Это был не сон, а реальное сновидение, – произнес Джи. – В этом случае трудно сказать, какой мир более реален. Ты вступил в опасную стадию Нигредо.

– Что такое Нигредо? – забеспокоился я.

– Это прохождение стихии Земли. Оно является важной ступенью обучения. Изнуряющий физический труд, психологические перегрузки и неожиданная встреча со смертью. Читал ли ты книгу о капитане Бладе? Ее автор, Рафаэль Сабатини, был посвящен в алхимию души, и все его романы построены в алхимическом ключе.

– Не могли бы вы мне вкратце рассказать об этом? – спросил я, интересуясь своей судьбой.

– Роман начинается с того, что доктора Блада, практиковавшего в маленьком английском городке, вызвали к раненому дворянину, участвовавшему в мятеже герцога Монмута против короля Якова. В жизни Блада было прежде немало приключений, когда он служил под началом известного голландского флотоводца адмирала де Рюйтера, но он считал это закрытой главой своей жизни. Тут, как говорится, пробил его час, и он вступил на путь инициации. Пока он оперировал раненого, пришли гвардейцы короля Якова и арестовали повстанца, а заодно и доктора Блада. Раненый мятежник выздоровел, благодаря умелой помощи Блада, и затем, используя связи и большие деньги, получил помилование у короля. А Блад, вместе с мятежниками, был приговорен к смертной казни. Но королевской милостью смертный приговор был заменен продажей в рабство в английские колонии на далекие острова, где не хватало рабов.

Блад был видным, сильным человеком, с огненным взглядом и мужественными чертами лица, и он понравился прекрасной молодой леди – племяннице губернатора острова. Так Блад стал рабом на плантациях ее дяди. Наступила тяжелая пора: ему приходилось сносить всевозможные оскорбления и унижения, работать до изнеможения, но сила его духа не была сломлена. На острове Блад проходил алхимическую закалку, которая и называется стадией Нигредо.

Джи хотел рассказывать дальше, но я возмущенно прервал его:

– Я не собираюсь проходить стадию рабства, даже если это необходимо для моей стабилизации!

– В твоем случае, – ответил Джи, – это будет, скорее всего, роль Ваньки Жукова из рассказа Чехова. За всеми ухаживать, готовить еду, мыть посуду, вовремя подавать на стол, наливать вино. Ходить в магазин за продуктами и вином; желательно уметь быстро зарабатывать на это деньги.

То, что предлагал Джи, показалось мне возмутительным и, по сравнению с историей Блада, лишенным всякой романтики.

– Мне не нравится ваша последняя фраза: деньги быстро тают в моих карманах, а мне хочется пробыть в вашем обществе как можно дольше, – стараясь казаться спокойным, возразил я.

– У меня тоже нет денег на твое обучение, – ответил Джи, и я увидел в его глазах легкую иронию. – Не пройдя стадии Нигредо, ученик не может удерживать внутреннее равновесие,

и даже при малом психологическом градусе он лопнет, как мыльный пузырь, – продолжал Джи. – Ее никак нельзя обойти, – сказал он, глядя на меня с сожалением.

– Но я ведь уже прикасался к высшему «Я». Может быть, проходить стадию Нигредо мне не обязательно?

– Это ничего не значит, – заметил он, – каждый хоть раз в жизни способен случайно пережить мгновение высшего озарения. Но оно длится лишь секунды, а затем человек погружается в вековой сон, вновь отождествляясь со своим телом. Ты, как обычно, хочешь попасть в Царство Небесное через черный ход. А я хочу ввести тебя в него через традиционно-парадный.

Я понял, что мне все равно придется драить кастрюли, заниматься грязной работой и учиться быстро зарабатывать деньги. Тяжелая часть меня сопротивлялась всему тому, что исходило от Джи, но зов высшего «Я» с неодолимой силой звучал в душе.

Глава 4

Перекресток бесконечностей

Куда мы сейчас направляемся? – спросил я Джи, заметив, что мы подошли к станции метро.

– Поскольку возвращаться домой нежелательно, – сказал Джи, – то отвезу-ка я тебя на «перекресток бесконечностей»; там можно провести несколько дней, пока страсти на Авиамоторной не утихнут.

– Я не понимаю, почему это вы церемонитесь с этой несчастной соседкой! – снова возмутился я.

– Ты еще не знаком с коммунальными боями, которые всегда оканчиваются в пользу дотошных скандалисток; это ведь составляет неотъемлемую часть их жизни. Когда мы боремся с чем-то во внешнем мире, мы отождествляемся с этим, вбираем в себя чужие вибрации и в итоге проигрываем, растрачивая свет своей бессмертной души.

В этот момент в его глазах отразилась таинственная пустота Вечности, во всей своей многозначности. Мой ум застыл в безмолвии, и я увидел, насколько ничтожны земные проблемы по сравнению с необъятной Вселенной.

– Что такое «перекресток бесконечностей»? – спросил я, когда мы на эскалаторе спустились в метро.

– В этом неприметном для посторонних людей месте существует невидимая дверь в иные измерения, и тот, кто готов, может проникнуть сквозь нее в неведомый мир Зазеркалья.

– Можно ли мне войти в нее?

– Это столь же непросто, как верблюду проникнуть в угольное ушко.

– Вы хотите сказать, что, по сравнению с вами, я похож на верблюда? – спросил я обиженно.

– Может быть, для меня ты все-таки человек, но с точки зрения Стражей Порога высших миров ты определенно верблюд.

Я прикусил от досады губу, но не нашелся, что ответить. Мне была неприятна мысль, что кто-то видит меня верблюдом. От нахлынувшей на меня обиды я не заметил, как мы оказались у Курского вокзала. День выдался по-летнему жарким. На платформе толпились грибники с корзинами и дачники с рюкзаками и тележками. По их разморенным жарой лицам было понятно, что их не волнуют мысли о просветлении. Мы направились к пригородным кассам, обходя стороной толпу, и вдруг увидели маленькую сморщенную старушку, одиноко стоящую с протянутой рукой у стены. Сердце мое сжалось; я было опустил руку в карман, но моя жадность протащила меня мимо. Джи остановился и, неторопливо порывшись в карманах, подал ей гривенник. «А ты пожадничал», – робко напомнила мне проснувшаяся совесть, но гордыня властно парировала: «Ты что, дурак, возвращаться назад и позориться? Джи подал за нас обоих!» Покачиваясь от немощи, словно божий одуванчик, старушка прошептала Джи благодарственную молитву. А люди проходили мимо, так же как и я, не обращая на нее внимания.

– Перед Богом все мы находимся в положении этой старушки, все мы бедные, все мы нуждаемся в Его милости, – сказал задумчиво Джи, не глядя на меня. Я почувствовал немой укор в его интонации. Мое самолюбие было задето, мне стало не по себе, и я, вернувшись, неохотно положил рубль в сморщенную ладонь. Старушка посмотрела на меня затуманенным взором и, перекрестив, сказала:

– Господь поможет тебе, сынок.

Легкая тихая радость вошла в мое сердце, и ночной кошмар рассеялся, словно его и не было.

– Если ты подашь ей, то и Господь сможет однажды подать тебе, – сказал Джи. Его глаза внезапно отразили всю бесконечность мироздания.

– Вся наша падшая Вселенная стоит с протянутой рукой перед Господом, прося жалкую милостыню, и может быть, однажды, Он бросит ей золотой.

– Вот такая неприметная старушка, которой ты вначале поспешил подать монету, явилась для тебя громоотводом, – добавил он. Я воспрянул духом и, шагая рядом с ним по платформе, почувствовал себя счастливым. Мы вошли в первый вагон и сели на свободную деревянную скамью. Джи тут же достал из сумки дорожные шахматы и сказал:

– Предлагаю сыграть отчаянную партию, которая захватила бы твой дух. Если ты сможешь подключить к игре те враждебные «я», которые окопались в глубине души и отчаянно сопротивляются обучению, то их удастся трансформировать.

– Вы дадите мне легкий путь к трансформации психологического свинца? – обрадовался я.

– Он потребует от тебя предельной концентрации и тщательного самонаблюдения, – улыбнулся он.

Я с большим энтузиазмом открыл красные дорожные шахматы и, расставив фигуры, сделал первый ход. Я уже знал, что Джи превосходно сражается в шахматы с любым противником, и поэтому победить его нелегко. В первые минуты я был полностью захвачен партией, и напряжение игры достигло уровня сущности, но внезапно что-то произошло, и я перестал спонтанно замечать неожиданные ходы. Мне стало скучно.

– Вот ты и столкнулся со своим свинцом, – заметил Джи, – и не можешь его преодолеть.

– Не знаю, как это сделать, – поникшим голосом ответил я.

– Вырвись из привычных шахматных штампов, которыми ты пользуешься в игре. Сделай сверхусилие и преодолей свое тяжелое состояние, пройди сквозь него, как доблестный воин.

Я попытался следовать его советам, но через пять минут произнес:

– Я не могу найти в этой партии ни одной интересной комбинации. Мне скучно, а скука для меня – труднопреодолимое препятствие.

– А ты пожертвуй одну из фигур, и за счет этого резко улучшишь свою позицию.

– Но тогда я могу проиграть вам эту партию!

– Если ты ее проиграешь в острой борьбе, то это совершенно меняет ситуацию.

– Самолюбие не позволяет, – признался я.

– Вот ты наткнулся еще на один паттерн в своей личности, – заметил он.

– Что вы имеете в виду? – заинтересовался я.

– Схему твоего механического поведения, когда ты включаешь в игру лишь свою ложную личность.

– А как надо играть на самом деле?

– Должна играть сущность, которая постоянно будет сталкиваться со свинцовыми пространствами ложной личности. И вот, если ты сможешь на сверхусилии, как воин, пройти сквозь эти препятствия, тем самым ты трансформируешь свой свинец.

– Сейчас наша станция, – посмотрев в окно, спохватился Джи и, осторожно собрав шахматы, быстро пошел к выходу. Я подхватил сумки и, изо всех сил раздвигая закрывающиеся двери электрички, едва успел выскочить из вагона.

Сойдя с платформы, мы зашагали по извилистой тропинке, пролегающей сквозь высокие кусты бузины и могучие заросли лопухов. Москва осталась далеко позади; здесь все было другим. Горьковатый аромат полевых цветов подчеркивал особую печальную прелесть бабьего лета. Золотистые солнечные лучи милостиво одаривали нас последним ласковым теплом. Следуя за Джи, я выжидал удобного момента, чтобы задать мучивший меня вопрос.

Наконец он обернулся и я снова заметил в его глазах странное сияние: сначала незаметное, оно вдруг становилось ослепительным. Тогда я спросил:

– В одном из разговоров вы упоминали о том, что в каждом человеке есть скрытое женское начало. Не могли бы вы объяснить, как мне раскрыть его?

– В алхимических трактатах женское начало символизируется ртутью и изображается в виде белой королевы. Его надо выплавить путем различных трансмутаций из первоматерии, которой является неофит, то есть, в данном случае, ты сам. Первоматерия изображается на алхимических гравюрах в виде дракона, из которого должна быть извлечена душа во всей ее чистоте. Но белоснежная дева должна суметь приручить дракона, обуздать его мощь и поставить себе на службу.

Помочь в этом внутреннему женскому началу можно различными путями:

Первый изображен на многих индийских картинах: темно-голубой Кришна из бессмертного Космоса в окружении множества юных девушек. Человеческая душа – всегда юная девушка, поэтому Кришна каждую девушку обнимал и любил, и каждой казалось, что только ей одной он дарит свою любовь. Кришна один, но он распался на сотни и миллиарды частей, чтобы объять все человеческие души.

И другой подход: вдова, много лет страдавшая кровотечениями, которой не мог помочь ни один врач, пошла за Христом, веруя, что прикосновение к Его одежде исцелит ее. Христос почувствовал это прикосновение, произошла передача силы без Его ведома, и женщина была исцелена в мгновение ока. «Дщи, вера твоя спасе тя: иди в мире и буди цела от раны твоея» (Мк.5:34).

Я не знал, как мне воспользоваться ответом Джи, но не стал больше надоедать ему вопросами, надеясь все осмыслить самостоятельно. На какой-то момент моя жажда знания была удовлетворена. Меж тем мы уже шли по дачному поселку. Солнце стояло в зените, и осень золотистыми листьями устилала нам путь. Возле глухого переулка, в котором, казалось, никто не жил, Джи приостановился.

– Это тайное «место силы» на перекрестке бесконечностей.

– Вы имеете в виду потусторонние миры? – спросил я.

– В этом месте могут появляться сущности из разных миров. Это пространство было построено для выхода в Зазеркалье. Оно восстанавливает силы, перезаряжая аккумуляторы души. На перекрестке миров на крыльях души оседает золотистая алхимическая пыльца. Эта пыльца является реальной валютой в Космосе, ибо деньги там не имеют значения. Каждый платит только из золотого запаса своей души. И если у тебя за душой пусто, то ты никому не нужен, даже себе. Накопив алхимическое золото, ты легко проникнешь в иные миры, а если нет – то пойдешь путем обычного человека.

– Я тоже желаю научиться накапливать космическую валюту! – выпалил я.

– Ну, тогда, – усмехнулся Джи, – готовься к встрече с неизвестностью.

Пока я пытался разгадать, что имел в виду Джи, он открыл калитку и зашел на участок, заросший малинником и диким кустарником. Я ожидал увидеть большой каменный дом, которым мог быть, по моим представлениям, «космический перекресток», но меня ожидало большое разочарование. «Местом силы» оказался маленький деревянный домик с мансардой, сиротливо стоящий среди крыжовника и густой крапивы, да покосившаяся деревянная кухня в заброшенном яблоневом саду. Золотистые бабочки-однодневки кружили над редкими цветами, выглядывающими из буйно разросшейся травы.

– Ты будешь жить в моем кабинете на первом этаже, а я расположусь в мансарде, – сказал Джи, исчезая за кустом отцветшего жасмина. Обрывая мелкие ягоды одичавшего крыжовника, я неторопливо вошел в дом; половицы подозрительно заскрипели под ногами. В комнате, которую Джи назвал кабинетом, стоял старенький столик с настольной лампой и

две кровати на доисторических пружинах, покрытые бордовыми одеялами; на полках стояли пожелтевшие от времени книги Гофмана и Германа Гессе, а на стене ярко выделялись странные геометрические знаки. Я сразу же сел за стол, смахнул с него пыль и стал писать путевые заметки. Среди прочих моих наблюдений я записал, что идеи, которые проводит Джи, не могут жить в мире обычных людей, никогда не задумывавшихся о великом Пути освобождения. Окончив записи, я прошел на кухню и увидел там Джи, сидящего с кружкой чая на грубо сколоченном табурете; его голову украшало соломенное сомбреро, а глаза выражали неприступную строгость испанского гранда, остановившегося в избушке лесника. Увидев меня, он смягчил взгляд и стал уютно-добродушным милым дачником, который произнес:

– Предоставляю тебе еще одну попытку научиться с помощью шахмат трансформировать энергию своих драконов.

– С превеликим удовольствием, – без особого энтузиазма сказал я, изображая радостную улыбку, и стал расставлять шахматные фигуры.

– Ты опять не можешь выйти из схемы примитивной механической игры, – отметил Джи через несколько минут.

– Ну, я не виноват в том, что не могу следовать вашим инструкциям в шахматах, – оправдывался я.

– Нет в тебе отрешенности воина, – ответил строго Джи, и его взгляд стал тверд, как сталь. – В тебе отсутствует творчество, без которого всякое действие механично.

Мне стало не по себе – куда девался беззаботный дачник, попивающий чаек? Передо мной сидел человек с лицом средневекового рыцаря. Поток невидимой силы изшел из него, и я на миг перенесся на поле боя. Передо мной мелькали картины рыцарских сражений, победоносный клич рыцарей звал к победе над врагами христианской веры.

– Не хочешь быть воином – приступай к обязанностям Ваньки Жукова, – долетел словно издалека его голос.

– Я старательно избегаю приготовления обедов и мытья грязной посуды, – заявил я, вернувшись к дачной реальности, – а вы хотите превратить меня в кухонного мальчишку.

– Пока ты не станешь домохозяином, тебе не видать потусторонних миров, как своих ушей, – ответил Джи без всякого юмора и пояснил: – Домохозяин – это человек, который может на свои деньги содержать дом, в котором расположилась Школа. В его обязанности входит готовить обеды, следить за порядком и за тем, чтобы у всех было хорошее настроение.

– То есть содержать всех лентяев за свой счет. Это уж слишком подозрительное условие попадания в высшие миры, – мелькнуло в голове. Но я промолчал, надеясь избежать этой участи, сделал ход конем и понял, что безнадежно проигрываю. А вслух произнес:

– В данный момент могу содержать только двух человек.

– Себя и еще двоих сверху? – с любопытством спросил он.

– Себя и еще одного, – быстро ответил я.

– И этот другой человек – женщина?

– На женщин – не трачу, ибо они символизируют для меня уход от внутренних поисков в мир соблазнов. Процесс обучения является для меня важным делом, и денег на это не жалко. Но я не вижу смысла в том, чтобы кормить компанию ленивых учеников, – закончил я.

– А если это является частью обучения? – загадочно спросил Джи.

– Я не верю в такое обучение.

Джи поставил мне шах, а затем мат и произнес:

– Как ты относишься к миру, так и он к тебе, – и в его глазах на миг открылась вселенская пустота.

Решив все же сыграть роль Ваньки Жукова, я отправился в сад. Обойдя заросший крапивой двор, я не нашел ничего пригодного в пищу, кроме цветущей петрушки и пожелтевшего лука. Из этого я приготовил салат, а на грязную засаленную плиту поставил вариться

горох, который остался в шкафу с прошлого лета. Как только я накрыл на стол, появился Джи и, бросив взгляд на скудный ужин, заметил:

– От твоей стряпни и помереть можно.

– Больше нет ничего, – с растерянностью ответил я.

– С таким отношением к обязанностям домохозяина как у тебя, на кухне никогда ничего не будет.

Меня задела его интонация, и я вернулся в комнату. В ящике письменного стола я обнаружил большую коллекцию курительных трубок и около двадцати сортов иностранного табака. Взяв из коллекции изящную трубку с изображением Мефистофеля, я набил ее табаком и сладостно закурил, пуская клубы дыма в потолок. Внезапно я вспомнил фразу, которую обронил Джи: «Наша цивилизация со всем ее комфортом носит фаустовский характер».

Но я не мог представить, как бы я жил без этого комфорта.

Докурив трубку, я решил посетить Джи. На улице было уже совсем темно. Яркие звезды рассыпались по небосклону, чаруя своим таинственным мерцанием.

– Мы пришли на Землю из созвездия Большой Медведицы, – вдруг прозвучал сверху голос Джи. Меня пронзило острое чувство ностальгии, и я долго не мог оторвать взгляда от звездного ковша. Поднявшись в мансарду, я залюбовался уютной комнатой: с левой стороны стояли две кровати, одна была накрыта голубым, а другая темно-красным старинным ковром с магическим завораживающим узором. Правую сторону занимали полки с толстыми томами работ Сталина, посреди комнаты стоял деревянный стол, на котором располагалась черная настольная лампа, освещавшая комнату желтым светом. Заметив у двери небольшую гипсовую скульптуру Ленина, я поинтересовался:

– Как вы можете терпеть его в этом мистическом пространстве?

– На невидимом перекрестке бесконечностей он является Стражем Порога Среды, – улыбнулся он.

– Вы говорите странными метафорами, – удивился я.

– Это отнюдь не метафора, – ответил он серьезно.

– Что же это?

– Страж Порога Среды, – медленно, разделяя каждое слово, произнес он, и эхо пустоты захлестнуло меня невидимой волной.

Утром я нашел Джи за длинным растрескавшимся столом под яблоней. Его лицо было задумчиво. Мне не хотелось мешать его размышлениям, и я было собрался уйти, но он кивнул мне в знак приветствия. Тогда я решился задать вопрос, который задавал уже не впервые:

– Каким образом я могу работать над собой?

Джи, чуть улыбнувшись, дал мне все тот же ответ:

– Попробуй начать с самонаблюдения.

– Как это делается? – механически поинтересовался я, уже зная, что ничего нового он не скажет.

– Проследи за сменой эмоций различных «я», и ты заметишь, что большую часть времени ты находишься в негативе.

Я не был согласен с его утверждением, но виду не подал.

– Ну, а дальше что с этим наблюдением делать? – спросил я как можно смиреннее.

– Осознать, что в состоянии негатива ты забываешь о цели своей жизни, о том, что ты собрался достичь внутренней свободы.

Тут я не выдержал:

– Вы не правы, я всегда помню о том, что хочу достигнуть высших миров.

– И каким же образом? – иронично спросил он.

– Я надеюсь, что вы возьмете меня с собой в эти миры, – ответил я растерянно.

– Я уже пробовал брать с собой своих учеников, но из этого ничего не вышло. Я могу лишь указать тебе Путь, но пройти по нему ты должен сам.

Меня охватила легкая дрожь.

– По книгам я знаком с различными методами обучения. Какому следуете вы?

– На книжное знание ты лучше не рассчитывай, – ответил он. – Ты должен как можно подробней описывать все, что происходит с тобой в моем присутствии. Если не сейчас, то когда-либо потом ты сможешь понять, куда ты попал. Иначе твое пребывание в моем обществе будет бессмысленным, – донесся его голос как бы издалека.

Я пошел к себе в комнату и, раскурив трубку с головой Мефистофеля, стал описывать последние события. Долго писал я в своем дневнике, пока усталость окончательно не свалила меня, и я прилег отдохнуть, надеясь продолжить после. В середине ночи я очнулся от скрипа отворяемой двери и стал напряженно всматриваться в темноту. Вдруг я заметил, как в образовавшуюся щель вошла прозрачная светящаяся сущность. По моему телу пробежал холодный озноб, и страх закрался в сердце. Сущность была соткана из голубоватого тумана. Ее светящиеся глаза скользнули мимо меня и остановились на одном из знаков, висевших на стене. В комнате разлился тонкий аромат цветущего жасмина, и в лунном полумраке отчетливо различался светлый утонченный лик. Заметив на себе пристальный взгляд, она выскользнула в дверь. Я поднялся и по шаткой деревянной лестнице взобрался в мансарду к Джи.

– Я только что встретил потустороннее существо! – взволнованно выпалил я.

Он оторвал взгляд от пожелтевшей рукописи и произнес:

– Надеюсь, ты больше не сомневаешься в том, что оказался на перекрестке бесконечностей?

– Мой ум не доверяет вашим словам.

– Потому что твоей душе не хватает внутреннего огня.

– Как его приобрести?

– Мне трудно бороться с твоим скептицизмом. Может быть то, что я тебе сейчас прочитаю, натолкнет тебя на понимание.

«Когда Иисуса распяли, то Пилат прибил к кресту доску, на которой была надпись INRI: „Иисус из Назарета, Царь Иудейский“. Но рыцари Розы и Креста расшифровывают ее иначе: „Огнем природа обновляется вся“ (Igne Natura Renovatur Integra).

Тут возникает тема внутреннего огня; огонь требует постоянной жертвы, иначе без дров нашей души, которыми является борьба с семью смертными грехами, внутренний огонь погаснет. Жертва является единственным питанием для огня. Каждый день мы можем жертвовать своими страстями, ленью, временем и энергией для поддержания огня в алхимической печи нашего сердца. На каждый удар сердца надо повторять: „В нас царствует Иисус“, – на латинском языке это звучит так: „In Nobis Regnat Jesus“.

Сердце – носитель огня, который рождается в крови. Сердце привлекает токи Иисуса. Настоящий христианин является носителем импульса Христа, который есть новый Адам Кадмон для всего передового человечества; это новый микрокосмос, который на собственной жертве, на алхимическом огне начинает проплавливать руду своей души, принося себя в жертву для поднятия падшей Вселенной, для восстановления своего первородства.

Обычные люди, называющие себя христианами, являются бутафорными фигурами на сцене жизни, но даже и в таком виде они в какой-то степени являются нашими союзниками».

– Мне трудно будет разжечь огонь в своей душе, ибо я не привык приносить жертвы, – сокрушенно ответил я. – Не могли бы вы мне подсказать, с чего начать мне первую жертву?

Джи встал и несколько раз прошелся по комнате.

– Я предлагаю тебе самому подумать над этим вопросом, – серьезно ответил он, – какие-то вопросы ты должен решить сам.

Я сконфуженно попятился к двери, и, не попрощавшись, стал спускаться в темноте по узкой лестнице. Засыпая, я все думал, чем же мне пожертвовать, чтобы разжечь внутренний огонь.

На следующий день, заглянув в пустые кухонные ящики, я понял, что надо идти в магазин, который находился в сером деревянном домишке, сиротливо стоящем у проселочной дороги.

«Пусть это будет моей первой сознательной жертвой», – подумал я.

Взяв со стула старенькую сумку для продуктов, я направился за покупками. У дверей магазина стояли куры и настороженно ожидали от людей хлебных крошек. В сельпо продавались лишь слежавшиеся макароны да плесневелый горох. Хлеб еще не привезли.

– Нет ли у вас чего-либо более съедобного? – недовольно спросил я. Толстая продавщица в сером потертом халате раздраженно ответила:

– Продукты надо везти с собой из Москвы, или на огороде выращивать.

«Отпетая мярянка», – подумал я.

Ничего не купив, я вышел, и куры дружно обступили меня, надеясь на свою долю, но мне нечего было им дать. Провожаемый недовольным кудахтаньем, я вернулся с пустыми руками.

– Ну что же, – сказал Джи, посмеиваясь, – это и есть твой уровень бытия как домохозяина. Ты не можешь в сельской местности достать приличной еды, а еще хочешь постичь тайное знание. А знаешь ли ты, что его в сотни раз сложнее добыть? Весь твой утренний облик говорил о том, что ты обречен на неудачу, поэтому я сам достал все, что необходимо для уютной жизни.

На столе красовалась бутылка токайского вина, на сковородке я увидел только что пожаренную рыбу, а рядом – огурцы, помидоры и пучки зелени.

«Опять ты прокатился на шару», – пронеслось в голове.

– Ты, брат Касьян, не расстраивайся, присаживайся, выпей да закуси. Когда-нибудь ты овладеешь искусством кайфмейстера.

– Что такое искусство кайфмейстера?

– Это умение в любой сложной дискомфортной ситуации построить душевную атмосферу, суметь согреть своих товарищей теплом своего сердца. Это умение создать такую атмосферу, в которой все присутствующие чувствовали бы себя комфортно и свободно могли проявляться. А также суметь построить пространство, в котором человек смог бы попасть в свою сущность.

Я был явно не готов к восприятию сказанного, ибо, на мой взгляд, все люди мешали моему внутреннему комфорту, и я всегда старался от них отстраниться. Но с Джи спорить не стал, стараясь выглядеть смиренным.

Ближе к полуночи скрипнула калитка, и на пороге появилась красивая девушка в коротком ярком платье: стройная, длинноногая, с растрепавшимися от ходьбы волосами. Голубые глаза ее оживленно блестели из-под пушистых ресниц. На вид ей было лет пятнадцать.

– Знакомься, Касьян, – сказал Джи, – это Дракоша, одна из самых молодых учениц.

«Вот с этой ученицей я бы пошел хоть на край света», – подумалось мне. Девушка села у стола и стала увлеченно рассказывать Джи о последних событиях в Москве. Я не знал людей, о которых она говорит, и почти ничего не понимал, но с удовольствием слушал ее звонкий мелодичный голос. Я никогда не думал, что у Джи могут быть столь привлекательные ученицы. Около часа ночи, когда меня стал одолевать сон и я собрался уйти спать, Джи неожиданно предложил:

– Не мог бы ты, брат Касьян, прочесть вслух с правильной интонацией главу из книги Успенского «В поисках чудесного»?

– С большим удовольствием, – лицемерно заявил я, поскольку хотел казаться твердо идущим по пути к просветлению. Джи достал толстую книгу, отпечатанную на машинке, и подал мне:

– Прочти нам, брат Касьян, что-нибудь на выбор.

Читать скучные рассуждения Успенского мне совсем не хотелось. Но поскольку я старался произвести хорошее впечатление на молодую ученицу, то, открыв наугад толстую книгу, стал читать главу «О водородах».

Я начал довольно бодро, перевернул страницу и пришел в ужас: глава почти целиком состояла из непонятных таблиц. Но я решил пройти на сверхусилии.

– Триада «до», «си», «ля» дает «водород 96». В скобках: аш 96, – читал я монотонным голосом.

– Да он едва сидит на стуле, – засмеялась молодая девушка, – а от его голоса веет невыразимой скукой.

Джи недовольно посмотрел на меня и произнес:

– Почитай-ка ты Успенского, дорогая Леночка, у тебя и голосок звонче. Может быть, Касьян поучится, как надо правильно читать.

Под переливы ее приятного голоса я прикрыл веки и, делая вид, что внимательно слушаю, незаметно заснул. Я в ужасе очнулся оттого, что с грохотом свалился на пол, разбив при этом тарелку. Девушка звонко засмеялась и сказала с издевкой:

– Какие талантливые ученики живут у вас на даче!

Нелепо растянувшись на полу, я почувствовал, что краснею. Но я справился с собой, подобрал осколки, вновь уселся на стул и притворился внимательно слушающим. Глаза мои вскоре опять стали закрываться; я попытался их открыть и вдруг увидел, что нахожусь на лесной поляне. Была глубокая ночь, луна ярко светила над черными силуэтами сосен. Оглядевшись, я заметил хрупкую девушку, похожую на лесную фею, в воздушном платье, легком как туманная дымка, светлые волосы ее разметались по плечам. Она поманила меня пальцем и углубилась в тревожную темноту леса. Ее голубые глаза показались мне знакомыми, и я спокойно последовал за ней. Вскоре за стволами деревьев мелькнул огонь. Мы вышли на широкую поляну с большим костром посередине, вокруг которого лесные девы кружились в призрачном танце. Тела их едва прикрывали, развеваясь, невесомые накидки. Я застыл в изумлении; в крови пронесся невидимый ветер, и мои чувства стали воспаляться. Одна девушка отделилась грациозно от круга и приблизилась ко мне, оживленная вихрем танца, с пылающим взором черных глаз. Гибкий стан ее обведали мягкие складки нежного шелка. Я обнял ее прекрасные плечи, но она вдруг растаяла, став воздушным облачком. Я вздрогнул от неожиданности и в этот миг проснулся оттого, что кто-то тряс меня за плечо. Молодая ученица подула мне в лицо, пытаясь разбудить, в глазах ее играли смешинки.

– Сегодняшний урок для тебя неудачно закончился, любитель Гурджиева, – съехидничала она.

– Ты оскорбил юную леди мужицким храпом, – серьезно, как судья, произнес Джи, – а ведь она приехала из Москвы, чтобы посреди ночи прочесть тебе о внутреннем развитии.

Я стал нелепо извиняться и, стараясь быть незаметным, выскользнул из комнаты. Рано утром я наблюдал в окно, как молодая ученица манерно вышла на улицу, направляясь обратно в Москву. Помахав мне рукой на прощанье, она скрылась за густыми кустами малины.

– Если хочешь искупаться в озере, то быстро собирайся! – раздался бодрый голос Джи.

Я бросил в сумку полотенце, кошелек и дневник, с которым решил никогда не расставаться. Мы шли по пыльной дороге меж кукурузных полей, а над нами по лазурному небу проплывали бело-дымчатые многоэтажные облака.

– Посмотри, какой замечательный небесный храм раскинулся над нами! – произнес Джи, и в его глазах просияла любовь ко всему мирозданию.

Я едва взглянул на небо; мои мысли были заняты другим.

– Вы знакомы с таким широким кругом людей, – наконец спросил я, – не понимаю, для чего они вам нужны?

– Наш прекрасный мир все же является тюрьмой для наших душ, – сказал он, – но я собираюсь выйти из ее стен и проникнуть в иной мир с группой преданных учеников. Поэтому я собираю команду для возможной археософской экспедиции в иные миры, и ты с ней постепенно познакомишься.

Меня мало интересовала команда, когда решалась моя собственная судьба. Я шел и размышлял о своем положении и о том, как переселиться в Москву, чтобы с помощью Джи проникнуть за занавес этого мира. Джи как будто угадал ход моих мыслей и сказал:

– Если ты утончишь свой внутренний состав, то тебе удастся проникнуть сквозь игольное ушко алхимического лабиринта. Будучи сырым, ты никогда не проплывешь между Сциллой и Харибдой, стоящими на грани двух миров.

«Опять он говорит о моей сырости», – недовольно подумал я.

– Между нами колоссальный разрыв, – продолжал Джи, – внутренне я обитаю в ином пространстве, которое тебе пока недоступно. Поэтому тебе следует пройти обучение у моих учеников и избавиться от деревенской грубости.

Меня не вдохновляла такая перспектива; я предпочитал общество Джи, но таил эти мысли в себе. Меж тем мы подошли к крутому берегу озера. Гладь воды была уже по-осеннему темной и суровой. Джи разделся и, войдя в воду, поплыл; я старался не отставать от него, но ледяная вода обжигала тело, и через несколько минут я настолько замерз, что не решился плыть дальше и повернул назад. Но когда я с трудом выбрался на холодный берег, то, к своему удивлению, обнаружил там Джи; он, посмеиваясь, растирался полотенцем.

– Как вы могли оказаться здесь? – подозрительно спросил я, но Джи ничего не ответил.

Меня это настолько поразило, что я неожиданно для себя заявил:

– Сегодня попробую сделать первую сознательную жертву: пойду в село и достану отличную закуску, – и, прихватив целлофановый пакет, я отправился в сторону ближайшего села.

– Только помни себя! – бросил Джи мне вдогонку.

«Себя-то я никогда не забуду, вот помнить бы о других», – недовольно подумал я и пошел по накатанной сельской дороге. Я мечтал найти в убогом селе домик, в подвальчике которого с потолка свисали бы окорока, а в углу стоял бы бочонок красного вина. Нет, не похож я на тибетского монаха, который во имя святого учения отправляется за подаванием. Поборов внутри себя спесь городского жителя, я стал бродить по крестьянским дворам, высматривая, нет ли там чего из еды. Через час унижительных для меня расспросов и поисков я приобрел баранью ногу и литр картофельного самогона. Гордясь собой, я пустился в обратный путь, но неожиданно для себя очутился в совсем незнакомой местности. Вся округа была усеяна однообразными квадратами дачных участков, похожих друг на друга как две капли воды. Сев на огромный камень у дороги, я осознал, что не запомнил ни назва-

ния переулка, где стояла приземистая дача, ни московского адреса. Пушистые белые облака мирно проплывали по небу, а я все сидел и гадал, какая из дорог является верной.

Только теперь я понял, что Джи не зря предупреждал меня: «Будь алертен, когда ты находишься в сфере действия Луча». Я сожалел, что не мог посмотреть на мир его глазами и не принимал его слова всерьез.

Выбрав дорогу наугад, я пошел ускоренным шагом, но через час дорога неожиданно закончилась у ворот очередного дачного поселка. Я вернулся к камню и пошел от него по другой дороге. Вокруг тянулись поля, дачи перестали попадаться; я пересек какой-то лес, попытался вернуться к камню, но не смог. К вечеру местность показалась мне хорошо знакомой. Уже в сумерках, уставший и обескураженный, нашел я покосившийся деревянный домик, стоящий в глухом переулке. «Наконец-то я вернулся», – обрадовался я, открыл калитку, вошел в полутьме в дом и позвал Джи, но навстречу вышла незнакомая женщина, очень старая, в морщинах, с седыми волосами и спросила:

– Вы кого-то ищете?

У нее были светлые острые глаза, на плечи накинута яркая шаль с крупными цветами. Я понял, что в сумерках ошибся, и рассказал ей историю о том, как я заблудился. Женщина ответила, что ночью я вряд ли найду дорогу, но могу остаться у нее до утра. Я осмотрелся и заметил огромного черного кота, который неприветливо наблюдал за мной, изо всех сил давая понять, что я вторгся на его территорию. Комната оказалась на удивление чистой, а кровать у окна покрывал сиреневый ковер. Под потолком висели связки лекарственных трав, их резкий запах был мне незнаком.

«Уж очень подозрительно здесь все», – подумал я, но плутать в темноте – больше не хотелось.

– Ну что ж, отдыхайте с дороги, – сказала женщина.

Серое платье болталось на ее сгорбленных плечах, а поседевшие волосы выбивались из-под платка. Я вдруг подумал, что когда-то она была очень красива. Я угостил кота бараниной, и тот, шипя, убрался с дороги. Странная хозяйка постелила мне постель и предложила чай из каких-то мелких сухих цветов; я почему-то чувствовал себя неловко и не решался заговорить с ней. Почувствовав навалившуюся усталость, я закрыл глаза. Я снова увидел перед собой проселочные дороги, по которым так долго ходил весь день, перекресток бесконечностей. Если бы Фея не рассердилась, я бы не оказался здесь. Я вспомнил слова Джи:

«Тебе надо учиться управлять женским ветром. Дама не может быть постоянно милой и заботливой. Иногда в ее атмосфере вспыхивают люциферические молнии, которые могут разрушить слабые души. Но этот огонь может закалить сердце того, кто собрался пройти сквозь алхимические реторты внутренней трансформации. А если начать даму осуждать и тут же устремиться к другой, то тогда не произойдет алхимической трансформации.

Положительный ветер, исходящий от дамы, надо использовать для достижения целей Школы. А ты пытаешься использовать этот ветер только для себя. Ты норовишь вытащить из школьного пирога только самые вкусные кусочки. Я же учу тебя работать со всей ситуацией, которая состоит как из привлекательных, так и неприятных моментов».

Я подумал, что старая женщина, у которой я ночую, как раз является горькой частью пирога. В ночной темноте я внезапно почувствовал, что кто-то схватил меня за руку и, вытащив из постели, вылетел со мной на улицу. При свете луны я увидел, что лечу над поселком, а рядом, крепко держа меня за руку, летит моя хозяйка в развевающемся платье; ее седыми волосами играл ветер, а лицо напоминало застывшую маску. Мое сердце словно остановилось от страха, но я старался держаться за старуху, чтобы не свалиться с огромной высоты.

Вскоре вдалеке показался полуразрушенный храм, его золоченые купола тянулись вверх, к небесам. Мы влетели внутрь. Я услышал тихое пение. Вокруг было темно, только у разрушенного алтаря горела одинокая свеча. Присмотревшись, я заметил призрачные фигуры монахинь, читающих молитвы. Сквозь их темные силуэты просвечивали старые стены. Моя спутница бросилась на пол у распятия и долго лежала, шепча молитвы, затем, словно спохватившись, она крепко схватила меня за руку и взмыла в воздух. Подлетев к домику, мы с шумом ворвались внутрь, и я ощутил, как она втокнула меня в тело, спящее на кровати.

Очнувшись от яркого луча солнца, бывшего мне прямо в глаза сквозь щель в заколоченном досками окне. Я увидел, что одетый лежу на соломе в углу пустой комнаты, где пыль густой пеленой покрывает пол. Я выскочил во двор: вокруг молчаливо стоял заброшенный сад с зарослями крапивы. Покосившийся домишко сиротливо смотрел на меня заколоченными окнами. Выбравшись на улицу, я ринулся прочь от заколдованного места. Долго еще плутал я среди дачных поселков, но так и не нашел домик Джи. Ругая себя за отсутствие алертности, я кое-как добрался до электрички и поехал в Москву.

Только проехав три остановки, я вдруг вспомнил, что забыл в заброшенном доме свою добычу: самогон и баранью ногу. Совсем обескураженный, я приехал в Москву и, сойдя с электрички, быстро добрался до метро «Авиамоторная» и бросился к квартире Феи.

На долгие звонки дверь открыла соседка; увидев меня, она изменилась в лице. Ее глаза засверкали ненавистью, и она злобно прошипела:

– Твои покровители надолго уехали.

Она резко хлопнула дверью, давая понять, чтобы я немедленно убирался.

Ангел – посланец Господа нашего – спустился с небесных сфер, чтобы помочь ученику встать на Путь. Он возносит его на высокую гору, чтобы показать великолепные просторы Вселенной, которые откроются перед ним, если он пойдет по пути трансформации своей непросветленной природы.

– Как жаль, что рядом с Феей проживает такая темная душа, – сожалел я. Не имея никаких шансов найти Джи, я отправился на Киевский вокзал и купил билет на скорый поезд «Молдова». Моя душа была полна отчаяния: я опять упустил свой шанс.

По дороге в Кишинев у меня было достаточно времени, чтобы окончательно привести мысли в порядок. Я открыл свои записи и стал читать то, что удалось записать со слов Джи.

«Посвятительные работы на Земле считаются каторжными в нашей Вселенной. Люди, достигшие внутренней свободы, берутся за это добровольно, не жалея своей крови, жертвуя великолепными условиями бытия в высших космосах. Они нисходят в мир, чтобы своей кровью полить Землю, удержать ее от падения в адские глубины.

Наш космос основан на законах Гермеса Трисмегиста; эволюционное строительство Космоса было осуществлено им в течение тысячелетий. Он является Посвятителем нашего

Кольца. В борьбе с космической инволюцией, хаосом, мировой анархией и силами сознательного зла Гермес Трисмегист проявил незаурядные способности, раскрыв существенные стороны творческого потенциала человека».

В этот момент навязчивый сосед по купе достал бутылку водки и, толкая меня локтем, сказал:

– Да брось ты свои каракули, давай лучше выпьем и поговорим о жизни.

Я посмотрел в его глаза и понял, что он не тот человек, с которым можно выпивать, ибо он никогда не пойдет по пути просветления.

– Видали мы таких гордых, – прохрипел он, наткнувшись на мой холодный взгляд.

Я отвернулся и молча продолжил чтение.

«Основной задачей Гермеса Трисмегиста было показать, что человек может дойти до Бога, опираясь только на свои силы. Но для этого надо родиться Героем. Импульс Гермеса – это импульс, идущий снизу. Герметический ток основан на строгой дисциплине, на жертве, на вечном подвиге, на постоянном сверхусилии. Только люди из расы Героев способны на рост из самих себя. Но ты им не являешься.

Импульс Христа – это помощь, идущая с Небес; сам Бог через Господа Иисуса Христа протягивает помощь свыше, и тебе необходимо обратиться к нему, если ты хочешь достичь Неба».

От этих слов передо мной раскинулась панорама необъятного звездного пространства, и я ощутил дыхание потусторонних миров.

Глава 5

Московский алхимический лабиринт

Когда поезд наконец прибыл на кишиневский вокзал, я выскочил из вагона и упругой походкой направился к привокзальной площади. На меня нахлынула суeta южного города: пыльные улицы, мужчины и женщины, несущие сумки с овощами, – им не было дела до стремления в высшие миры, – и мне сразу захотелось вернуться обратно, в Москву, к Джи, хоть я и не удержал свой шанс. Подойдя к остановке троллейбуса, я вдруг услышал голос Гурия:

– Я думал, ты в Москве. Как ты оказался здесь? – Гурий, в джинсовой куртке и с дорожным кожаным портфелем в руке, недоуменно смотрел на меня.

Я досадливо махнул рукой, скользнув угрюмым взглядом по его удивленному лицу; чувство отчуждения захватило меня, и никого не хотелось видеть.

– Как ты провел время в обществе Джи? – заинтересованно спросил он.

Я упорно молчал, и по моему неприветливому лицу он понял, что мне не до него.

– Позвони мне, когда сможешь, – попросил он и вскочил в подошедший троллейбус.

Месяца через два Гурий получил письмо, в котором Джи приглашал его познакомиться с алхимическим лабиринтом Москвы. Радости Гурия не было предела. Он заглянул ко мне ненадолго, с огромным рюкзаком за плечами, и в тот же день вылетел в Москву. Я тоже хотел поехать с ним, но не мог: дела держали меня в Кишиневе.

Дни пролетали однообразно и скучно; иногда мне удавалось уловить сон, где я встречал Джи, и это было единственной радостью. Прошла осень, началась зима. Никто из моих знакомых не хотел и слышать о Пути; я был одинок в своем устремлении.

Однажды вечером, когда я перечитывал самиздатовский том Кастанеды, раздался настойчивый стук в дверь. Я открыл – и увидел веселое лицо Гурия. Он важно стоял на пороге, в истертых джинсах, со своим нелепым круглым рюкзаком за спиной.

– Наконец-то ты вернулся! – обрадовался я.

Гурий протиснулся в дверь, цепляя рюкзаком за косяк, и протянул мне задубевшую ладонь. Я довольно холодно пожал его руку, чтобы сбить московскую спесь, а затем пригласил за стол, приготовив кофе с коньяком. Гурий пренебрежительно огляделся и заметил:

– Да, у тебя не так интересно, как в Москве, – ты здесь, в провинции, уже, видать, отстал от духа времени.

Мне был неприятен его высокомерный тон: он пытался показать, что его шансы намного выросли.

– Я приехал прямо к тебе, даже домой не зашел, – произнес он, отхлебывая кофе. – Но ты не думай лишнего о себе, это я поступаю так по просьбе Джи.

Колкие замечания так и вертелись у меня на языке, но я, помня о самонаблюдении, сдержался: очень хотелось узнать все до мелочей. «Его опыт может пригодиться мне на пути к просветлению», – подумал я и, преодолев себя, налил ему сто граммов коньяка в граненый стакан.

– Не ожидал от тебя такого широкого жеста, – сказал он с ухмылкой. Дождавшись, когда он выпьет весь коньяк, я спросил:

– Не мог бы ты поподробней рассказать об алхимической Москве?

По его лицу расплылось довольство; он закурил и после нескольких затяжек, значительно посмотрев на меня, начал свой рассказ.

Получив неожиданное приглашение от Джи, я вылетел первым же самолетом в Москву и через два часа уже был в аэропорту Внуково. До этого я еще никогда не путешествовал самостоятельно и поэтому всю дорогу размышлял о предстоящей встрече и переживал, как бы не опоздать на вечернее приключение. Новенький желтый автобус минут за сорок довез до станции метро «Юго-Западная». Пока я гадал, та ли это станция, что мне нужна, автобус опустел, и я вышел вслед за остальными. Под ногами скрипел свежий снег; я с любопытством разглядывал лица прохожих, выискивая кого-нибудь, кто мог бы подсказать мне дорогу.

Я сделал несколько неудачных попыток, обращаясь к озабоченно спешащим москвичам, которые, бросив короткое «не знаю», исчезали в глубине метро. В смятении и растерянности озираясь по сторонам, я наконец набрался смелости и подошел к высокой женщине в элегантном длинном пальто, в замшевых сапогах на тонких каблуках, с небольшой сумочкой, которую она прижимала к груди рукой в черной перчатке. Она никуда не торопилась, как можно было предположить, глядя на нее, и это привлекло меня. Ее глаза оживились, и она, сдерживая улыбку, подробно объяснила мне, как добраться до Авиамоторной.

Всю дорогу я думал: согласилась бы она плавать на Корабле Аргонавтов или нет; если «да» – то моя жизнь могла бы превратиться в сплошное удовольствие.

Выйдя из метро, я через несколько минут добрался до девятиэтажного кирпичного дома, угрюмо стоящего на углу улицы, и вошел в темный проем первого подъезда. На четвертом этаже я нетерпеливо нажал кнопку звонка и стал ждать. Дверь открыл Джи, одетый в джинсы и похожий на кольчугу серый свитер. Я выпалил:

– Джи, наконец-то я добрался сюда! Я так счастлив!

Но Джи приложил палец к губам. Я взглянул ему в глаза и вдруг сам увидел в них то, чему не знал названия. «Касьян называл это сиянием бесконечности», – вспомнил я. Джи открыл дверь, скрытую за тяжелой портьерой, и жестом пригласил войти. Я оказался в небольшой комнате, в центре которой стоял круглый стол красно-коричневого дерева. На деревянной подставке красовался небольшой фарфоровый чайник старинного вида с изображением китайского мудреца и причудливых птиц и две разностильные чашки. На диване, накрытом блеклым цветным покрывалом, сидела Фея; ее глубокий, как пустота Вселенной, взгляд был сосредоточен на узорных кольцах дыма, поднимающегося от сигареты. Пепельно-золотистые волосы падали легкими завитками на плечи, а лоб закрывала прямая челка. Голубой тонкий свитер и джинсы подчеркивали стройность и гибкость фигуры. Однако облик Феи совсем не вязался с этой одеждой: она больше напоминала древнеегипетскую принцессу, и это сходство было даже пугающим. Она перевела взгляд на меня, и я, слегка оробев, поприветствовал ее. Тем временем Джи надел длинное серое пальто, напоминающее шинель, и вложил во внутренний карман несколько конвертов. Потом снял с вешалки меховую темно-коричневую шапку и вынул из кармана, расправляя, старые кожаные перчатки.

– Ягненок, – сказал он нежно Фее, – мы скоро вернемся.

– Хорошо, – вибрирующим голосом, как бы издалека, ответила она, – я буду вас ждать.

Я оторвал взгляд от необычных картин, висевших на стенах, – они были написаны на холстах, на дощечках, на кусках плотного картона и излучали тонкую ясную атмосферу, похожую на атмосферу Феи.

– Я прошу тебя быть предельно alertным, – сказал Джи, – и вести себя в коридоре и на кухне очень тихо. Соседка ведет с нами коммунальные бои по поводу квадратных миллиметров совместной жилплощади.

– Понятно, – ответил я и, открыв дверь, осторожно шагнул в коридор, но зацепил рукавом стоявший у входа высокий сосуд музейного вида, покрытый разноцветной эмалью, и он свалился с громким звоном.

Джи укоризненно посмотрел на меня и вышел на лестничную площадку. Он передвигался совершенно бесшумно и незаметно, несмотря на массивность своего тела. Я выскочил за ним, и мы спустились по выщербленным ступеням.

Было около четырех часов пополудни; надвигались тусклые сумерки.

– Ну, как ты жил в Кишиневе? – спросил Джи по дороге.

– Очень хорошо. Почти каждый день я закручивал обучающие ситуации, – ответил я гордо.

– И как же ты это делал?

– Я брал с собой бутылочку-другую сухого вина и отправлялся к кому-нибудь в гости – обсуждать идею духовного роста.

Сказав это, я почувствовал, что фраза прозвучала нелепо: в его атмосфере значимость событий кишиневской жизни куда-то испарилась.

– Очень даже интересно, – произнес Джи и свернул с тротуара на боковую дорожку, ведущую к стеклянной коробке почтового отделения. Еще подходя, я заметил внутри две длинные очереди, выстроившиеся у касс, и предложил:

– Давайте зайдем очередь, а сами посидим в кафе.

– Посмотрим, – ответил он, открывая стеклянную дверь.

Мы прошли в душный зал, где множество людей с усталыми лицами терпеливо ждали своей очереди. Я встал в стороне, подальше от исходящей от них тягостной атмосферы.

Джи непринужденно стоял, оглядывая малопривлекательную обстановку: стены, покрашенные серой краской, заслеженный пол, стойку со старыми газетами и журналами. Его взгляд остановился на высоком, чахнувшем от холода и сырости кактусе в большом горшке. Он рассматривал его с большим интересом, а затем подозвал меня:

– Гурий, если ты поговоришь с этим растением, то унылая атмосфера почты изменится, и нам легче будет стоять здесь.

«Какой стыд», – подумал я и стал нервно оглядываться, высматривая, не услышал ли кто-нибудь нелепое предложение Джи.

– Попробуй поднять ему настроение, – доверительно продолжал он. – Ты ведь понимаешь, как скучно этому кактусу стоять в углу, не имея возможности отлучиться. Ты находишься в более выгодном положении.

– Мне не хочется становиться посмешищем в глазах этих людей.

– Ты же попросился юнгой на Корабль, – напомнил мне внезапно Джи, – и обещал учиться.

– Но ведь не тому, чтобы вести разговоры с кактусом! – обиделся я.

– Юнга, – ответил серьезно Джи, – должен уметь налаживать контакты не только с симпатичными девушками, но и с другими обитателями Земли. Ведь ты не знаешь еще, в какие Космосы тебе, может быть, придется нести знание. Так что, будь добр, поговори с кактусом.

Я сдался и, подойдя к обмякшему от тоски кактусу, недовольно пробормотал:

– Из-за тебя, колючий переросток, я попал в дурацкую ситуацию. Рос бы ты спокойно у себя в Мексике, я бы и горя не знал.

– Смог ли ты найти немного тепла в душе для этого заброшенного существа? – спросил Джи.

Я смутился, но затем уверенно солгал:

– Конечно, смог.

– Какой же ответ пришел тебе?

– Никакой.

В этот момент я заметил, что к нам прислушивается красивая девушка, которая уже стала потихоньку смеяться.

– Как вы думаете, – обратился к ней Джи, – почему мой юнга никак не может поговорить с растением по-дружески?

– Он считает себя намного более значительным и привлекательным, чем кактус, – ответила девушка, поправляя прядь светлых блестящих волос, – но самооценка у него явно завышена. Если бы мне нужно было чье-либо участие, я бы скорее обратилась к кактусу.

– Не понимаю, к чему эта глупая ситуация, – пробормотал я, покраснев.

Джи посмотрел на меня с сожалением и сказал:

– Эх, Гурий, какой же ты черствый! Мало в тебе тонких эфирных лепестков для восприятия красоты волшебного мира. Если ты научишься когда-либо разговаривать с этим кактусом, то найдешь контакт с теми существами, которые пока спят на глубине твоей души. Тогда ты сможешь и другим людям передавать свое знание.

Неожиданная союзница Джи уже стояла у окошка кассы. Она получила какой-то конверт и направилась к выходу. Проходя мимо нас, она тепло улыбнулась Джи, который, на мой взгляд, был далеко не молод, а про меня словно забыла.

«Было бы гораздо интереснее учиться говорить с красивыми девушками, чем разыгрывать нелепую комедию на почте», – подумал я и твердо решил больше не попадать в дурацкие ситуации.

Подошла наша очередь, и, пока Джи заполнял бланки, я спросил его:

– Каким должен быть юнга Корабля Аргонавтов?

Джи искоса посмотрел на меня:

– Если тебе удастся не забыть свой вопрос до того, как мы вернемся к Фее, я дам тебе некий ключ.

«Спросить о юнге», – украдкой написал я на ладони.

Получив какие-то бандероли, мы вернулись домой, и тут, взглянув на руку, я вспомнил вопрос.

– Вы обещали дать мне ключ к пониманию.

Джи подошел молча к книжной полке и, сняв оттуда толстую книгу в темном переплете, вручил ее мне.

– Здесь ты найдешь зашифрованный ответ.

Я пристроился на подоконнике на площадке между этажами, закурил сигарету и открыл роман. Он назывался «Путешествие на Запад». Стиль был старинный и вычурный, текст перемежался стихами, которые я пропускал, сочтя их ненужным украшением.

Это была история некоего Сунь Укуна, который вылупился из каменного яйца в виде странной обезьяны с человеческим сознанием. Он чувствовал от рождения тягу к тайному знанию. Быстро изучив алхимию и семьдесят два способа магических превращений, он взялся осваивать все виды боевых искусств. Через некоторое время по своей силе он стал подобен небожителям. Тогда ему захотелось занять достойное место среди них. Но небожители не хотели принимать Сунь Укуна в свой избранный круг, считая его вульгарным и неотесанным. Сунь Укун разгневался и задумал отомстить небожителям: вторгнувшись в их владения, он разрушил часть этого прекрасного мира. Небожители решили захватить его в плен и послали свою многочисленную охрану. Но он разгадал их план и, избежав ловушки, забрался в Небесный Сад, где росли волшебные персики, дарующие бессмертие. Украд из Небесного Сада волшебный персик, он тут же его проглотил, вмиг став бессмертным и неуязвимым для любого оружия...

История постепенно захватила меня; куря сигареты одну за другой, я с интересом читал роман.

Небожители, испробовав все способы борьбы с Сунь Укуном, потерпели поражение. Тогда они обратились за помощью к самому Будде. Будда спустился со своих недостижимых

высот, желая помочь опечаленным небожителям. Он внезапно появился перед Сунь Укуном и предложил ему небольшое состязание.

«Если ты сумеешь выпрыгнуть из моей ладони, – сказал он, – то тебе никто из небожителей не будет чинить препятствий».

Сунь Укун посмеялся легкости задачи и, уменьшившись в размерах, прыгнул на ладонь Будды. В следующий момент он оказался в огромном, неведомом ему мире. Собрав всю свою мощь, он прыгнул вверх, направляясь к границам мира.

После долгого полета он приземлился на границе мира и увидел пять гигантских розовых столбов, вершины которых терялись из виду. Сунь Укун посмеялся тому, как легко ему удалось победить Будду. В качестве знака своего достижения он помочился на подножие одного из столбов. Затем он победоносно вернулся в центр ладони Будды, который поставил его на землю. Приняв нормальные размеры, с торжествующей улыбкой посмотрел он на Будду. Тут Будда поднес свою ладонь к лицу Сунь Укуна, и тот почувствовал, что один из пальцев Будды пахнет мочой. Сунь Укун осознал, что пять гигантских розовых столбов были всего лишь пальцами Будды. Он понял, что окончательно проиграл...

Несмотря на то что роман был похож на детскую сказку, он увлек меня так, как ни одна книга прежде не захватывала. Вдруг чьи-то шаги на лестнице отвлекли меня; я обернулся. Это была молодая красивая девушка с длинными светлыми волосами, которые свободно спадали на плечи. Элегантная светло-коричневая дубленка была расстегнута и виднелся черный свитер и джинсы, заправленные в дорожные сапожки. Ее большие ярко-голубые глаза блестели и улыбались, круглые очки сидели на кончике носа, придавая ученый вид, а на губах появлялась и мгновенно исчезала легкая усмешка.

Она прошла мимо и поднялась на лестничную площадку. Я с волнением наблюдал, гадая, войдет ли она в какую-либо квартиру или поднимется на следующий этаж. Девушка переступила через последнюю ступеньку и застыла на мгновение, словно в нерешительности. Я затаил дыхание. Она вдруг обернулась и, поймав мое напряжение, улыбнулась, а затем вошла в приоткрытую дверь квартиры Феи. Я покраснел, интерес к чтению тут же пропал; захлопнув книгу, я вернулся в комнату. Джи представил меня девушке и сказал, что она уже несколько лет плавает на Корабле и ее корабельное имя – Молодой Дракон.

Молодой Дракон смотрела на меня с насмешливым интересом, а Джи вдруг спросил ее, что она сделала по программе, которую они вместе наметили. Она тут же переключилась на Джи, мгновенно позабыв обо мне, и стала доверительно рассказывать ему звонким голосом, напоминающим звуки лютни. Я с любопытством слушал ее.

– Наблюдая за собой, я обратила внимание на интересный факт: пока я помню себя, я чувствую внутреннюю устойчивость и независимость от внешних влияний. А как только засыпаю, забывая о своей сущности и отождествляясь с телом, – тут же накатывает волна депрессии. Присутствие поклонников также выбивает меня из состояния самонаблюдения: их внимание усиливает гордыню.

Она описала еще несколько своих состояний, деля их на состояния тонкие и грубые. Я не ожидал услышать сухой анализ самой себя от такой юной девушки и захотел ей понравиться. Я стал раздумывать, как заинтересовать ее собой, и весь ушел в мечтания, перестав слушать. Вдруг до меня донесся голос Джи:

– Напрасно ты, Гурий, так невнимателен к словам Дракона. Ты ведь не знаешь ничего о своих внутренних состояниях и понятия не имеешь о том, как отделять тонкое от грубого. А когда ты пытаешься что-либо рассказать, то говоришь нечленораздельно, как будто рот твой полон каши.

– Как я мог научиться помнить себя, если вы мне об этом никогда не рассказывали? – вспыхнул я.

– Я говорю тогда, когда вижу, что тебе есть чем воспринять, – ответил он. – Как раз сегодня ты мог бы воспринять эти идеи от молодой девушки, что для тебя гораздо проще и интересней. А когда я тебе рассказывал о работе над собой у тебя дома, в Кишиневе, ты вдруг захрапел, уснув прямо в кресле. Твой ум отчаянно сопротивляется любому знанию. Я замечал в тебе два противоположных состояния, в которых ты обычно находишься, – рабочее и хаотическое.

– А что является моим рабочим состоянием?

– Твоим рабочим состоянием является такое, в котором ты, не проявляя раздражения и гнева, воспринимаешь коррекции по поводу своего поведения или настроения.

– Что же является моими нерабочими состояниями?

– К нерабочим, – слегка улыбаясь, ответил Джи, – относятся все остальные.

– Вот, видишь, Дракоша, – продолжал он, – это новый юнга. Родом он из Кишинева. Ему сложно понять, что такое Корабль, потому что он рос мелким домашним тираном, заставляя родителей выполнять все его прихоти. А вне семьи он слаб как былинка, неустанно ищет место, где бы поуютнее пристроиться. Как ты думаешь, Дракоша, что он собой представляет?

Смерив меня укоризненным взглядом, она пренебрежительно произнесла:

– У него дешевый набор хвастливых «я», которыми он размахивает, как корова хвостом, отбиваясь от мух. Он напоминает мне инстинктивного человека, который любое внутреннее достижение сводит к телесному удовольствию.

– Я возмущен вашей дерзостью! – воскликнул я, хотя чувствовал, что она в чем-то права.

– Ваш молдавский юнга представляет собой набор сырых «я». Он похож на трэмпа, пытающегося пристроиться к осетру, – сказала Дракон ехидно, но, вместе с тем, сочувственно улыбаясь.

– Это звучит как неприкрытое оскорбление под видом обучающей ситуации! – возмутился я.

– Вот сейчас ты и находишься в нерабочем состоянии, – презрительно улыбнулась она.

– Она ловко тебя подловила, – засмеялся Джи.

– Как же себя трансформировать? – притих я.

– Только проходя обучающие ситуации под руководством Джи, – улыбнулась она. – Но если ты не выдержишь градуса и вступишь в негатив, то твоя работа над собой превратится в мартышкин труд.

«Ну и язва», – подумал я, но нагрубить ей не решился.

– Я вижу, эта юная особа – ваша любимица и ей все позволено, а вы под видом обучения устроили из меня посмешище! – обрушился я на Джи. – Смотрите, как она встречает новых учеников!

– Да он у вас еще и злобный, как мелкая дворняжка, – презрительно отозвалась она.

«Если бы эта белокурая бестия не вызывала в одно и то же время любовь и ненависть, я бы не дошел до такой точки внутреннего кипения!», – негодовал я.

– Пойди на лестничную площадку и выпари свое «озеро Чад», – сказал Джи, заметив мое взрывоопасное состояние.

Выйдя на лестницу, я закурил сигарету и стал сначала наблюдать за вечерними огнями, но от обиды и горечи все расплывалось в глазах; тогда, чтобы прийти в себя, я снова открыл книгу.

... За наглое поведение на небесах Сунь Укуна заковали в цепи и накрыли сверху большой скалой. Когда же он попросил о милосердии, Будда, удаляясь в свой мир, сказал, что настанет время, когда монах из династии Тан должен будет принести учение Будды на Запад.

Если Сунь Укун поклянется быть ему верным слугой и будет защищать его от всех врагов, то Танский монах освободит его.

Сунь Укун провел несколько тысяч лет в заточении, лежа под скалой у дороги, пока не появился человек необыкновенной чистоты, в котором Сунь Укун распознал Танского монаха и поклялся быть ему верным помощником. Танский монах с помощью тайной молитвы освободил его из-под скалы и взял с собой. Он надел на голову Сунь Укуну небольшую шапочку с вышитыми на ней мантрами и объяснил, что если их миссия будет выполнена успешно, то Сунь Укун получит долгожданное Просветление и обретет внутреннюю свободу. Вдвоем они отправились на Запад, неся провозвестие Будды.

В пути Танский монах проповедовал святое учение, а Сунь Укун защищал его от разбойников и демонов, которые пытались его уничтожить, чтобы не дать светлomu учению распространиться по Земле. Поскольку Танский монах не был приспособлен к обычной жизни, то Сунь Укун был обязан заботиться о ночлеге и пропитании. Если Сунь Укун по старой памяти пытался бунтовать, то Танский монах читал особую молитву, и шапочка на голове Сунь Укуна сжималась, причиняя сильное страдание. От шапочки Сунь Укун не мог избавиться, как ни пытался, поэтому нрав его постепенно улучшился.

Однажды, пересекая горную гряду, они столкнулись со странным воином, у которого было свиное рыло вместо лица.

Звали этого воина Чжу Бацзе. Он преградил им путь и потребовал, чтобы Сунь Укун сразился с ним. Сунь Укун своим магическим посохом легко одолел воина, который сражался граблями, и тут побежденный вдруг сказал, что узнал Танского монаха и хочет следовать за ним. Воин надеялся, что Танский монах сможет избавить его от свиного рыла, которое он получил в наказание за необузданное пьянство в небесных чертогах...

Тут дверь квартирки Феи отворилась: оттуда вышла Молодой Дракон и тихо прошелестела мимо меня, послав на прощание ослепительную улыбку. Я провожал ее влюбленным взглядом, пока она не скрылась из виду.

«Почему время, проведенное в обществе Джи, имеет такую плотность и насыщенность?» – раздумывал я. По моим оценкам, интенсивность внутренних переживаний была такова, будто я провел в Москве больше недели, хотя это был всего лишь первый день.

На следующий день я купил возле метро у старушек хороший окорок, и мы, перекусив, приготовились к новому приключению.

– Сегодня я поведу тебя в ситуацию московского андеграунда. Это может оказаться для тебя «проверкой на вшивость», так что будь алертен. Заодно поучись корабельному стилю жизни. Не забывай, что учишься на юнгу: не слушай советов плохого настроения и не вешай носа, когда тебе случайно наступят на мозоль, – проговорил Джи с необычайным сиянием в глазах.

– А как я должен себя вести? – забеспокоился я.

– Позаботься о хорошем угощении для хозяев дома, приготовь еду, накрой на стол, а затем убери и вымой посуду. Но надо делать это, не привлекая к себе внимания, иначе твоя помощь может легко превратиться в помеху.

«Может быть, сегодня меня опять ожидает встреча с московской красавицей?» – тайно надеялся я.

Мы заглянули в магазин, и Джи спросил:

– Какой бы напиток ты выбрал для сегодняшней встречи?

– Пятизвездочный армянский коньяк и хорошую ветчину на закуску.

– Это бессмысленная трата денег тебя быстро сделает нищим, – заявил он и предложил мне купить недорогое, но хорошее вино.

Когда я купил все, что было необходимо для проведения прекрасного вечера, он сказал:

– Сегодня я познакомлю тебя с молодым гением. Если ты сможешь установить с ним сущностный контакт, то откроешь несколько тонких лепестков своего восприятия.

– А я предполагал, что будет встреча с прекрасной дамой, – с сожалением произнес я.

– Ты уже потерпел фиаско с одной из них.

Мы долго ехали в метро, сделав две пересадки, и наконец добрались до нужного дома. Дверь открыл бледный молодой человек с умным лицом и холодными как лед глазами.

– А-а-а, Магистр со свитой. Заходите.

– Дорогой Александр, познакомься с моим новым юнгой, – улыбнулся Джи.

– Проходите, – кивнул он, едва взглянув на меня.

Большая прихожая неярко освещалась старинной хрустальной люстрой. Сиял матовым отблеском аккуратно навощенный темного дуба паркет. Александр был бледен, на губах играла надменная усмешка, подчеркивающая его превосходство. Он был в просторных серых габардиновых брюках, черном разношенном весте и белой рубашке с небрежно подвернутыми манжетами. На мизинце красовался перстень с темным камнем и латинской монограммой. Он молча ждал, пока мы сбросили свои вещи на стул рядом с переполненной вешалкой, а потом преувеличенно резким, словно недавно заученным и все еще доставляющим удовольствие жестом пригласил нас пройти в комнату.

Джи сел на диван и обратился к нему:

– Ты не будешь возражать, если мой новый оруженосец займется приготовлением закуски?

– Разрешаю, – ответил Александр, странно поджав губы, – но только пусть все делает тихо.

– Я понял, сэр, – притворно улыбнулся я и, взяв сумку с едой, недовольно отправился на кухню.

Нарезая сыр, я услышал голос Александра:

– Я посвятил вам, Маэстро, одну из своих баллад – «Кружится Магистр». Позвольте исполнить ее.

– С удовольствием послушаю тебя, Саша, – сказал Джи.

Я услышал полновзвучный аккорд. Голос у Александра был отчужденно-холодным, но текст звучал интересно; он с видимым удовольствием несколько раз повторил припев:

В руках его вальтер,
в руках его вальтер,
в руках его Вальтер Скотт.

– Потрясающе! – сказал Джи. – Тебе удалось почувствовать нечто запредельное. Как ты смог проникнуть вглубь этой странной полушарлатанской фигуры Челионати, которую я представляю на сцене жизни?

«А меня Джи не хвалит, как бы я ни старался», – мрачно думал я, продолжая готовить закуску.

– Недавно я виделся с Евгением, – сказал Александр. – Мы обсуждали тему запредельной тьмы. Я написал еще одну балладу и, если вы хотите, могу спеть ее.

– Конечно, – с энтузиазмом поддержал Джи, – продолжай.

– «Этот синий сеньор Астарот...» – начал Александр с ледяной интонацией, резко ударив по струнам.

Я перестал прислушиваться, ибо текст баллады был пугающим. Приготовив закуску под звуки песни о чьем-то белом теле, навевающей кладбищенскую жуть, я вошел в комнату с подносом, уставленным тарелками, и услышал начало следующего куплета:

Двадцать миллионов в речку,
Двадцать миллионов в печку,
Наши автоматы не дают осечки...

Я накрыл на стол и съежился на стуле, прячась от тягостной ледяной атмосферы, не зная, как вернуться к состоянию внутреннего комфорта.

Баллада закончилась сильным аккордом, от которого лопнула пара струн. Александр запрокинул голову и закрыл глаза, словно в экстазе. Джи отставил свой бокал и воодушевленно произнес:

– Ну вот, теперь мы можем и закусить слегка. Почему бы нам, Александр, не перебраться за накрытый стол?

«Отлично, – пронеслось у меня в голове, – начинается более приятная часть визита».

Вдруг я увидел, что атмосфера в комнате засверкала перламутровым блеском. Она привлекала меня ощущением внутреннего взлета, но в то же время отпугивала неземным холодом. Александр, небрежно бросив гитару, сел к столу и, налив себе полный стакан вина, залпом осушил его.

– Я постоянно общаюсь теперь с Евгением, – заговорил он. – Эльдар – это лишь его отражение в темном зеркале. Евгений раскрыл мне глубину Великого Делания, давая инструкции в контексте инспираций Фламея и Бэзила Валентина. Он дал мне задание изучать их труды в подлиннике, и я уже стал приближаться к Работе в Красном.

– Как же тебе это удалось? – поинтересовался Джи.

– Сделав некоторое усилие, я за два месяца изучил французский и прочел их труды. Теперь в Нигредо для меня не осталось секретов. Но я надеюсь от вас узнать состав летучего агента, который во много раз ускоряет алхимическую реакцию. Евгений ссылается на ваш авторитет...

«Как жаль, что не понимаю ни слова из этого разговора», – думал я и удивлялся тому, как Джи может так легко говорить интонациями Александра, используя те же выражения, и, казалось, даже сверкая тем же холодным блеском.

– Посмотрим, – сказал Джи. – К этому знанию не так-то легко подойти; оно, скорее, бытийного характера.

– Кстати, два дня назад Евгений снова зашел ко мне, и мы углубились в тайны Работы в Красном, – перешел к другой теме Александр. – Когда наступила полночь, Евгений вдруг произнес: «Хочу тебя, дорогой друг, посвятить в тонкости одной запредельной алхимической доктрины, но без тонких напитков тут никак не обойдешься», – в этот момент в его глазах открылись непознаваемые бездны. Поскольку в доме все было выпито, я вышел купить водки, но ее не было даже у таксистов. Внезапно возле меня вырос грузин с огромными усами, одетый в осеннее пальто; из кармана у него торчала бутылка «Столичной». – «Милейший, – обратился я к нему, – не продашь ли водку? Нужна позарез». – «Дорогой, мне не нужны твои деньги, – с сильным акцентом произнес он, – видишь, мне холодно, а ты стоишь в дубленке и просишь водку». – «Плачу тебе сотню», – ответил я. – «Какая сотня, дорогой? Давай дубленку, а я тебе водку и свое пальтишко». – «Ну и сволочь же ты, милейший», – ответил я, снимая дубленку и надевая его легкое пальто с водкой в кармане. Желание Мэтра было для меня законом. – «Коммерция – выше эмоций, дорогой», – запахнув дубленку, ответил он.

– Предлагаю выпить за четкость твоих действий, – произнес Джи, разливая по стаканам каберне.

Александр, заметив, что вина больше не осталось, сказал:

– Вы не возражаете, Магистр, если я с вашим оруженосцем схожу купить вина?

– Нисколько, – ответил Джи. – Я тем временем просмотрю пару книг из твоей библиотеки.

Мы вышли в прихожую, и Александр, надев дорогого вида длинное черное пальто и небрежно накинув на шею белый шарф, открыл дверь. Я, скрывая вспыхнувшую зависть, надел свою поношенную куртку и вышел. Он тщательно закрыл за собой дверь, и мы быстро спустились по лестнице. Напротив дома Александра была большая стройка, и толпы рабочих направлялись по своим домам и общежитиям с сизыми от мороза лицами. Горизонт лиловел вечерними облаками, навевающими легкую грусть. Александр схватил меня за руку, напугав неожиданным жестом, и произнес:

– Посмотри, как inferнальна жизнь вокруг, как она чудовищна! Посмотри на этих механических монстров, захватывающих человеческое пространство под предлогом прогресса и целесообразности. Я надеюсь, ты чувствуешь глубинные измерения жизни?

– И даже очень сильно, – гордо ответил я.

– Значит, ты не совсем еще оболваненная серость.

«За Александра стоит держаться, – подумал я, – он далеко пойдет».

Мы купили несколько бутылок вина и вернулись в квартиру. Я увидел в полуоткрытую дверь, что за столом сидит уже новый гость – высокий, коротко подстриженный молодой человек в темно-сером костюме в тонкую полоску. Они с Джи потягивали армянский коньяк, непринужденно о чем-то беседуя. Но когда Александр вошел в комнату, тот мгновенно вскочил, приветствуя, прищелкнув каблуками.

– Это – Алекс, мой адъютант, – бросил Александр. – Предан мне беззаветно.

Алекс окинул меня пренебрежительным взглядом, от которого мне стало не по себе.

«Жаль, что место адъютанта уже занято», – подумал я.

– На чем же мы остановились? – спросил Джи у Алекса. – По-моему, ты как раз рассказывал о том, как увидел скрытую глубину Алеши Дмитриевича.

Александр не понравилось, что ситуация так неожиданно изменилась.

– Я предлагаю выпить за Орден, – сказал он, сумрачно глядя на Джи. – Орден разберется со всеми сомнительными ситуациями и установит порядок.

– Что ты имеешь в виду? – спросил я, уловив в его голосе скрытую агрессию.

Я заметил краем глаза, что Джи делает мне предостерегающие знаки. Но Александр уже резко повернулся ко мне:

– Молчать! Ты не имеешь права слова в присутствии легата Ордена.

– Подумаешь, возомнил о себе невесть что, – пренебрежительно заметил я.

– Молчать! – вспыхнул он. – Молчать, свинья!

– Да пошел ты... – разозлился я. Он побледнел еще больше, глаза его засияли стальным блеском, и он презрительно произнес:

– Я требую, Гурий, чтобы вы немедленно убрались из моего дома. Но вы, Маэстро, конечно, оставайтесь. Вы не можете быть в ответе за этого идиота, – добавил он, повернувшись к Джи.

Я мгновенно собрался и, уходя, жалобно посмотрел на Джи. Поймав мой умоляющий взгляд, он обратился к Александру:

– Может быть, ты примешь во внимание, что он только приехал из провинции и весьма неотесан?

– Нет, – холодно ответил он. – Нам не о чем с ним говорить. Пусть немедленно уходит. Тогда Джи, внимательно посмотрев на него, произнес:

– Я не могу оставаться в обстоятельствах, где только вы решаете, как поступать с моими спутниками.

– Это ваш выбор, – медленно произнес Александр, надменно поджав губы.

Джи молча оделся, и мы поспешно покинули еще недавно гостеприимный дом.

Во мне кипело задетое самолюбие.

– Ты сегодня из зависти к его необычайным талантам разрушил тончайшую ситуацию, которую я строил несколько месяцев, – внезапно произнес Джи холодным тоном. – Я подключал его к различным метафизическим полям, рассчитывая на то, что он сможет однажды поступить на Корабль, а ты так легко лишил его этого шанса! Но ведь и твой шанс отобрать у тебя очень просто: если я чуть-чуть изменю атмосферу, перестану прикрывать тебя своим невидимым плащом, ты тут же сбежишь в Кишинев и никогда больше не появишься. Ты приехал учиться, а учиться ты можешь, только помогая мне в построении учебных ситуаций, как верный оруженосец. Но сегодня ты сунул такую палку в колесо, что чуть вся телега не перевернулась.

Резкие как стрелы, слова Джи попали точно в ту мою часть, которую я тщательно скрывал от самого себя. Я понял, что переступил некие границы и вот-вот могу снова оказаться в Кишиневе.

– Простите меня, – жалостливо произнес я, – я больше никогда не буду грубить вашим протеем.

Джи внимательно посмотрел на меня, оценивая, насколько я искренен, а потом сказал:

– Хорошо. Пока тебе прощается. Попробуем при случае отремонтировать ситуацию.

«Второй день в Москве еще более неудачен, чем первый, – вздохнул я. – Почему мне так и не удастся начать учиться на юнгу?»

– Я познакомил тебя со стихиями Воздуха, через Молодого Дракона, и Воды в форме Льда, через многообещающего человека из московского андеграунда, – сказал мне Джи на следующий день, – а теперь хочу провести тебя через стихию Земли, которая придаст тебе особую устойчивость. Для этого мы пойдем сегодня на кладбище – знакомиться с человеком, который глубоко работает с этой стихией.

– Как его зовут? – поинтересовался я.

– Этого человека зовут Боря; он начальник бригады могильщиков на одном из московских кладбищ. Для тебя, кстати, это хорошая возможность зарабатывать деньги. Если ты с ним подружишься, то всегда сможешь подработать, копая могилы.

– Хорошая идея, – запинаясь от легкого паралича, произнес я, ибо Джи отнесся к этой перспективе с большим энтузиазмом.

– Вина на этот раз покупать не нужно, – заметил он, и мы налегке добрались до кладбища.

Джи нашел небольшой побеленный домик возле покосившейся ограды и толкнул тяжело заскрипевшую дверь.

Мы вошли в тускло освещенную комнату, и на грубой штукатурке белой стены вытянулись две причудливые тени. У окна я увидел кухонный обшарпанный стол, на котором в беспорядке лежали шапки, рукавицы, стояли грязные тарелки и кружки. Посреди комнаты стоял большой грубо сколоченный ящик, застланный газетой «Правда», а на нем – три бутылки водки и три граненых стакана. Вокруг, тоже на ящиках, сидели три человека, один из которых, в грязно-синем комбинезоне, с потухшим взглядом, нелепо открывал маникюрными ножницами консервы «Килька в томате». Мой взгляд невольно остановился на его огромном носу, напоминавшем цветом и формой мороженую клубнику.

«От этих людей пахнет нижними мирами», – подумал я.

– Здравствуй, Боря, – сказал Джи, обращаясь к одному из них. – Решил заглянуть в твой уголок – посмотреть, как живешь.

– А это кто с тобой? – спросил Боря, по-прежнему сутулясь и держа руки в карманах засаленной телогрейки.

Лицо его было массивное, в шрамах, а в глазах стояла кладбищенская пустота. Его жесткие волосы серого цвета торчали во все стороны. Я подумал, что человек он добрый и простодушный, хотя и недалекий.

– Это мой новый оруженосец, – сказал Джи. – Хочу познакомить его с тобой, может, чему-нибудь он сможет научиться.

Я тем временем перевел взгляд на третьего. Он был высок и жилист, с узким, почти лысым черепом. Выпуклые темные глаза светились инфернальным блеском. Он, казалось, не обращал внимания на происходящее. Я подумал, что еще не встречал таких подозрительных оборванцев и что Джи меня просто разыгрывает.

– Ну, – сказал Боря нараспев, – давай знакомиться.

Я протянул ему руку, стараясь скрыть брезгливость, и сказал: «Гурий».

Боря повертел ладонью возле уха:

– Плохо слышно тебя, скажи еще раз.

Я слегка наклонился вперед и, выговаривая каждую букву, снова произнес: «Г-у-р-и-й».

– Как-то ты не по-русски говоришь. Понять тебя нельзя. Наклонись поближе.

Я раздраженно наклонился к самому его уху, но не успел я произнести и звука, как Боря сильно огрел меня кулаком по спине и отчетливо проговорил:

– Не гордись собой, Гурий, даже когда видишь таких убогих, как мы.

«Не простой этот гад Боря, – сообразил я, – раз так быстро вычислил меня».

– А теперь можешь выпить водки, – сказал он и налил полный стакан.

– Не пью.

– Тогда не выживешь здесь, – усмехнулся он.

Чтобы защитить свою честь, я взял полный стакан водки и выпил на одном дыхании.

– Вот это по-нашему, – улыбнулся он. – А теперь будь как дома.

Я расслабился и сел на ящик из-под бутылок, искоса рассматривая подозрительную компанию. В моей голове слегка помутилось, но холод не давал мне потерять остатки разума.

Лысый вдруг поднялся и, покопавшись среди сваленной под столом рухляди, достал шахматную доску.

– Играешь? – спросил он меня.

Я обрадовался возможности показать себя.

– Конечно, играю.

– Меня зовут Мещер, – представился лысый и вкрадчиво предложил, – Пойдем, сыграем?

Боря и Клубничный Нос повернули головы ко мне, ожидая, что я скажу.

– С удовольствием, – ответил я, предвкушая быстрый выигрыш и уважение могильщиков.

Мещер, с шахматной доской в руках, направился к двери.

– Какие могут быть шахматы в двадцатиградусный мороз? – удивился я, но могильщики молча наблюдали за мной.

– Вы что, собрались меня проверять? – усмехнулся я и на слегка подгибающихся ногах подошел к двери.

Решительно открыв ее, я вышел на небольшую площадку перед домом. В трех метрах от меня начинался ряд могил; на одном из надгробий сидел Мещер и, положив доску на другое надгробие, расставлял на ней фигуры. Я понял, что мне придется сидеть прямо на могиле, и в животе возник тугой ком спазма.

Первые ходы я делал в замешательстве, почти ничего не видя: меня смущала атмосфера угрозы, исходившая от Мещера. В это время на могилку присел Клубничный Нос с бутылкой водки в руках. Он закурил папиросу, налил водки в стакан и протянул мне со словами:

– Давай, за знакомство. Меня Григорием зовут.

– Твоя водка больше похожа на воду, – заметил я, осушив стакан.

– Ну и глотка же у тебя, – удивился он. – А я ведь не всегда был могильщиком. Еще два года назад писал я в Главное Разведывательное Управление доклады, сидя на гавайском пляже под пальмой, с бутылкой «Баккарди» в одной руке и мулаткой в другой. Да... Но вот одна из них оказалась шпионкой и все мои доклады прямиком направляла в ЦРУ. Меня за это уволили с волчьим билетом, и теперь никто не берет на работу. Один вот Боря, добрая душа, меня приютил.

– Дурак ты потому что, – сказал Мещер, делая ход. – Пил бы водку, а не «Баккарди», и все было бы у тебя в порядке.

От вида Григория и его рассказа я стал беспокоиться о паспорте, крепко сжимая его в кармане. Вдруг из-за старого надгробия появился бледный как привидение мальчик с ярко-алым пионерским галстуком поверх пальто. Он встал рядом с нами, молча наблюдая за игрой. От его присутствия я стал нервничать еще больше и проиграл выигрышную позицию.

– Ты откуда здесь взялся? – спросил Мещер пионера.

– Да вот, – махнул он рукой в сторону, – мама у меня здесь лежит, пришел проведать.

– Садись, сыграем, – сказал Мещер.

Мальчик занял мое место, и скоро они так увлеклись игрой, что не обращали внимания на окутавшую кладбище темноту. От мороза я протрезвел и, стуча зубами от холода и нервов, вернулся в домик.

Джи был совершенно пьян, а его глаза сияли бездонной пустотой; он весело падал с ящика на пол, а Боря поднимал его и усаживал вновь. Джи смеялся и говорил:

– А вот не поднимешь меня! – и снова падал.

Боря, увидев меня, обрадовался:

– А-а-а, Ванюша, давай забирай своего Капитана, он уже хорош.

С большим трудом поставив Джи на ноги, я повел его к двери. Шел он послушно, только хихикал и говорил что-то совсем непонятное. Но когда мы вышли из домика, он вдруг проговорил:

– Надо поработать кое с какими товарищами, – и, легко вырвавшись от меня, побежал по дорожке меж надгробий и крестов.

Я успел только крикнуть:

– Джи, куда же вы?! – но он уже исчез в сумерках.

Кладбище было большое, и я бросился за ним, боясь потерять его среди могил. Вскоре я выбился из сил, мороз усиливался, а я потерял дорогу назад. Мне уже стали со всех сторон видаться мертвые, как вдруг я услышал, как неподалеку чей-то голос распевал на одной ноте странную песню:

Аккордеон себе я купил-л-л-л-л...

Аккордеон себе я купил-л-л-л-л...

Аккордеон себе я купил-л-л-л-л...

И под кровать его положил-л-л-л-л...

Я осторожно двинулся на голос, боясь потерять его, и через несколько минут, к своей радости, увидел Джи, мирно сидящего на могилке в обнимку с юным пионером. Заметив меня, Джи строго спросил:

– Ванюша, ты куда это запропастился? Мы с этим товарищем тебя давно поджидаем.

«Не нравится мне этот пионер», – подумал подозрительно я.

Вдруг Джи резко поднялся и покачиваясь, но крепко держась за гранитный крест, закричал на все кладбище:

– Наблюдай вечную мистерию жизни и смерти, смерти и жизни! Смерть и жизнь перетекают друг в друга, как вода из серебряного и золотого кубка! Немедленно передай это послание стихиям!

Я подошел к нему, спотыкаясь в темноте, и стал уговаривать отправляться домой, но Джи смотрел куда-то отсутствующим взглядом. Я обхватил его и повел назад. Тут я вспомнил о подозрительном пионере, который молча наблюдал за нами.

– А ты что делаешь ночью на кладбище? – спросил я его.

– Вы лучше о себе позаботьтесь, – сказал он, нехорошо улыбаясь, и, как-то странно пятясь, исчез за могилами.

В полной темноте мы случайно наткнулись на Мещера, который, что-то заподозрив, пошел нас искать. Увидев Джи, он многозначительно покачал головой:

– Ну, в таком состоянии через ворота нельзя – сторож донесет на нас в дирекцию кладбища. Будем перетаскивать через забор.

Мы подошли к забору, скрытому зарослями кустов, и я, забравшись на забор, стал тащить Джи за руки, а Мещер подталкивал его сзади. Джи весил килограммов сто, не меньше, поэтому на забор его удалось затащить с большим трудом. Тут Мещер заявил, что дальше я должен сам разбираться, и скрылся в темноте.

Я усадил Джи, который, казалось, впал в каталептическое состояние, а сам прыгнул, но, пока я готовился его принять, Джи вдруг наклонился и, как Шалтай-Болтай, свалился прямо на меня. Поднявшись с земли после мощного удара, я отряхнул его и, снова обхватив, повел, как раненого командира, на остановку троллейбуса. Джи молча плелся, пока мы шли по темному переулку. Но когда мы оказались на ярко освещенной вечерней улице, по которой ходили троллейбусы, Джи снова стал хихикать, что-то громко говорить и вырываться. Я с трудом его успокоил, а затем сообразил, что в метро нам нельзя, потому что милиция тут же задержит нас.

– Как добраться до Авиамоторной? – спросил я одинокую старушку.

Она сочувственно посмотрела на Джи и произнесла:

– Эх, соколик, да как же это ты нагрузился... – и объяснила, как добираться.

Я подумал: «Ну вот, есть же добрые души», – и злость от мысли о том, как плохо обо мне думают сейчас окружающие, вдруг исчезла. Остался лишь страх перед милицией и вытрезвителем, а также проверкой документов и выдворением из Москвы. Я негодовал, что Джи так безответственно напился и теперь ставит нас обоих под удар и что мое обучение на Корабле может так бесславно закончиться.

Пока мы ждали троллейбуса, я спрятал Джи за газетным киоском, а сам высматривал оттуда, как из засады. Джи стоял, прислонившись спиной к стене, свесив голову на грудь, и с комической интонацией повторял одно и то же:

– Не будь иудушкой, Гурий, не жалея денег на такси...

«Как же так, – злился я, – пытаюсь его доставить домой, а он меня еще обзывает».

Наконец мы оказались на заднем сидении тускло освещенного троллейбуса; я постарался задвинуть Джи как можно глубже в угол, и, к моему облегчению, оказавшись в тепле, он мирно уснул. Я бдительно следил за остановками и, когда подошла наша, быстро вытащил Джи из троллейбуса. Джи продолжал спать, но ногами передвигал, так что я беспрепятственно довел его до дому.

Фея открыла дверь и всплеснула руками:

– Ну, где же вы так погуляли!?

– На кладбище, – ответил я.

– Опять, значит, на скотный двор ходил, – сказала Фея. – Как же вы добрались-то?

– Я как-то ухитрился довезти его на троллейбусе. Слава Богу, в вытрезвитель не забрали.

– Ты просто герой, – похвалила она. – Ты проявился как настоящий юнга и ученик.
«Теперь Джи не сможет меня раскритиковать», – подумал я.

Мы осторожно уложили его на постель, и я, забравшись в свой спальник, сразу отключился.

На следующий день я проснулся, когда Джи и Фея уже сидели за столом и пили чай; Джи был снова прежним. Я быстро оделся за шкафом и, умывшись на кухне, вернулся в комнату и подсел к столу.

– Гурий-то, – сказала Фея, – какой молодец, так достойно проявляется. Не то что его приятель Касьян, который только о себе и думает.

Допив чай, Джи предложил:

– Пойдем-ка, братушка, прогуляемся, заодно обсудим ситуацию.

Мы вышли из подъезда и направились в сторону небольшого парка. Я, стараясь скрыть нетерпение, ждал, когда Джи попросит меня, как обычно, описать происшедшее. Но Джи долгое время шел молча, погруженный в другую реальность, и лишь потом спросил:

– Каковы твои впечатления от обучающей ситуации у Бори?

– Вы были настолько хороши, что мы с трудом оттуда выбрались, – ответил я.

– Я что-то совсем устал после вчерашнего, давай-ка присядем здесь.

Он поднял валявшуюся ветку и смел ею слежавшийся снег со скамейки. Мы сели, и Джи достал из кармана своего похожего на шинель пальто небольшую плоскую фляжку. Он отвинтил крышечку, не снимая перчаток, и сделал небольшой глоток. Я нетерпеливо ждал, когда Джи признает – то ли словом, то ли жестом – мои вчерашние заслуги. Джи сделал еще глоток и произнес:

– Обычно я выступаю в роли учителя, то есть объясняю, читаю лекции, утешаю. Но твоя голова не может воспринять бытийное знание, ты можешь это только пережить в обучающей ситуации. И тогда я выступаю в роли бенефактора. Тебе это может быть понятно на примере ролей, которые играли по отношению к своим ученикам Дон Хуан и Дон Хенаро. Вчера ты оказался в ситуации, которая была проведена в бенефакторском ключе.

Вместо того чтобы читать тебе многочасовые лекции о твоих слабых местах, я просто показал их тебе.

– Мне кажется, что я был вчера единственным, кто как-то еще сохранял контроль над собой и ситуацией. Вы не помните своего состояния, – тут же вспылил я.

– Ты горд тем, как ты вел себя на кладбище? Но, во-первых, ты забыл главную цель, с которой мы затеяли эту экспедицию, – дать тебе возможность где-нибудь зарабатывать на жизнь.

Джи сделал паузу, чтобы снова отпить из фляжки.

– Но почему же вы меня не поправили, не остановили?!

– Ученику дается возможность полного и свободного самоопределения в ситуации.

Вдруг на аллее, метрах в двадцати от нас, показались два милиционера. Они совсем не обратили внимания на Джи, который спокойно продолжал сидеть, держа фляжку в руке, но на меня они посмотрели с подозрительным интересом.

– Это связано с твоим гневным состоянием, – заметил Джи, когда патруль прошел мимо. – Вчера тебе надо было вызвать такси по телефону, который есть в кладбищенском домике, но ты пожалел денег.

Я молчал, ибо нечего было ответить.

– Ты поддался провокации Мещера, обманувшего тебя и заставившего рискованно перелезть через забор. Если бы не твоя жадность, мы спокойно на такси добрались бы до Феи, не ставя себя под удар. Единственное, что ты сделал относительно верно, – это выбрал правильную старушку с хорошим тоналом. Ты очень наивен и горд, совершенно не разби-

раешься в людях. А еще хочешь плавать на Корабле. В настоящей жизни ты находишься на уровне семилетнего ребенка. Теперь ты видишь свою реальность, – холодно заключил Джи.

– Вы нанесли такой сильный удар по моему самолюбию, что в одно мгновение я превратился из ловкого оруженосца в никчемного маленького бродяжку! – обиделся я.

– Я вчера разыграл тебя, – холодно сказал он. – Хотелось увидеть твою реальность.

– Если бы не мое желание стать небожителем, я бы давно сбежал от вас, – дрожащим голосом произнес я.

Я чувствовал себя таким несчастным, что едва не заплакал от ощущения собственного ничтожества.

– Тебя никто не держит, – ответил он. – Жалость к себе обескровливает тебя и крадет остатки твоей энергии. Если ты будешь и дальше поддаваться этому чувству, то вполне можешь умереть прямо здесь, на скамейке.

Я с удивлением посмотрел на Джи.

– Ну, – сказал он, – до физической смерти дело не дойдет, а вот все твое тонкое восприятие исчезнет, и ты станешь таким, каким был до встречи с Касьяном.

Я вдруг ощутил, что моя энергия действительно исчезает неведомо куда, что и давало мне вначале ощущение облегчения и удовольствия. Но теперь осталась одна только холодная пустота.

– Что же мне делать? – в отчаянии спросил я.

– Попробуй настроиться на рабочую волну, вспомнить свои цели – зачем ты приехал ко мне в Москву. Это поможет тебе восстановить правильную ориентацию.

Джи поднялся и зашагал по аллее, а я направился за ним. Когда чистая энергия, исходящая от него, наполнила меня, я вновь стал веселым и бодрым.

– Сам по себе ты мал и слаб и легко падаешь духом. Но когда Луч берет тебя на свои крылья, ты можешь летать внутри себя, даже если целиком состоишь из ошибок и проколов.

В его интонациях я уловил зов вечности, и что-то в моем сердце глубоко отозвалось на его слова.

– Сегодня я отведу тебя в новую обучающую ситуацию, – сказал Джи, когда мы на эскалаторе опускались в глубину метро. – Вчера стало ясно, что для работы на кладбище ты пока еще не готов. Попробуй заработать деньги более артистическим способом. Я познакомлю тебя с Маргаритой, известной художницей. Она занимается реставрацией и, если ты расположишь ее к себе, может дать тебе работу.

– Это как раз то, что мне надо! – радостно заявил я. Мне снова стало интересно: я уже видел себя на диване с роскошной женщиной, участливо смотрящей мне в глаза.

– Ты сам видишь, – продолжал Джи, – что на обучающие ситуации нужны деньги. Не можешь же ты вечно сидеть на шее у родителей? Не забывай, что мы идем в необычный дом. На этот раз не забудь о своем кубическом сантиметре шанса, будь alertным.

– Клянусь, – вырвалось у меня, – в этот раз я не упущу своего!

Джи пристально взглянул на меня и усмехнулся моей страстной интонации.

Мы вышли из метро в одном из старых районов Москвы и пошли по Бульварному Кольцу, мимо симпатичных зданий начала века. Довольно скоро Джи вошел в подъезд четырехэтажного каменного дома, украшенного кариатидами и гротескными масками, и мы поднялись на последний этаж.

Дверь открыла интересная брюнетка в светлой блузке и длинной широкой юбке, подчеркивающей упругость ее бедер. Она придерживала наброшенную на плечи темную шаль. Волосы ее были гладко зачесаны и собраны в узел, а карие глаза светились любовью и теплотой.

– Давненько ты у меня не бывал. Заходи, заходи, – улыбнулась она. – Кто это с тобой, такой серьезный?

– Это новый юнга из Кишинева, – ответил Джи, переступая через порог. – Он художник-любитель, хочет познакомиться со столичными мэтрами.

– А как его зовут? – спросила женщина.

Я решительно шагнул вперед из-за спины Джи:

– Гурий. Меня зовут Гурий.

Она слегка отступила назад, иронически улыбнувшись.

– Мой друг, – заметил Джи, войдя в прихожую, – никуда еще из своей провинции не выезжал и поэтому несколько неуклюж.

Я повесил свою куртку на вешалку и, пройдя вслед за Джи, искоса осмотрелся. В квартире было две комнаты: просторная гостиная с большими окнами, за которыми виднелся внутренний двор с детской площадкой и высокими деревьями, и небольшая спальня. В гостиной стоял диван, обтянутый коричневым велюром, в углу – шкаф с книгами, рядом с ним висела на стене старинная икона с лампадкой. В центре комнаты стоял большой квадратный стол. На одной его половине лежали в беспорядке куски хлеба, яблоки, сыр; на другой находились тюбики с краской, мелкие необычные ножи и скальпели. Там же лежало старое полотно с изображением сельского пейзажа. На небольшом столике стоял фирменный приемник с магнитофоном; на стенах висело несколько написанных маслом картин, по виду старинных.

– Присаживайтесь, – сказала Маргарита, указывая на два потертых старинных кресла, и села на диван. – Вот, получила заказ – реставрировать коллекцию одного любителя. Сутками сижу, боюсь не успеть в срок.

– Интересное совпадение, – сказал Джи. – Мой юный друг как раз ищет возможность поработать и поучиться у мастера.

– Что же ты умеешь делать? – обратилась она ко мне.

Я замялся, а потом решительно сказал:

– Все, что потребуется.

– Ты не похож на человека, который будет делать то, о чем его просят, – иронически заметила Маргарита. – По-моему, к специальности реставратора ты мало пригоден.

Я испугался, что такая роскошная ситуация уплывает прямо из рук, и сказал:

– Я могу также убирать и готовить.

– Ну, – сказала Маргарита, – это большой плюс. Я к жизни мало приспособлена, почти не забочусь о еде и об одежде. Вот эту юбку ношу уже лет пятнадцать, – и она быстро провела ладонями по бедрам.

Мой взгляд невольно последовал за ее движением, и меня бросило в жар. Маргарита послала мне взглядом легкую усмешку, и я покраснел.

– Можно попробовать поручить ему первую очистку, – сказала она Джи. – Когда он сможет приступить к работе?

– Прямо сегодня.

Я обрадовался, что цель была достигнута так быстро. На очистке я не собирался долго задерживаться.

– Конечно, – сказал я, стараясь сдержать радостную дрожь в голосе, – прямо сейчас и могу начать. Лишь бы была работа!

Я и сам удивился страсти, которая прозвучала в голосе, а Маргарита оценивающие посмотрела на меня и благосклонно улыбнулась. Джи иронически усмехнулся.

Маргарита, сев за стол и взяв кисть, тем не менее, словно ждала чего-то, искоса поглядывая на меня. Мне показалось, что она смотрит так, словно мы заключили не просто деловое соглашение, а нечто большее, даже слегка интимное.

– Может быть, отметим как-то начало новой работы? – произнес я.
– И новой дружбы, надеюсь? – насмешливо спросила она. – Но вот только дома у меня сейчас ничего нет...

– Это не страшно, я мигом слетаю в магазин.

– Может быть, – спросил Джи, – и мне с тобой сходить?

– Я справлюсь сам, – недовольно ответил я, боясь, что он опять меня выставит в смешном свете.

Джи только слегка улыбнулся:

– Ну что ж, если ты стремишься быть самостоятельным, не буду тебе мешать.

Я накинул куртку и, выйдя из дома, нашел поблизости большой гастроном.

В винном отделе продавался пятизвездочный армянский коньяк, и я взял две бутылки, а к этому еще и дорогую колбасу, консервированного краба, лимоны и хороших сигарет. На это ушло рублей около шестидесяти, и кошелек заметно уменьшился в размерах. Я обеспокоился на минуту, но затем решил считать это удачным вложением капитала, в расчете на грядущие доходы. Раздражение на Джи сменилось чувством благодарности за то, что он так вознаграждал меня после двух тяжелых ситуаций.

На мой звонок дверь квартиры открыл Джи. Он удивленно посмотрел на бутылки, которые я прижимал к груди, и сказал:

– Ты просто вылитый князь Обезиани, собравшийся проникнуть в замок царицы Тамары.

Я насторожился, неожиданно вспомнив, что, по легенде, любовникам царицы Тамары отрубали голову утром, после ночи любви, но решил не придавать шутке значения. Стараясь скрыть свое торжество, я вошел в комнату и поставил бутылки на стол. Маргарита подняла голову, и глаза ее радостно распахнулись.

– Гурий, – сказала она, – вы настоящий джентльмен. У вас хороший вкус.

Я покраснел и пробормотал:

– А где у вас тарелки?

– В кухонном шкафчике, – сказала она. – Да вы хозяйничайте, распоряжайтесь как дома.

Быстро найдя тарелки и бокалы, я спросил:

– Где накрывать на стол?

– Здесь и накрывайте, – ответила Маргарита, – я должна закончить еще этот угол.

Я расставил тарелки и бокалы на квадратном столе и пошел на кухню – нарезать овощи и колбасу. Следом вошел Джи и, подойдя к столу, взял ломтик колбасы.

– Да, – сказал он, – ты не поскупился.

– Но я ведь скоро начну зарабатывать!

– Ты всегда видишь только первый ход, и поэтому успех быстро ослепляет тебя. Ну да ничего, может, ты и в самом деле заработаешь.

Я почувствовал себя вполне обжившимся в этом уютном месте и уже мечтал о том, что может случиться, если я останусь наедине с прекрасной дамой.

Мы расселись вокруг стола, и я со значительным видом разлил коньяк по рюмкам.

– Гурий, – произнес патетически Джи, – родом из страны, где развита культура тостов.

Я поднял рюмку, подражая тому, как это делал мой отец, и значительно произнес:

– Предлагаю выпить за эту встречу и так удачно начавшееся сотрудничество.

Джи слегка улыбнулся и пригубил из своей рюмки. Карие глаза Маргариты чарующе поблескивали, и я уловил в них пробуждающийся интерес ко мне.

– Гурий, почему бы тебе не приготовить рис? – вдруг предложил Джи. – Может быть, у нашей хозяйки остались еще запасы?

– Да, конечно, – сказала Маргарита, – именно рис и остался.

Я с неохотой встал из-за стола, прихватил с собой рюмку коньяка, сигареты и отправился на кухню. Но, как только я оказался на кухне, вдруг почувствовал себя легко: не нужно было вести беседу, придумывать тосты – мне не приходилось раньше этого делать.

Я старательно мыл рис, затягиваясь хорошей сигаретой, и гадал, как пойдет дальше вечер, сколько еще мы с Джи пробудем здесь.

В этот момент раздался звонок в дверь; я услышал, как Маргарита что-то сказала Джи и пошла открывать. Хотя особого шума не было, я почувствовал, что пришла большая компания. Я подошел к двери кухни с кастрюлей риса и увидел моих знакомых с кладбища во главе с Борей. Я узнал Мещера и бывшего шпиона, остальные же четверо были мне незнакомы. Мещер нес большой картонный ящик с бутылками водки и портвейна, а Клубничный Нос – сумку с продуктами.

«Опять эти парни из нижних миров перебежали мне дорогу», – недовольно подумал я. Тем не менее, я отметил не без удовольствия, что в ящике было не меньше двадцати бутылок. Маргарита оживленно улыбалась, а я напряженно пытался понять, что может ее связывать с подобными типами.

– Привет, Гурий, – поздоровался Боря. – Еду, значит, готовишь? – и прошел в комнату.

Мещер и «шпион» только слегка кивнули, и вся компания проследовала за Борей. Я с напряжением ждал, как будут развиваться события дальше, забыв о рисе, потому что присутствие Бори со свитой было прямой угрозой моим уютным планам.

Я услышал, как Боря спросил у Джи:

– Вы не против посидеть с нами?

– С большим удовольствием посижу, – ответил он.

Послышался характерный звон выгружаемых бутылок, глухой стук жестянок консервов; на кухне появился «шпион», достал из ящика стола штопор и, подмигнув мне, скрылся в комнате.

Я сообразил, что эта кухня ему хорошо знакома. Я механически продолжил было мытье риса, но потом мне пришло в голову, что глупо отсиживаться здесь, если Джи уже участвует в ситуации. К тому же я беспокоился о том, что мой дорогой коньяк довольно скоро может исчезнуть.

Поставив рис вариться, я вошел в комнату. Стол был уже уставлен бутылками портвейна. Возле Джи пустовал один стул, а Маргарита сидела между Борей и Мещером. Я сел рядом с Джи, стараясь не показать, что пришедшая компания мне совсем не нравится. Джи выглядел довольным ходом событий.

Весь коньяк был уже разлит по большим стаканам – передо мной тоже стоял наполненный. Разговор не шел: они словно ждали кого-то. А стаканы быстро пустели и так же быстро, в молчании, наполнялись. Я не отставал и только посматривал на Маргариту, спрашивая взглядом, скоро ли уберутся эти незваные пришельцы? Но Маргарита пила наравне со всеми и смотрела на меня равнодушными глазами, в которых я ничего не мог прочесть. Скоро я захмелел и забыл о своих планах.

Вдруг горячая рука легла на мое плечо, и я услышал шепот:

– Подойди незаметно к ванной, мне надо с тобой поговорить.

Я с трудом обернулся: это была Маргарита.

– Ванна? Почему ванна?

– Тише, – драматически прошипела она, – это единственное место, которое пока еще свободно. А мне нужно сказать тебе что-то очень важное.

Она ушла, а я, посидев с минуту, встал и, придерживаясь за мебель, пошел к ванной. Квартира была полна людей. Маргарита, слегка приоткрыв дверь ванной, впустила меня и закрыла на задвижку. Когда она повернулась ко мне, в ее глазах стояли слезы.

– Ты кажешься мне единственным человеком, – сказала она, – с которым можно поговорить. Если бы ты знал, как невыносимы для меня все эти люди. Я так устала от них. Они приходят каждый день, и каждый день повторяется одно и то же.

– Почему же тогда ты не прогонишь их? – спросил я, с трудом собирая разбегающиеся мысли.

– Я одинока, – ответила она, – и у меня нет сил, нет и повода, чтобы как-то изменить все это... Но работа с тобой, как мне показалось, может что-то исправить. Но, конечно, только если ты сам этого хочешь...

– Чего именно? – спросил я, не понимая, к чему она клонит.

– Как-то избавиться от всех этих людей, – ответила она, – сделать так, чтобы они ушли. Глядя в ее полные слез глаза, я почувствовал, что ради нее стоит рискнуть.

– Я постараюсь что-нибудь сделать.

Выйдя из ванной и увидев всех этих людей, я, хоть и был совсем пьян, заколебался. Я подошел к комнате, где за столом сидел Джи, и вспомнил, что он говорил об обучающих ситуациях. «Может быть, – подумал я, – это тоже обучающая ситуация?» – и, подойдя к Джи, сказал шепотом, что хочу поговорить с ним о важном деле.

– В ванной, – добавил я, вспомнив об этом секретном месте.

Джи насмешливо посмотрел на меня и ответил:

– Иди туда, я скоро подойду.

Ванная комната была пуста; Джи вошел, присел на край ванны и спросил:

– О чем же ты хотел мне рассказать?

– Дело в том, – сказал я, стараясь отчетливо выговаривать слова, – что Маргарита хочет начать новую жизнь. Она говорит, что это под влиянием встречи со мной.

– Ну что же, – сказал Джи, – это хорошо. Ты считаешь это известие достаточно важным, чтобы сообщить мне?

– Не только, – сказал я, стараясь говорить короче. – У нее проблема: все эти люди вокруг мешают ей жить по-новому.

– Ты имеешь в виду сегодняшних гостей? – спросил Джи.

– Ну да, – сказал я, – и я решил попросить их убраться. Но мне для этого нужно ваше благословение.

– Ты осознаешь, – спросил Джи, – что твое состояние, мягко говоря, необычно приподнятое? – я кивнул. – И ты хорошо продумал все последствия?

Его глаза светились необыкновенной чистотой. Я вспомнил Дон-Кихота и опустился на колени.

– Прошу вас благословить меня на это деяние, – добавил я патетически.

Джи положил мне руку на голову и сказал: «Благословляю».

На душе стало легко, и, поднявшись, я вошел в комнату. Подойдя к высокому крепкому парню, с которым уже познакомился, выпивая, я решительно произнес:

– Андрей, у меня к вам просьба.

– Что у тебя за дело? – спросил он, добродушно улыбаясь.

Я приободрился и продолжал:

– Маргарита должна завтра начать работать, и поэтому я прошу всех уйти.

Он был, казалось, удивлен, но затем просто отвернулся от меня. Тут мне пришла в голову здравая мысль, что формально я свое обещание выполнил и лучше на этом остановиться. Но для верности строго произнес еще раз:

– Андрей, я прошу всех закончить вечер и удалиться.

Он обернулся и, схватив меня за грудки, повел к окну. Я неловко сопротивлялся, опешив от неожиданности. Он, удерживая меня одной рукой, другой открыл окно.

– Ты, по-моему, в первый раз здесь – может быть, с тебя и начнем?

Я мгновенно протрезвел от морозного воздуха, ворвавшегося в комнату. Скамейки во дворе казались совсем небольшими с высоты четвертого этажа. Я увидел пьяно-веселые глаза Андрея и понял, что могу потерять жизнь из-за одного лишь неосторожного слова.

– Не стоит, – сказал я. – Это просто недоразумение. Я ничего серьезного не имел в виду.

– Это хорошо. Тогда иди, гуляй дальше.

Он отпустил меня и как будто мгновенно забыл о том, что произошло. Все еще растерянный, я поискал взглядом Маргариту и увидел, что она весело смеется, сидя на диване рядом с Борей. Во мне вспыхнули ревность и ненависть.

«Может быть, – подумал я, – вызвать ее в ванную и уличить в предательстве?» Но мысль эта показалась мне нелепой. Я налил себе портвейна и залпом выпил. В этот момент ко мне подошел Джи.

– Ну как, – спросил он, – удалось тебе кого-нибудь уговорить?

– Я чуть было не погиб, – мрачно ответил я.

Джи рассмеялся:

– Этого можно было ожидать. А что ты намерен делать сейчас? Я собираюсь к Фее, на Авиамоторную, ты можешь поехать со мной.

Здравый смысл подсказывал мне, что нужно уезжать вместе с Джи. Но затем я подумал, что, может быть, гости разойдутся сами по себе под утро и у меня будет шанс остаться с Маргаритой наедине.

– Я останусь, а на Авиамоторную приеду завтра.

Джи улыбнулся:

– Ну что же, желаю тебе вовремя проснуться.

Я понял, что Джи увидел мой скрытый план, и напряженно ждал каких-нибудь острых замечаний, но он больше ничего не сказал и, быстро одевшись, ушел.

Я присел рядом с компанией, в которой была Маргарита, но после ухода Джи атмосфера резко изменилась, и я ощутил надвигающуюся угрозу. Я то и дело ловил на себе косые взгляды окружающих и стал уже жалеть, что не ушел вместе с Джи.

Внезапно в дверь начали звонить. Раздался громкий голос:

– Откройте, милиция. Проверка документов!

Все притихли, а затем один из гостей сказал:

– Мне прямо с утра завтра на службу. Я псаломщик. Если патруль меня здесь поймает, то уж точно трое суток продержат.

– А я на птичьих правах в Москве, – заявил я, – мне тоже надо спрятаться.

– Если у вас нервы крепкие, – ответила Маргарита, – то можете постоять за балконом, там вас не заметят.

Мы мгновенно кинулись к балкону и, перебравшись через ограждение, спрятались за пристроенными боковыми стенками. Я клял себя за то, что впопыхах не взял перчатки, потому что руки быстро замерзли. Рядом было слышно напряженное дыхание моего компаньона по бегству.

Казалось, прошло не меньше часа, когда дверь на балкон открылась. Я хотел было позвать вышедшего на помощь, но через щель в досках заметил строгий профиль милиционера, который, похоже, искал спрятавшихся. Я затаил дыхание и мысленно клялся всегда уходить из ситуации вместе с Джи. Милиционер закурил и вернулся в комнату.

Я выждал еще минуту и аккуратно перебрался на балкон, столкнувшись со своим товарищем. Осторожно заглядывая в просвет между занавесками, мы увидели, что там патруль из трех человек и один из них рассматривает паспорта. Не найдя ничего достойного их внимания, они ушли.

Я постучал в стекло, и Маргарита открыла дверь.

– Давайте, бедненькие, выпейте чего-нибудь, чтобы согреться, а то заболете.

– Часто у вас такое бывает? – спросил я, стараясь казаться невозмутимым.

– Да нет, – ответила она. – Кто-то им сообщил, что подозрительная компания дебоширит после двенадцати.

Я выпил полный стакан водки и решил выспаться, устроившись на своей куртке под растущим в кадке большим фикусом.

Проснулся я, разбуженный сильным толчком. Это была Маргарита. Она стояла на коленях, упираясь руками мне в плечо. Ее волосы свисали прядями на лицо, а глаза как будто ничего не видели, и все лицо было в красных пятнах.

– Вставай, – сказала она, – ты мне нужен.

Я молча смотрел на нее, не понимая, где я нахожусь.

– Вставай, – повторила Маргарита, – водка кончилась; пойдем сейчас на одну квартиру – они продают ночью.

Я побоялся отказаться и, одевшись, ждал ее в прихожей. Маргарита надела длинную песцовую шубу и черную вязаную шапочку и сказала коротко:

– Что же ты стоишь? Идем.

Компания продолжала гулять, а на нас никто не обращал внимания. Стенные часы пробили два часа ночи. Мы вышли на морозную улицу, которую освещали редкие фонари; окна квартир многоэтажных домов были темны, и я сообразил, что мы легко можем попасть в какие-нибудь неприятности. Через десять минут мы резко остановились у одного из высотных домов.

– Это здесь, – сказала Маргарита, и мы вошли в подъезд.

– По-моему, – добавила она, вспоминая, – это пятнадцатая квартира.

У меня похолодело в груди от мысли, что мы будем сейчас звонить и требовать водку совсем не у тех людей.

– А вдруг это не та квартира, – спросил я осторожно, – и они вызовут милицию?

– Трус! – хлестко сказала Маргарита. – И такой человек собирается работать со мной?!

Она резко повернулась и стала подниматься по лестнице. Я неохотно пошел за ней. Квартира оказалась на четвертом этаже, и под взглядом Маргариты я нехотя и боязливо нажал на кнопку звонка. Через несколько минут за дверью послышалось шарканье, и сиплый мужской голос спросил:

– Кто там?

– Коля? – спросила Маргарита. – Это я. Водка у тебя еще осталась?

– Какая водка? Какой Коля? – загремел голос. – Сейчас вот милицию вызову, если не уберешься.

Послышался скрежет открываемого замка, и мы быстро сбежали вниз по лестнице.

– Не страшно, – сказала Маргарита, – я знаю еще одну квартиру неподалеку.

Я умоляюще заглянул ей в глаза, но она была непреклонна и, резко повернувшись, зашагала по тротуару. Я поплелся следом.

– Я не люблю трусов, – строго отчитывала меня Маргарита. – Мужчина, который хочет работать со мной, не должен бояться рисковать.

Я пробурчал что-то утвердительное, решив со всем на словах соглашаться, чтобы не остаться на улице в мороз. Мы скоро оказались у двери, обитой старым дерматином. Звонок болтался на одном-единственном проводе, и я, под давлением взгляда Маргариты, постучал по косяку. Прошла минута, но за дверью никого не было слышно. Я повернулся к Маргарите:

– Никого нет, может быть, пойдем отсюда?

– Стучи сильнее, – ответила она.

За дверью послышались осторожные шаги и испуганный женский голос:

– Чего там?

Маргарита начала:

– Мне говорили, что у вас можно водки купить...

– Нет у нас никакой водки, чего ты по ночам бродишь, шла бы домой спать...

– Как это нет?! – крикнула Маргарита. – Я точно знаю, что есть!

За дверью вдруг послышалось рычание огромной собаки.

– Я вот сейчас дверь приоткрою и своего пса на вас выпущу, а он у меня обученный...

Мы снова быстро сбежали вниз по лестнице, спасаясь от неприятностей. Я с надеждой думал, что сейчас-то мы уже вернемся домой.

– Есть еще одно место, но там они не должны видеть меня. Ты должен сам подняться и купить водки, – и Маргарита вложила мне в руку два измятых червонца.

У меня снова похолодело в груди от мысли, что я должен покупать водку в какой-то квартире, глубокой ночью, в незнакомом городе, да еще и в таком месте, где не очень, по-видимому, жаловали Маргариту. Я ощутил острое желание вернуть ей деньги и убежать. Но бежать было некуда, и моя сумка все еще лежала в квартире Маргариты.

Я шел за ней, кляня себя за то, что польстился на ее многообещающий взгляд. Довольно скоро Маргарита остановилась у невзрачной пятиэтажки, затерявшейся среди высотных домов, и подтолкнула меня.

– Зайдешь в крайний подъезд, на третий этаж, первая квартира слева, – номер не помню – и купишь две бутылки.

Я, сжимая деньги в кулаке и слегка дрожа от холода и страха, поднялся и позвонил в нужную дверь. Атмосфера была мрачной и угрожающей. Дверь открылась быстро, без вопросов, и я понял, что сюда заходят ночью довольно часто. На пороге стоял высокий мужчина, лысый, в белой майке, небрежно заправленной в спортивные штаны.

– Сколько тебе? – спросил он.

– Две, – ответил я торопливо.

– Давай деньги, – сказал он и, взяв мои червонцы, скрылся за дверью.

Замок защелкнулся. Я занервничал, не зная, получу ли водку. Но минут через пять дверь открылась, и мужчина вручил мне пакет с двумя бутылками, завернутыми в газету.

Я вышел на улицу: Маргарита стояла в тени у подъезда.

– Ну, как? – спросила она.

Я показал ей пакет; равнодушно повернувшись, она пошла к тротуару. Я быстро зашагал за ней. Я не чувствовал никакого удовлетворения, только сильную усталость и опустошенность.

«Нелегко обучаться на Корабле Аргонавтов», – подумал я.

Когда мы вернулись в ее квартирку, я взял свою сумку, небрежно брошенную кем-то в прихожей, и, забившись под фикус, лег на свою куртку. Сумку я положил под голову. Я был рад, что компания не обращала на меня ни малейшего внимания, и быстро уснул.

Проснувшись ранним утром, я увидел, быстро оглядев комнату, что три человека спали на разложенном диване, двое – на полу, а один уснул сидя за столом, свесив голову на грудь.

Маргарита была, как я заключил, в своей спальне, и я вдруг вспомнил шутку Джи насчет царицы Тамары и ее любовников, которым отрубали голову поутру.

Я поспешно оделся и осторожно выскользнул из квартиры. С трудом найдя автобусную остановку, я, после полуторачасового путешествия на автобусе и метро, снова оказался на Авиамоторной.

Когда я увидел Фею и Джи, мирно завтракающих в своей маленькой комнате, мое сердце забилося от радости.

– Мне опять не повезло, – сообщил я, жуя бутерброд с докторской колбасой.

– Ты опять упустил шанс чему-либо научиться, – заговорил Джи, задержав на мне свой пристальный взгляд, – и к тому же успел навлечь на себя гнев свиты, ведя себя очень нагло. Слава Богу, что остался жив.

– Разве у этих непрезентабельных людей я смогу научиться тому, как попасть к небожителям?

– Прежде чем попасть на небеса, тебе необходимо трансмутировать темную часть своей души, пройдя ряд алхимических ситуаций, – ответил Джи. – Но помни, что за каждой дамой на тонком плане тянется длинный шлейф ее кавалеров. И этот шлейф может любого неопита заземлить и лишит правильной ориентации. С другой стороны, если не давать тебе свободно проявляться, ты потеряешь интерес к обучению и личную инициативу. Будучи на Корабле, ты имеешь свободу выбора, а я – свободу коррекции.

– Что же произойдет, если неопит потеряет правильную ориентацию? – спросил я.

– Он теряет тогда интерес к Школе, к обучающим ситуациям, воспринимает их очень плоско – только с точки зрения личной выгоды. Тогда его корректирует сама жизнь, и он быстро оказывается в том месте, которое соответствует его уровню бытия. Для тебя это – Кишинев, и это единственное место, где ты можешь жить.

– Мне меньше всего хочется думать о Кишиневе, – сказал я. – Московская жизнь настолько интересна, что я буду из всех сил держаться за место оруженосца. Я только не представляю себе, как можно ориентироваться в ситуациях московского андеграунда.

– Тебе следует научиться чувствовать атмосферу «саки», – ответил Джи, – атмосферу грозной опасности.

– Как же этому научиться?

– На собственной шкуре, – усмехнулся Джи. – А сегодня я предлагаю тебе поработать над дневником и описать прошедшие события. Дневник является астральным желудком ученика, который переваривает полученные впечатления. Если ты не будешь описывать их, то очень скоро забудешь про обучение и отвергнешь любую коррекцию. Поезжай на почтамт и там поработай с дневником. Фее надо побыть в одиночестве.

– Вы меня отправляете писать этот несчастный дневник на почтамт, как бездомного бродяжку, – обиделся я.

– Если бы у тебя было бытие, ты бы мог отправиться на уютную квартирку Александра или Маргариты, – холодно ответил Джи.

– Нет уж, спасибо, я лучше посижу на Главпочтамте.

Взяв сумку, я вышел на улицу. «Если бы не мое желание попасть в миры вечного счастья, я бы никогда не стал писать этот ненавистный дневник», – с сожалением думал я.

Мне удалось пристроиться у старого конторского стола, где заполняли бланки, и я потратил несколько часов на переваривание последних событий. Как ни странно, эта работа дала мне ощущение легкости, словно я сбросил на бумагу не меньше десяти килограммов психической тяжести, и я ощутил, что силы вернулись ко мне.

Когда мы встретились с Джи вечером, он сказал:

– Сегодня я поведу тебя в мистический салон. Там отмечают день рождения человека, на которого тебе нужно обратить особое внимание. Его зовут Кукуша. Возможно, когда-нибудь тебе придется сыграть при нем роль старого слуги Савельича при молодом барине Гриневе. Если ты еще не раздумал попасть на небеса, то тебе надо постараться подружиться с хозяевами салона и пройти у них обучение.

– Я все сделаю ради вас, – заявил я.

– Ради себя, – поправил Джи.

Поднявшись на седьмой этаж двенадцатиэтажного дома, он позвонил в массивную дверь. На пороге появилась симпатичная дама средних лет, с таким выражением лица, как будто все происходящее было для нее лишь развлекательной пьесой.

– Здравствуй, Розалита, – приветствовал ее Джи.

– Входите, входите, – сказала она. – Ты, как всегда, приходишь с новым оруженосцем, но вот из этого вряд ли получится что-либо стоящее.

– Напрасно вы судите по моей внешности, – отпарировал я. – При малом росте я обладаю многими достоинствами.

– Надеюсь, я их замечу, – усмехнулась она и прошла в комнату.

Я тоже прошел в комнату и издали любовался, как Розалита, в элегантной черной юбке до колен и белой шелковой блузе, переходит от одного гостя к другому. Кисть ее руки охватывал тонкий серебряный браслет в виде двух переплетающихся змеек с изумрудными глазами. Такого же глубокого зеленого цвета были и глаза Розалиты. Я решил приступить к выполнению задания Джи и, подойдя к ней, смущаясь, произнес:

– Хотя я и вижу вас впервые, но уже захотел стать вашим послушным пажом.

– И вам хватает наглости высказывать такие желания? – надменно улыбнулась Розалита, но я заметил, что она была польщена.

Она несколько пренебрежительно повела плечами, как бы потеряв ко мне интерес, и подвела меня к высокому молодому человеку с длинными волосами, узким лицом и острой конечной бородкой, в круглых очках.

– Познакомься, Чера, с этим прытким молодым провинциалом, – сказала она насмешливо. – Это новый подлещик, и он уже успел попроситься ко мне в пажи.

– Он как раз может заменить тебе пуделя, – холодно улыбнулся Чера.

Я подавил в себе негодование и, следуя наказу Джи, стал думать, с какой же стороны подойти к этому щеголю, одетому в вельветовые брюки бутылочного цвета, тонкий бежевый свитер и дорогие туфли с фирменными ярлыками в виде саламандры. От Розалиты излучалась атмосфера прохладной элегантности и исключительности, и я сразу захотел стать таким же. Когда она упорхнула к другим гостям, я обратился к Чере:

– Я – новый оруженосец Джи. Он говорил, что если я пройду у вас обучение, то овладею скрытым знанием.

– Прямо так и сказал? – насмешливо ответил он и отвернулся.

«Жаль, что не удалось войти в доверие к этому напыщенному москвичу», – думал я, куря одну сигарету за другой. Я успокоился и, выпив рюмку коньяка, подошел к Джи, который беседовал с восточным человеком в строгом сером костюме, с черными блестящими волосами, гладко зачесанными на пробор.

– Заман, что ты скажешь о моем новом ученике? – неожиданно спросил его Джи.

Взгляд Замана, напоминавший взгляд коршуна, быстро пробежался по мне.

– Хотя в нем и сквозит нечеловеческая хитрость, я мог бы обучить его проникать в миры Зазеркалья.

– Если хочешь – поезжай в Азербайджан с суфийским шейхом, – предложил Джи. – Он берет тебя в ученики. Твоего «да» будет достаточно.

– Можно мне подумать до конца вечера? – попросил я.

– Напрасно отказываешься, – улыбнулся Заман.

«Что я, дурак, – уезжать из столицы в какую-то провинцию», – подумал я и подошел к Чере, который элегантно держал в левой руке рюмку с коньяком, а правой едва касался красивой брюнетки в малиновом платье, плотно облегавшем ее привлекательную фигуру.

– Воин не насильствен, потому что тонок и точен, – говорил он. – Поиск состояния воина – это поиск не кайфового состояния, а правильного намерения для конкретного действия. Нравится, не нравится – это дело десятое; важно, что ты добилась результата. Состояние само по себе не столь важно, и поиск его ради удовольствия – опустошает. Если бы ты привыкла делать, ты бы не задавала вопросов и достигала бы всего вообще без всякого знания. Знание – это потакание ума самому себе, а ум является очень маленькой частью человека. Но ум делает все, чтобы наша сущность не просыпалась. Чтобы перехватить управление сущностью, нужно как можно больше пустоты и чистоты. Нужно остановиться, или, в других терминах, остановить мир...

– Как же сделать это? – спросила девушка.

– Это может быть темой следующей нашей беседы, – ответил Чера.

В этот момент в дверях появился высокий подросток в серых мешковатых брюках и клетчатой фланелевой рубашке, висевшей на худых плечах. Он молча прошел через толпу гостей и, сев за старое черное пианино, неуклюже сыграл рэгтайм. Джи обнял его за плечо со словами: «Здравствуй, Кукуша», – и, указывая на меня, добавил: «А вот и твой будущий Савельич. Подучи его пока играть в „риск“, а то он любит подстелить себе соломку».

Я нетерпеливо отмахнулся от Кукуши и спросил Джи:

– Не могли бы вы сказать, действительно ли Заман является суфийским шейхом?

– Ну, если это тебя так занимает... – ответил Джи. – До двадцати пяти лет Заман был простым трактористом. Однажды, работая в поле, он услышал в своем сердце зов свыше. Он бросил трактор и тут же уехал в Баку. Ведомый некой силой, он направился к зороастрийскому храму. Войдя смиренно в храм, он обратил внимание на одинокого старца в черном халате, держащего в руке изумрудные четки. Старец назвал его по имени и пригласил следовать за собой, сказав: «Я – шейх суфийского Ордена. Великий Аллах решил призвать меня к себе и указал на тебя как на моего преемника. Впоследствии тебе предстоит провозгласить суфийские идеи в академической среде». Через некоторое время Заман поступил в Московский университет на исторический факультет и за два года окончил его. За свои необычные таланты он был принят преподавателем в Бакинский университет на кафедру истории религии. Он стал включать в свой курс описание суфийских идей, и на его лекции приходили сотни людей: они чувствовали, как через него передается духовная барака. Он сделал необычайно быструю карьеру в социуме, но я призываю его к осторожности и к тому, чтобы он не очень увлекался социальным успехом. Надеюсь, он прислушается к моим словам...

В этот момент Чера, не обращая внимания на меня, позвал Джи, и тот, извинившись, отошел в сторону.

Когда мы возвращались на Авиамоторную на последнем поезде метро, Джи спросил:

– Удалось ли тебе наладить контакт с Розалитой?

– Она не воспринимает меня всерьез, – сказал я, – и к тому же в ней нет ничего мистического.

– Жаль, что ты ничего не заметил. Она могла бы избавить тебя от провинциального жирка, научить тонкости и куртуазности. Ты настолько погряз в грубых схемах общения на уровне инстинктов, что не можешь притянуть к себе ни одну тонкую сущность.

Фея встретила Джи нахмурившись. Она сидела на диване, излучая потусторонний холод, от которого леденела душа. Я робко поздоровался и, отговорившись усталостью, быстро лег спать. Засыпая, я непрерывно думал о Розалите.

Во сне я встретил девушку лет четырнадцати с торчащими в стороны косичками. Ее глаза и черты лица были мне до странности знакомы. Она приблизилась ко мне и смущенно произнесла: «Я когда-то хотела стать принципом Шакти, вдохновлять и поддерживать на Пути...», – от громкого телефонного звонка я неожиданно проснулся.

Джи пригласил меня на прогулку – закупить продуктов и зайти в одно интересное место. Фея расстроилась, оттого что Джи снова уходит, но старалась не подавать виду.

Мы шли по тротуарам, покрытым свежим снегом, и я невольно думал о том, что уже скоро мне придется возвращаться в хмурый сырой Кишинев. Снег создавал ощущение чистоты и легкости, и я грустил о предстоящем расставании. Джи сказал, чтобы я собрался: предстоит встреча с высоко развитой сущностью.

Вскоре мы вошли в сиротливо выглядевший Дворец культуры, успешно миновали заслон недовольной женщины в униформе, и Джи постучал в дверь с табличкой «Костюмерная». Раздался мелодичный голос: «Войдите».

В комнате у конторского стола сидела красивая брюнетка лет тридцати, с легкой проседью в волосах. У нее были большие темные глаза с рассеянным взглядом и тонкий нос с легкой горбинкой; губы ярко-вишневого цвета, полные, но изящно обрисованные. На коленях лежало нечто вроде рубашки-туники, в руке – иголка с ниткой. На пустом столе лежала подушечка, в которую было воткнуто с десяток иголок с нитками разных цветов. При виде Джи легкая улыбка заиграла на ее ярких губах, но глаза сохраняли прежнее выражение.

– Володечка, – протяжно сказала она, – вас-то я и ждала. А что это за отрок с вами? На вид – сущий поводырь, но да внешность-то обманчива – ему бы самому за кем-нибудь плестись.

Я обмер от странного ужаса, который она пробудила во мне этими словами. Они звучали как легкая издевка, и я подумал, сам не зная почему, что эта женщина может быть опасна. Я невольно сделал шаг назад и встал за Джи, выглядывая из-за него, как из-за угла большого надежного дома.

– Вы садитесь, – продолжала она нарочито певучим голосом, – вот и стулья там стоят.

Джи снял свою шинель и, повесив ее на вешалку, сел на один из жестких деревянных стульев; я сел немного позади Джи, чтобы оставаться в укрытии.

– Как дела у тебя, Гиацинта? – спросил он. – Встречаешься ли с кем-нибудь из наших?

– Давно уже никого не видела, – ответила женщина, положив вышивание на край стола, – поэтому и решила всех сразу увидеть, заручившись вашей поддержкой.

– Каким же образом я могу тебя поддержать?

– Я решила сегодня отметить ваш юбилей, – сказала Гиацинта, – ваше грядущее пятидесятилетие у себя, на Белорусской. Уже приглашены Евгений, Эльдар, Лора. И еще человек двадцать помельче.

Джи, потянувшись, достал из кармана пальто фляжку и, повертев ее в руках, спросил:

– Не найдется ли у тебя пары рюмок?

Она поднялась и грациозной походкой подошла к большому платяному шкафу. Открыв его, она вытащила снизу, из-под сложенных одежд, три небольших стакана и плавным жестом поставила их перед нами. Джи налил в них из блестящей фляжки и сказал загадочно, поднимая свой стакан:

– За так неожиданно наступившее пятидесятилетие.

Я недоумевал: «Что за странность скрывается в праздновании этой даты?» – и осушил стакан одним глотком.

Пока Джи беседовал с Гиацинтой, я думал о том, почему эта роскошная женщина наводит на меня такой панический ужас.

– Когда ожидать вас? – вдруг спросила Гиацинта, снова берясь за шитье.

– Мы с Гурием придем часам к семи, – ответил Джи и поднялся.

– До свидания, приятно было познакомиться, – запинаясь произнес я и, взяв свою куртку, мигом оказался в коридоре. Вскоре вышел Джи, застегивая пальто, и посмотрел на меня с легким удивлением.

– Что это с тобой? – спросил он, когда мы вышли из Дворца культуры.

– Эта женщина пугает меня.

– Да? – сказал Джи иронически. – А мне показалось, что ты глаз с нее не сводил.

– Ну да, – ответил я. – Смотрел, как загипнотизированный кролик.

– А, – сказал Джи, – тогда понятно. На самом деле Гиацинта является высокой духовной сущностью, но ты, видимо, не готов к реальной встрече с ней. Она мгновенно очаровала тебя, однако барьер ее ледяного холода ты не можешь преодолеть.

Морозный воздух выветрил из меня пары страха и паники, и мой ум снова заработал.

– Сегодня мне бы хотелось, – сказал я, стараясь, чтобы это звучало убедительно, – поработать, сделать кое-какие записи на почтамте.

Джи с легким укором посмотрел на меня.

– Ты неблагодарен к появившемуся в твоём пространстве шансу. Луч к тебе очень доброжелателен: ты сможешь как раз перед отъездом увидеть весь эзотерический высший свет Москвы и познакомиться с ним.

Я оживился, представляя себе изысканных дам, похожих на персонажей романов Бальзака и Дюма.

– А с кем мне нужно общаться прежде всего?

– Я не могу подсказывать тебе, – ответил Джи. – Ты сможешь общаться с теми, кого притянет к тебе твой уровень бытия.

– Что такое мой уровень бытия?

– Ты пока еще не готов к разговору об этом. Общайся, с кем можешь или с кем интересно, и все запоминай. Ты сможешь осознать увиденное впоследствии.

– Почему Фея, – спросил я, – так сильно отличается от всех остальных?

– На этот вопрос тоже сложно ответить тебе. Фея имеет невероятно глубокую внутреннюю жизнь: она вмещает в себя практически целый континент. Но чтобы понять это, нужно самому иметь достаточно глубокое бытие. Касьян, благодаря своей медитационной подготовке, иногда улавливает отблеск ее эманаций.

Приступ зависти заполнил мою душу черным туманом.

– Пока я могу только сказать тебе, что Фея – это живая статуя, которая, находясь в нашем пространстве, проводит токи из далеких космических бездн. И мы до конца инкарнации должны всячески ее поддерживать и оберегать.

Мы выковываем чашу Грааля в нашей эпохе, в нашей стране. Всякие рациональные, корыстные подходы к Фее обречены на провал. Чтобы общаться с Феей, нужно уметь быть Синдбадом, обладающим живой драгоценной жемчужиной.

В Фее есть все: и весь театр марионеток, и Атлантида, и Египет, и тольтеки, и ужас, и красота, и нечто высшее, чем красота. Фея проводит луч Матери Мира, а также и луч Девы Мира. Это очень нелегко – сохранять статую в нашем пространстве; тайна статуи, или лампы Аладдина, в том, что она всегда стремится затеряться.

Его голос доносился до меня будто из другого пространства. Я был ошеломлен этим описанием Феи, которое находило отклик в какой-то глубокой части меня, но отвергалось моим скептическим умом.

– Как же я, такой несовершенный, могу найти контакт с ней? – спросил я.

Джи мгновенно уловил нотку фальши, прозвучавшую в реплике, и остро посмотрел на меня.

– Ты обманываешь сам себя. У тебя уже есть прекрасный контакт с ней. Ты вообще можешь наладить контакт с кем угодно, если захочешь.

Я покраснел от удовольствия при этом комплименте.

– Я не совсем понимаю вас.

– Я имею в виду, – ответил Джи, – что твоя любовь к комфорту не позволяет тебе увидеть следующий ход для улучшения отношений. Ведь ты немного рисуешь и можешь мастерить, а Фея нуждается в помощи – помоги ей.

– Да, – пробормотал я разочарованно, – но я бы хотел, как Касьян, встречать ее в сновидениях.

– Не сравнивай себя с ним, – улыбнулся Джи. – Вы принадлежите к разным весовым категориям, если воспользоваться терминами бокса. Ты – боксер в весе пера, а Касьян – в тяжелом весе. Ну, как вас можно поставить рядом? Начни помогать Фее на плане физическом – и тогда она сможет тебе помочь на планах более тонких.

Я решил последовать совету Джи, тем более что выбора у меня не было.

Мы вошли в коридор коммунальной квартиры на Авиамо­торной, который был всегда темен; я повесил куртку на вешалку, и Джи открыл дверь в комнату, отведя тяжелую портьеру, которая скрывала комнату от любопытных глаз.

Фея, с замороженным взором, неподвижно сидела перед небольшим мольбертом, на котором был закреплен лист чистой белой бумаги. Звучала тихая успокаивающая музыка с повторяющимся мотивом, гармонично вторившим внутреннему звучанию самой Феи. Джи предостерегающе приложил палец к губам, увидев, что я хочу, как обычно, бодро поздороваться. Он жестами показал мне сесть за стол и заняться своими записями. Я осторожно налил себе чая из китайского чайничка и, достав тетрадь, стал рисовать необыкновенное лицо Феи, словно явленное из глубины сияющего мира.

Она увидела нас, и ее состояние мгновенно изменилось.

– Ну, как визит к Гиацинте? Нагулялись по тонкому льду? – спросила она с легкой иронией.

– Почему вы решили, что мы посетили ее? – удивился я.

– Ее взгляд глубоко отпечатался в ваших глазах, – усмехнулась она.

– Как вам удастся за короткое время создавать такие волшебные картины? – спросил я.

Фея, согревая пальцы о чашку с горячим чаем, ответила:

– Есть такая техника: смотришь на белый лист, представляешь себе различные варианты композиций, пробуешь разные цвета. Сейчас я работаю над образами старцев, которых встречаю в сновидениях. Попробуй, посозерцай сам.

Я смотрел на лист несколько минут и ощутил только приступ глухой тоски. Фея взглянула как бы сквозь меня и заметила:

– Поскольку твое восприятие не очищено, тебе лучше попробовать другую технику. Попробуй спонтанно нанести на лист краску и посмотреть на то, что получится.

Она достала из черного китайского шкафчика тюбики краски и разбавитель.

– Краску можешь разводить на блюде, – добавила она. – И не жалея разбавителя – тогда цвета станут прозрачнее.

Я выдавил из тюбиков синей, красной, желтой и белой краски на большое фаянсовое блюдо. Потом добавил разбавителя, так что получилось несколько разноцветных лужиц, и кистью изобразил расплывчатые фигуры на листе.

– Неплохо, – сказала Фея, выпуская тонкую струйку дыма.

– А теперь постарайся увидеть какой-либо образ и обрисуй его несколькими линиями.

Я смотрел на расплывчатые фигуры минут пять, пока не появился смутный образ, и я, чтобы сделать его поотчетливее, нанес несколько линий. Получилась угрюмая, перекошенная физиономия, устало глядящая мимо меня.

Фея скептически осмотрела ее и заметила:

– Ну, этот откуда-то из подвалов выполз. Старайся создавать благородные образы, учись не вызывать дурных настроений у ближних. И так много мрака вокруг, и так все задыхаются от этой помойки. Это вот мы можем нырнуть в помойку и вынырнуть, как крепыши. А другой какой-нибудь нырнет – и будет потом выбираться несколько инкарнаций.

– Да это случайно так получилось, – оправдывался я.

– Это, – сказала Фея, – не просто так – ты нарисовал одного из своих злобных «дедов». Они так и выглядят. Это хороший способ избавиться от какого-нибудь «деда», который тебя достает. Нарисуй его, а рисунок затем сожги.

– Что же такое «дед»? – спросил я.

– Твоя агрессия, – сказала Фея. – Или депрессия, по-православному – уныние. Это значит, что один из твоих «дедов» активизировался.

– Наконец-то он и от тебя чему-нибудь научится, – отметил Джи.

Меж тем незаметно наступил вечер.

– Пора, Гурий, отправляться на празднование моего пятидесятилетия, – напомнил Джи. Он оделся и весело посмотрел на Фею, пытаясь передать ей оптимизм и бодрость. Но Фея расстроенно затянулась сигаретой и, выпуская дым, пренебрежительно произнесла:

– Значит, все-таки пойдешь навещать магиссу? И тебе все равно, какие она про тебя сплетни распускает, и что каждое твое слово потом перевернут и высмеют?

– Гурджиев, – сказал Джи, улыбаясь, – даже сам выдумывал и распускал невероятные сплетни о себе. Я нахожусь в более удобном положении: за меня это с удовольствием делают другие.

– Ну, хотя бы приходи не очень поздно, – сказала Фея. – Для меня у тебя никогда нет времени, а для других – сколько угодно.

Я взял сумку и вышел вслед за Джи.

Мы быстро доехали на метро до «Белорусской». Вечер был морозным, в темно-синем небе светила большая желтая луна, навевая меланхолию и оцепенение.

– Постарайся быть внимательным, – сказал Джи, – и запоминай все, что будет происходить. Ты сможешь понять события позднее, а пока – просто присматривайся.

Мы шли мимо массивных старинных особняков, рядом с которыми высились многоэтажные дома. Было холодно, но продавцы цветов с посиневшими от морозного ветра лицами продолжали упорно стоять у своих прилавков.

Мы подошли к одному из особняков, и Джи направился к полуоткрытой двери цокольного этажа. Оттуда доносились голоса и выходили клубы пара, смешанного с табачным дымом. Окна были мутно-серыми и выступали над асфальтом лишь наполовину. Через них ничего нельзя было разглядеть, хотя занавесок не было.

Джи спустился по трем ступенькам и вошел в квартиру; я последовал за ним, держась на некотором расстоянии.

Почти всю длину комнаты, в которой мы оказались, занимало несколько столов. За ними сидела большая компания. На столах стояли бутылки с водкой и портвейном, маленькие тарелки с закуской и большие пепельницы, а в воздухе висели клубы дыма.

Все поднялись, приветствуя Джи. Гиацинта возникла вдруг рядом с ним, взяв его под руку. В другой руке ее был большой бокал, наполненный шампанским. Высокий человек в черной рубашке встал на стул и стоял, плавно покачиваясь, готовый, казалось, в любой момент упасть. Я обратил внимание на его необычайно подвижные брови, которые изгибались вверх и вниз в такт всем его жестам и покачиваниям. У него был заметный шрам на лбу и короткий сухой нос своенравного человека.

– Дорогой мэтр, – произнес он, изысканно выговаривая слова, – мы счастливы видеть вас сегодня, хотя повод собраться здесь показался нам странным. Splendor Solis сегодня гуляет – и я пью за ваше ослепительное бытие!

Гиацинта повела Джи на почетное место во главе стола, а я сел на ближайшее свободное. Справа от меня был странно одетый восточного вида человек с яркой тюрбеткой на обритой голове, а слева – высокий парень в дорогом на вид костюме и ярко блестящих черных туфлях из мягкой кожи. Восточного человека звали Эльдар, а франта – Достоевский. Рядом с Джи сидела небольшого роста женщина в квадратных очках; она пристально посмотрела на меня и спросила Джи:

– Папуля, что это за мамасика ты с собой привел?

– Этот подлещик приехал ко мне из Молдавии, – ответил Джи.

Дама заинтересованно посмотрела на меня, но я от застенчивого высокомерия отвел от нее взор.

Мне показалось, что она выглядит весьма незначительно, ибо я мечтал найти более интересную даму для вальяжной беседы. Но не успел я толком осмотреться, как вдруг ко мне

подошел старик очень маленького роста с длинной бородой, в синем кителе и офицерских сапогах.

– Владимир Иванович, – представился он и, достав из-за пазухи фляжку, торжественно произнес:

– Выпей моего целебного напитка для разотождествления с миром!

Я пришел в замешательство и, небрежно отвинтив пробку, брезгливо понюхал содержимое.

– Настойка-то у вас с подозрительным запахом, – ответил я с вежливой миной. – Не пью-с такие.

Старичок лихо опрокинул в себя полфляжки и, придя в возбужденное состояние, стал отплясывать гопака и что-то выкрикивать. Я удивился такой вольности, но окружающие находили его выходку вполне естественной. Я набрался смелости и решил завязать разговор со своими соседями.

Я спросил Эльдара, давно ли он знает Джи.

– Слишком давно, – ответил он недобро улынувшись и повернулся к своей соседке, женщине лет тридцати с короткими черными волосами и черными непроницаемыми глазами. Я тоже повернулся к своему разодетому соседу и спросил, который час, чтобы как-то прервать натянутое молчание.

Достоевский нехотя посмотрел на часы и из-за этого опрокинул рюмку, которую держал в руке, на свои роскошные брюки.

– Пол-одиннадцатого, – ледяным тоном сообщил он и стал салфеткой тщательно тереть образовавшееся пятно.

Он с большим трудом удерживался, чтобы не нагрубить мне. Я встал из-за стола, но тут меня схватил Владимир Иванович, все еще плясавший гопака, и закричал:

– Гурий! Ты Сталин! Ты Полярная Звезда! Пляши!!!

Я посмотрел на сидящих эзотериков: все как будто ждали с любопытством, как яотреагирую. Я нехотя сделал несколько «па» и постарался поскорее снова занять место за столом, чтобы не привлекать к себе внимания Владимира Ивановича.

Единственное свободное место было возле дамы в очках, и я сел рядом с ней.

– Как вас зовут? – спросил я. Она оживленно ответила:

– Какой мамасик еще маленький, даже Лору не знает! Откуда ты такой здесь взялся?

Она излучала мягкую, сердечную волну, которая растворила мою скованность и неловкость.

– Я попросился юнгой на Корабль «Арго» и вот оказался здесь. Но я не понимаю, почему это празднование пятидесятилетия – ведь Джи не больше сорока на самом деле?

– Не утруждай себя, мамасичек, размышлениями о приколах Гиацинты, у нее их – сотни. В действительности, она чувствует, что карма влечет ее на дно, и она отчаянно хочет выплыть. Поэтому она решила рискнуть и использовать последнее, самое сильное средство, хоть она и ненавидит Джи.

– Разве это рискованно – просить Джи о помощи? Он мне кажется самым добрым человеком в мире.

– Если ты недостоин, то можешь сгореть от помощи, которую он, действительно, всегда оказывает просящему. А сейчас сходи, будь любезен, на кухню – принеси бутылочку сухого.

Я выбрался из-за стола и пошел на кухню, размышляя над ее загадочными словами.

«Почему Джи называет этих людей эзотериками, – думал я, – если они пьют и курят, вместо того чтобы медитировать?» Ситуация напоминала театральную пьесу, но поскольку меня это вполне устраивало, я с удовольствием подливал себе портвейн, пока окружающее не расплылось в розовом тумане.

Поздно ночью вечеринка закончилась, и мы с Джи отправились на Авиамоторную. Пока мы ждали такси, Джи спросил:

– Тебя привлекло что-нибудь в этой роскошной ситуации?

Чтобы взошли семена, посеянные в душе ученика, ему нужно умереть для своего прошлого. Он должен, таким образом, стереть следы кармы, которая препятствует его внутреннему росту. Ангел взывает к пробуждению сущности ученика. Прохождение стадии Нигредо означает спуск в низшие слои своей души и встречу с подсознательными течениями. Когда неопит готов, ему предлагается встретиться с подводными сущностями, которые появляются на поверхности только в исключительных случаях. Без руководства опытного алхимика неопит может поддаться их соблазнительному гипнозу, ибо подводные существа намного сильнее самого неопита и могут легко покорить и поработить его, очаровав непревзойденной игрой воображения, черным юмором, сладкими грезами о несбыточной мечте вечного парадиза.

– Мне странно, что эти самоуверенные и вульгарные люди принадлежат, по вашим словам, к эзотерической элите, – заявил я. – А Гиацинта беспредельно влюблена в самое себя и не видит ничего вокруг.

Джи, вздохнув, сказал:

– Твое бытие настолько слабо, что хоть Луч и предоставляет тебе королевский шанс сразу войти в центр событий, ты совершенно не можешь им воспользоваться. Попробуй хотя

бы пересказать все, что ты увидел и узнал, Касьяну – иначе твое пребывание в Школе быстро выродится.

«Почему он меня обижает? – подумал я. – Ведь я к нему так хорошо отношусь».

Джи бросил на меня сочувствующий взгляд:

– Пока ты занимаешь пассивную позицию и ждешь, что с тобой будут считаться, уважать твое самолюбие и интересы твоих инстинктов, никакая ситуация не будет для тебя достаточно хороша.

– Что же я должен был делать в сегодняшней ситуации?

– Развертываться, – ответил Джи, – и завоевывать себе опорную точку в Москве. Не можешь же ты все время сидеть на шее у Феи.

– Я боюсь покинуть ваше общество, – смутился я.

– Ну что же мне теперь с тобой делать? – вздохнул Джи.

– Ничего. Завтра я уже буду в Кишиневе.

– Я имею в виду, что у тебя отсутствует тонкое восприятие, – московский андеграунд оказался гораздо выше твоего понимания.

– Но они ничем не похожи на небожителей! – воскликнул я.

– Да на такого, какой ты есть, ни один небожитель даже плюнуть не захочет, – ответил Джи, а я подумал: «Если бы не моя мечта попасть на небеса, я бы не выдержал такого мнения о себе».

Я провел ночь на Авиамоторной, а утром купил билет на самолет – и вот я здесь. Но я совершенно не могу понять, чему же именно я обучался в Москве и что это за люди – московские ученики Джи. Во всяком случае, после рассказа я чувствую в душе легкость и спокойствие.

С этими словами Гурий собрал свои вещи и поехал домой, а я долго обдумывал услышанное.

Глава 6

Три буддийских обезьяны

Прошло более полугода. В течение этого времени я психологически готовился покинуть Кишинев и присоединиться к Джи. Лето подходило к концу, и я, соскучившись по новым приключениям, позвонил Джи в Москву.

– Ты еще жив, братушка? – спросил бодрым голосом он.

– Душа не находит покоя, – ответил я.

– Бросай математику и осваивай ремесло лепщика, – предложил Джи.

– В каком смысле? – удивился я.

– В самом прямом.

– Неужели вы считаете, что я должен покинуть место заведующего лабораторией в университете и перейти в простые рабочие? – возмутился я.

– Тебе пора выходить в жизнь, а не наблюдать ее из окна. Пришло время освоить новое ремесло, научиться творить руками. Тогда ты сможешь обрести материальную независимость и следовать за мной.

– Я веду важный проект, меня никто не отпустит до тех пор, пока я его не закончу, – телефонная трубка слегка подрагивала в моей руке.

– А ты попробуй.

– Вы меня поражаете! Неужели вам не известны университетские правила? – запальчиво продолжал я.

– Ну и оставайся приклеенным к креслу начальника, – заявил Джи, – а Корабль Аргонавтов поплывет дальше в поисках Золотого руна... – короткие гудки в трубке охладили мои эмоции.

«До чего же странный он человек», – раздумывал я, нервно передвигаясь по квартире. Но поскольку делом моей жизни становилось стремление к внутренней свободе, я решил подчиниться пожеланию Джи. Хотя я всегда чувствовал отвращение к ремеслу всякого рода, я решил попробовать. На следующий день я, с большим сомнением в удаче, положил на стол директора вычислительного центра заявление об уходе. Каково же было мое удивление, когда он подписал его с милейшей улыбкой, заявив при этом:

– Сейчас мы стремимся брать на работу исключительно молдаван – это новая национальная политика. Так что на ваше место уже есть человек.

От неожиданности я опешил и, собрав с рабочего стола все свои вещи, с болезненно сжавшимся сердцем отправился в город. Втайне я надеялся, что директор не отпустит меня, и тогда моя совесть перед Джи будет чиста, но вышло совсем наоборот.

Мне как математику было чуждо художественное ремесло, к тому же я никогда не пробовал лепить из глины. Эта идея казалась мне абсурдной. Но поскольку я совершенно неожиданно оказался не у дел, то решил последовать совету Джи и купил в киоске газету «Труд». Прочитав заметку о нехватке специалистов на скульптурном комбинате, решил испытать свое счастье и отправился по указанному адресу.

Скульптурный комбинат располагался на большой территории, огороженной бетонной стеной с железными воротами, недалеко от центра города. Войдя на просторный двор, загроможенный гипсовыми изделиями, я с трудом отыскал лепную мастерскую. Это оказалось темное помещение, заставленное гипсовыми вазами и головами партийных деятелей. Привыкнув к темноте, я почувствовал на себе подозрительный взгляд. Меня в упор разглядывал полный мужчина лет сорока в грязной рабочей одежде. Физиономия его была заплывшей и неприветливой.

– Тебе чего? – грубо спросил он.

– Пришел по объявлению в газете, – робко ответил я.

– Без специального образования тебе нечего делать в моей мастерской, – сказал он и повернулся ко мне спиной.

Его агрессивная внешность говорила о полном пренебрежении к чистоте души. Он разговаривал со мной словно из преисподней.

Я разочарованно отправился в приемную директора, где увидел за небольшим столом миловидную девушку, одетую в светлое платье, облегавшее ее стройную фигуру с изящной грудью.

– Несмотря на объявление в газете о том, что требуется лепщик, я получил грубый отказ, – сокрушался я.

– А вы попробуйте устроиться в мастерскую через бюро по трудоустройству, – подсказала симпатичная секретарша. – В этом случае комбинат вынужден будет принять вас на работу.

Обретя некоторую надежду, я отправился на поиски этого заведения. Бюро по трудоустройству оказалось неудобным помещением из двух комнат, где за полированным столом сидела молодая брюнетка, которая каллиграфическим почерком выписывала направления на работу. Она была одета в голубую блузку с низким вырезом и короткую черную юбку. Строгие глаза равнодушно глядели на посетителей. Было видно, что ей надоело работать в таком заброшенном месте без всякой перспективы. Я подошел и с легкой улыбкой спросил, нужны ли специалисты по лепке на скульптурный комбинат. Девушка подняла на меня серые глубокие глаза и, раскрыв потрепанный журнал, ответила:

– Имеется одно место для хорошего специалиста.

– Мне это подходит, – произнес я уверенным голосом.

Решив, что я и есть нужный специалист, она, не посмотрев мои документы, выписала своим безупречным почерком направление на работу и, мило улыбнувшись, протянула мне его, слегка перегнувшись через стол. В этот момент вырез ее блузки опустился еще ниже, и я, почувствовав прилив вдохновения, медленно взял листок бумаги из ее прозрачных пальцев.

«С такой девушкой было бы приятно идти к Просветлению», – промелькнуло у меня в голове.

Выйдя на улицу, залитую ослепительным солнцем, я улыбнулся, оттого что удалось обвести вокруг пальца ворчливого мастера.

На этот раз, вернувшись на комбинат, я направился прямо к директору. Посреди просторной комнаты стоял огромный стол из мореного дуба, а на нем – черный телефон и бронзовая пепельница с символическими изображениями трех буддийских обезьян – «ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу». За столом важно восседал мужчина лет сорока пяти кавказской наружности. Его черные усы нависали над торчащей изо рта трубкой. Я протянул ему свои документы и направление на работу. Он взял мои бумаги и деловито посмотрел на меня:

– А что это вы, работая в университете заведующим лабораторией, решили перебраться в лепщики?

Вопрос был неожиданным, и я опешил: не мог же я сказать ему правду! Я решил ответить как наивный человек:

– Я с детства мечтал быть скульптором, но мои родители заставили меня стать математиком. Теперь я окончательно убедился, что математика – не мое призвание, – слушая свой голос как будто со стороны, я удивлялся, откуда у меня берется столько наглости наговаривать на своих родителей, но прозвучало это весьма убедительно, – и собираюсь попробовать себя в качестве скульптора. Я чувствую, что это мое настоящее призвание.

Директор посмотрел на меня как на безумца, но, тем не менее, подвинул в мою сторону пожелтевшую пепельницу с тремя обезьянами:

– Не знаю, врешь ты мне или нет, но на столе у самого Геббельса стояла серебряная пепельница с такими вот тремя символическими обезьянами. Если ты за несколько дней сделаешь сносную копию – я возьму тебя на работу.

Зазвонил телефон. Он повертел трех обезьян перед моим носом и жестом показал на дверь:

– А теперь уходи, не мешай.

Я ушел с чувством победителя, хотя и понимал, что втереть очки директору будет гораздо сложнее, чем молодой девушке. Проблема была в том, что я никогда еще в своей жизни не брал в руки глины для лепки.

Все же я преодолел первое препятствие. Я решил обратиться за помощью к Гурию, который, как я знал, в детстве учился в художественной школе.

Он открыл мне лишь после долгих пронзительных звонков. Увидев его недовольное лицо, разбросанную по полу в беспорядке одежду и старый рюкзак, я спросил:

– Куда это ты опять собрался, братец?

– Вчера позвонил Джи и неожиданно сообщил: «Приглашаю тебя в обучающую поездку по Белоруссии и Прибалтике. Жду в Гомеле через два дня. Найдешь меня по афишам: „Выступает джазовый ансамбль „Кадарсис“. Если твой самолет будет лететь через Киев, то зайди в музей западноевропейского искусства и помедитируй на гобелены в одном из залов. Тебе нетрудно будет их найти: на них изображены похождения Дон Кихота и Санчо Пансы“.» – А у меня на физфаке пересдача экзаменов, – сокрушенно добавил Гурий. – Мне не терпится поскорее покинуть надоевший Кишинев. Как ты думаешь, зачем Джи советовал мне обязательно посмотреть на Санчо Пансу и Дон Кихота?

– Это символический роман, в котором описано путешествие Гроссмейстера рыцарского Ордена со своим оруженосцем и учеником, – ответил я. – Они никем не поняты и всеми осмеиваемы. Если настроишься на вибрацию романа, то глубже почувствуешь свою роль.

– В моем вчерашнем сне, – сообщил встревоженно Гурий, – нам была поручена важная миссия, которую мы должны выполнить в течение своей жизни. Мы преодолели массу трудностей, и нам все-таки удалось ее выполнить, но за это нас обоих распяли на Андреевских крестах.

– Не расстраивайся, братушка, это должно случиться лишь через много лет, – ответил я. – А вот сейчас ты лучше помоги мне вылепить трех обезьян Геббельса для устройства в лепную мастерскую, по заданию Джи.

– У меня нет времени, – отрезал он.

Я повернулся и собрался было уйти, как вдруг услышал его голос:

– Ну ладно, не переживай, самолет вылетает только завтра утром, у нас есть в запасе целая ночь.

– Я не помню, как выглядят эти обезьяны, – заметил я.

– Тебе не дали их копии? – удивился Гурий.

– Я ведь назвался специалистом по лепке, а лепить-то, должно быть, умеешь ты.

– Да я учился рисовать, а не лепить! – возмутился он.

– Ты бы поостыл. Я вообще ничего не могу, и то решился на эту авантюру, – заметил я. – Не забывай, что нам надо достичь Просветления еще в этой жизни, и ради этого можно вылепить и тысячу обезьян.

– Тогда поехали в город искать обезьяну, – успокоился Гурий.

Когда мы безрезультатно объехали десяток магазинов, Гурий возмутился:

– Не могу понять, почему нигде не продаются книжки с картинками обезьян...

– Даже игрушечные обезьяны исчезли с полок, – добавил я.

– Не расстраивайся, – вспомнил он, – у моей матери есть «Энциклопедия животных» Брема – там-то уж точно найдется изображение приличной обезьяны.

Дома Гурий аккуратно вырезал страницу с изображением обезьяны и около двенадцати ночи, закатав рукава, принялся лепить обезьянку – ту, что с закрытыми глазами, – а я напряженно пытался запомнить его движения.

Рано утром Гурий вылетел рейсом в Гомель через Киев, в надежде на этот раз столкнуться с ускользающей тенью своего «Я».

Вернувшись домой, я, чтобы настроиться на Путь, открыл записи бесед с Джи и прочел:

«Сейчас мы входим в эпоху Параклета – эпоху Святого Духа. Наша Школа является первым островком нового влияния.

Эпоха третьей космической ипостаси будет эпохой, которая гармонически сочетает в себе оба тока, Герметический и Христианский, и их последовательное чередование во времени. Импульс космического огня проявлен в двуедином токе и называется Герметическо-Христианским.

Все те ситуации, которые происходят в пространстве Школы, создают благоприятные условия для внутреннего роста учеников. Русская пословица гласит: „Богу молись, а к берегу гребись“. Таким образом, мы подступили к теме внутреннего круга человечества, к теме Эзотерического Христианства и его Школы.

Основная линия Эзо-Христианства – это правильное сочетание в своей работе двух импульсов – Гермеса и Христа, что дает реальную возможность человеческой монаде достичь максимальной самостоятельности. Именно поэтому так драгоценен и труден для вас процесс саморазвития, который протекает по законам Гермеса Трисмегиста, но в то же время вам обеспечивается помощь свыше. Если с вами не произойдет выпадения из Школы, то есть откладывания на завтра тех проблем и задач, которые надо решить именно сегодня, – ибо завтра вас ожидает еще более важный бой, – то вы будете продвигаться скоростным способом, скоростными методами, разработанными в Герметических Школах.

Правда, в этом случае все темные силы будут мешать вам, пытаясь превратить в статуи, ввергнуть в инферну, деморализовать, лишить боевого духа, включить сигнал бесконечного сомнения и подозрительности относительно Школы и правильности обучающего процесса».

Укрепив свое стремление к Просветлению, я принялся лепить пепельницу. На третий день я, с тремя глиняными обезьянами, появился в прокуренном кабинете директора. Он быстро оглядел мою работу и сказал:

– Ну что ж, обезьяны похожи на обезьян. Так какой ты хочешь разряд? Третий или четвертый?

– Четвертый, – выпалил я, хотя не представлял, во что это мне выльется.

– Ну, хорошо, – с серьезным видом сказал он. – Вот тут у нас заказ на двенадцать гипсовых ваз в греческом стиле. У тебя есть месяц, чтобы их сделать. Каждая ваза высотой в полтора метра. Я думаю, ты справишься.

Меня перекосило от его задания, но на лице я изобразил счастливую улыбку. Я с победоносной физиономией прошагал мимо лепной мастерской и, засунув обезьян под мышку, горделиво направился домой – о завтрашних неприятностях с вазами не хотелось думать. Вдруг меня окликнул приятный женский голос – я обернулся и увидел Светлану, первую университетскую красавицу: ее белокурые локоны волной падали на плечи, светлое шелковое платье облегалo стройную фигуру. Я всегда издали любовался ее красотой, но подходить не решался.

– Никогда не думала, что ты так хорошо умеешь лепить, – с веселым удивлением сказала она.

– Решил стать скульптором, – заявил я и галантно взял ее под руку.

«Если на пути к просветлению мной интересуются такие очаровательные девушки, то я иду верным путем», – промелькнуло в голове. Пройдя в молчании несколько минут, я решился спросить:

– Не интересует ли тебя жизнь после смерти?

– Я уверена, что смерть ставит точку на нашем существовании, и поэтому надо брать от жизни все что можно.

– Твой ум пребывает в заблуждении, – заметил осторожно я.

– Разве ты – судья последней инстанции? – ответила она недовольно.

– Почти что, – отпарировал я и в этот момент заметил, что ее стройные ноги притягивают взгляды прохожих.

– Я не люблю навязчивых молодых людей, – сказала она с раздражением и, оттолкнув мою руку, пошла в противоположную сторону.

«С такой строптивой красавицей сложно добраться до Абсолюта», – размышлял я, оставшись на тротуаре со своими тремя обезьянами.

На следующий день я сразу же отправился в лепную мастерскую, намереваясь вывести у рабочих, как лепятся вазы.

Мастер лепной мастерской – тот самый угрюмый толстяк – очень удивился моему появлению и заявил:

– Такие работники, как ты, мне здесь не нужны, а со своими вазами можешь убираться к чертовой матери!

Вихрь его темных мыслей рассеял мое приподнятое настроение.

«Как жаль, что темные личности тоже встречаются на пути к просветлению!» – подумал я.

Я зашел в кабинет к директору и пожаловался:

– Мастер ослушался вашего приказа и выгнал меня вон.

– А ну-ка позови его сюда! – рассвирепел директор, и его правое веко дернулось.

Победоносно зайдя в мастерскую, я заявил презрительно смотрящему на меня начальнику:

– Вас вызывает к себе директор комбината.

– Ну, ты у меня еще попляшешь, – с ненавистью сквозь зубы процедил он, вернувшись от директора красным как рак.

Не зная, как приступить к лепке ваз, я ходил по мастерской, осторожно наблюдая, как мастер ваял амфору, до тех пор, пока его сальная рожа не расплылась в ухмылке.

– Так ты, как я вижу, ничего не умеешь делать? – заявил он мне, дыша перегаром в лицо. – Какой разряд дал тебе директор?

– Четвертый.

У мастера глаза вылезли на лоб.

– Да знаешь ли ты, щенок, что у меня самого только пятый, и я двадцать лет уже тут работаю, а ты пришел с четвертым! Ты что, родственник директора? – злобно оскалился он.

Я попятился к дверям, чтобы не отвечать на его идиотские вопросы, и, оказавшись во дворе, стал лихорадочно обдумывать свое незавидное положение.

«Самое главное – вовремя смыться, – мелькнуло в голове, – но что тогда будет с моим Просветлением?» И я решил бороться до конца. Поскольку сделать вазу я был не в состоянии, то решил где-нибудь ее раздобыть. Надев для маскировки темно-синюю спецодежду лепщика, я угнал небольшой грузоподъемник, припаркованный во дворе, и на нем отправился на поиски вазы.

Проезжая мимо парка Пушкина, я заметил девять белых ваз высотой около метра. К ним-то я и подъехал. Милиционер уважительно отнесся к моей спецодежде, но когда у него на глазах я деловито подхватил подъемником вазу весом в триста килограмм, он подозрительно спросил:

– А документ у тебя имеется, любезный?

– Ну конечно, – ответил я весело, похлопав по пустому карману. – Двенадцать новых ваз вскоре будут стоять на этом месте, – объяснил я ему. – Эта работа делается по специальному заказу.

И увез бетонную вазу, оставив вместо нее квадратную вмятину в земле.

Мастер, завидев меня с огромной вазой, с негодованием процедил:

– Чтобы ноги твоей не было в моей мастерской, а свои двенадцать ваз будешь делать во дворе.

Я вначале не придавал значения этому требованию и, довольный собой, стал ходить вокруг вазы, пытаясь понять, как снять с нее двенадцать улучшенных копий. Но вдруг начался ливень, и, промокнув до нитки, я подумал: «Как жаль, что путь к просветлению не является сплошным развлечением!»

После работы я приобрел книги по литью из гипса. За ночь мне предстояло освоить это ремесло. Вернувшись домой, я сел в уютное кресло с чашечкой черного кофе и, чтобы поднять боевой дух, взялся читать записи разговоров с Джи:

«Школа является провозвестником тока Параклета; в ней делается упор на внутреннее саморазвитие в начале третьего тысячелетия. Наши духовные водители – Святой Георгий, Архангел Михаил, Гермес Трисмегист и Христос. Мы обязаны устоять на острие Духа Времени, ибо в противном случае мы будем выброшены с передней линии фронта в безмолвные тылы Космоса. Гермес строил пространство своей жизни в определенном символизме, одновременно на многих планах. Все, что связано с ним, является колоссальной поддержкой для попадания в Школу.

Многие эзотерические течения в настоящее время ведут в никуда, их срок истек к концу двадцатого века. Сегодня человек должен учиться сам себя вытаскивать за волосы из болота жизни, и этому может его научить барон Мюнхгаузен.

Очень важна работа, называемая „рост по второй и третьей линии“, то есть передача своих знаний группе людей, которая может совершить побег из мира форм, а также помощь в выживании Школе, проводящей импульс Неба на Землю. Без второй и третьей линии работы ученик быстро вырождается и выпадает из пространства Школы, превращаясь без ее воздействия в обычную статую.

Каждый ученик обязан развернуть свое собственное творчество. На первых порах оно может быть неуклюжим и не вписываться в ситуацию Школы, но впоследствии, войдя в зрелость, ученик научится приносить пользу не только себе, но и ей.

Импульс Святого Георгия неразрывно связан с импульсом Архангела Михаила, который является Архистратигом Сил Света».

Эти короткие записи выпрямили мой ум, сделав его ясным и целеустремленным. У меня вновь появилась уверенность в том, что мне удастся достичь внутренней свободы.

Ночью я прочитал книгу «Основы литья из гипса» и на следующий день под огромным черным зонтом сидел под проливным дождем подле своей вазы, делая вид, что работаю. Вдруг ко мне подошел двухметрового роста главный инженер комбината, в сером отглаженном костюме и сиреневом галстуке. Он обошел вазу несколько раз, стараясь не запачкать новенькие лаковые туфли, и недобрым голосом произнес:

– Кого-кого, а меня ты не обманешь! Я сразу понял, что ты валяешь дурака, изображая лепщика четвертого разряда. На самом деле ты хочешь занять мою должность. Видимо, директор захотел поставить на комбинате своего человека!

Я молча сидел под зонтом, а он топтался вокруг, приговаривая:

– Таких хитрых подонков, как ты, я до сих пор не встречал...

– Да что вы ко мне пристали со своими дурацкими подозрениями! – разозлился я.

– Ты еще смеешь грубить! – рассвирепел он и, мокрый с головы до ног, яростно развернулся и ушел.

«Эти подозрительные миряне пытаются помешать мне достичь внутренней свободы», – рассуждал я, сидя под холодным дождем.

На следующий день ко мне подошел мастер и снисходительно сообщил:

– Если ты еще хочешь остаться на комбинате, то будешь работать по низшему разряду в мастерской на должности Ваньки Жукова – или мы сживем тебя со свету.

«С этими людьми нельзя идти к Просветлению», – рассуждал я. – Но для меня сейчас главное – научиться у них мастерству литья из гипса, а потом я пойду по дороге, ведущей в Небо». И смиренно согласился на самую низкую должность.

Потянулись безликие дни обучения, но я не забывал своей основной цели – рано или поздно достичь высшего «Я», ибо вся наша жизнь является сном Браммы.

Через несколько недель в лепной мастерской неожиданно появился возмужавший Гурий.

– Привет! – сказал он весело. – Я вернулся из великолепной поездки по Белоруссии и Прибалтике, и у меня есть для тебя нечто интересное.

Я бросил работу и, переодевшись, ушел вместе с ним. Дома, разлив по белым фарфоровым чашечкам кофе с грузинским коньяком, Гурий затянулся сигаретой.

– Ты чем-то озабочен? – спросил я.

– Слегка. Мне еще предстоит отчитаться за свои прогулы в университете.

– Расскажи, чему ты научился в путешествии, – попросил я. – И, пожалуйста, как можно подробней.

Выпустив фиолетовый дым в потолок, он налил себе рюмку грузинского коньяка и начал свой рассказ.

Глава 7

Джаз-ансамбль и стихия Воздуха

Самолет, летевший в Гомель, сделал посадку в Киеве, где мне пришлось ожидать вылета в течение шести часов. Сначала я бесцельно слонялся по зданию аэропорта, думая о том, чем мне грозят пропущенные занятия в университете. «А родители вообще не знают, что я уехал, – думал я, – и что теперь будет?»

Вдруг я вспомнил, что Джи дал мне задание обязательно посетить музей западноевропейского искусства. Теперь я даже обрадовался, что оказался в Киеве и у меня есть свободное время. «Кажется, мои приключения начинаются», – весело подумал я.

Сменив несколько автобусов, я оказался через час у здания музея. Интеллигентная музейная старушка направила меня в зал гобеленов, о которых говорил Джи, и я стал разыскивать Дон Кихота и Санчо Пансу. Наконец я нашел то, что искал, и стал тщательно рассматривать, надеясь понять скрытый смысл.

Первый сюжет повествовал о посвящении Дон Кихота в рыцари в придорожном трактире: хозяин трактира заносит шпагу над коленопреклоненным Дон Кихотом, а на заднем плане завсегдатаи развлекаются с хихикающими девицами. Лицо Дон Кихота показалось мне знакомым: своей бесстрашной отрешенностью он напомнил мне Джи.

Главным персонажем следующего сюжета был Санчо Панса, которого назначили губернатором острова. Его несли на носилках два рыцаря: один в красных доспехах, а другой – в синих. Я взгляделся в важную физиономию Санчо Пансы и, к своему удивлению, узнал в его образе себя.

Последний сюжет был запечатлен на потолке: Дон Кихот на лошади и Санчо Панса на осле, несущиеся в облаках над пропастью. Это напомнило мне о моей мечте – попасть в конце жизни к небожителям. Я надеялся, что будучи ординарцем Джи, я рано или поздно заслуженно попаду на небеса. Другого пути у меня не было.

Прилетев в Гомель, я нашел местную филармонию, где узнал, что джаз-ансамбль «Кадарсис» расположился в гостинице «Сож».

Осторожно постучав в девятый номер второго этажа, я услышал знакомый голос: «Войдите». Открыв дверь, я увидел Джи. Его глаза смотрели на меня из пустоты, и я сразу ощутил себя причастным к небесной жизни, окунувшись в бесконечность, излучающуюся из его глаз.

– Ну что, жив, братушка? – ласково спросил он.

– Вашими молитвами, – ответил я, разглядывая обстановку тесного гостиничного номера: две кровати, разделенные тумбочкой, небольшой журнальный столик и кресло у окна, платяной шкаф, встроенный в стену.

Я хотел немедленно рассказать о своей кишиневской жизни, но Джи опередил меня:

– Приглашаю тебя прогуляться в ближайший магазин канцтоваров.

– К чему такая срочность? – удивился я.

– Отныне ты начнешь работу над Телом Времени, а для этого нужен дневник, – значительно произнес он.

– Что такое Тело Времени? – спросил озабоченно я.

Джи надел защитного цвета куртку и коричневые туфли, похожие на офицерские, и сказал:

– Отвечу на этот вопрос по дороге.

Мы вышли на осенний тротуар. Желтые листья, кружась, сыпались нам под ноги, а каждая встречающая девушка представлялась мне романтической незнакомкой.

– Тело Времени, – сказал Джи, – это вся совокупность дней жизни человека, от рождения и до смерти. Мы – бабочки-однодневки. Наше пространство, наше жилище – один единственный День, в котором мы живем. Большинство живет в унылой собачьей конуре своего Дня. Наша задача – превратить каждый День, если мы только не уснем, в сияющий эфирный дворец величиной с весь мир. Но пока поставим перед собой более скромные пределы – планетарное сознание Земли. Обычный человек своим сознанием прикреплен только к настоящему моменту; он не помнит прошлого и не видит будущего. Наша задача – освоить трехмерное Пространство Времени и из движущейся точки превратиться в человека.

– Не понимаю, – ответил я, – что хорошего в том, что чувствуешь себя бабочкой-однодневкой? Для меня очень важно иметь перспективу, определенность. Какие уж тут перспективы, если я живу всего лишь один день?!

– Ты и не можешь видеть никаких перспектив при твоём нынешнем состоянии сознания, – ответил Джи. – То, что ты называешь «перспективой», – просто заикленность на определенном уровне комфорта. Тебе нужно начать работать над своим восприятием при помощи дневника. Это долгий путь. Ты уже пробовал делать, по моему настоянию, записи в Москве. Теперь ты знаешь, зачем это нужно.

– Теперь для тебя главное, – продолжал он, – суметь описать свой день. В дневнике всегда должны быть указаны место, время, состояние неба. Ты должен изжить свою неряшливость в словах и текстах. Учись этому на примере монастырских рукописей. Логос, доктрина, благодать сможет посетить чашу твоего восприятия, пролиться в сосуд твоей души именно в той мере, в какой ты утончишь слог своей рукописи. Твоя речь тоже должна стать ярче, экспрессивнее. Ты можешь учиться этому у Нормана, руководителя ансамбля, которому я сегодня собираюсь тебя представить. Он знает великое множество хокку и танка и сам пишет их.

Тем временем мы дошли до магазина. Я представил себе, как через некоторое время буду очаровывать прекрасных дам изысканной речью, и с энтузиазмом обратился к продавщице:

– Девушка, пожалуйста, тетрадь... Нет, две тетради. И десять ручек.

– Может быть, одной ручки достаточно будет? – осведомилась, усмехаясь, высокая блондинка в синей униформе. – А то, пока тетрадь заполнится, вы уже все ручки растеряете.

– Я имел в виду – разноцветных ручек, – ответил я, но насмешил ее еще больше.

«Эта малообразованная продавщица не видит, – успокоил я себя, – насколько серьезным делом я собираюсь заняться». Я холодно поблагодарил ее, и мы вышли из магазина.

На обратном пути мы купили пиво, пирожки, лук и сало. На улице стало темнеть, весело засияли витрины, от окон квартир веяло уютом и спокойствием.

Мы вернулись в ярко освещенную гостиницу, и Джи повел меня в номер этажом выше. На его стук дверь открыл высокий седой человек с серыми глазами, чем-то напоминавший сухого и педантичного ученого-немца. Он бросил на меня доброжелательный, но в то же время острый взгляд.

– Норман, – сказал Джи, – это мой молодой ординарец из Кишинева. Он интересуется философией и литературой и желает к нам присоединиться в этой поездке.

– Одного его желания недостаточно.

– Я ручаюсь за него, – ответил Джи.

– Не злоупотребляете ли вы моим расположением? – нахмурился Норман. – Ну, да что ж, проходите. Предоставим шахматной партии право решающего голоса.

Норман расставил шахматные фигуры на блестящей доске. Он недооценивал меня, играя весьма небрежно. Выигрывая ход за ходом, я мучился мыслью: «Может быть, дипломатичнее будет проиграть?»

Не знаю, что за люди здесь,
Но птичьей пугала в полях —
Кривые все до одного...

— мрачно произнес Норман, когда получил мат.

Я тут же достал новую серую тетрадь и записал хокку. Норман сморщил лицо в невыразимую гримасу.

— Следующую партию я хочу сыграть с вами, Джи, — заявил он и стал быстро расставлять фигуры. — А что еще умеет делать ваш друг?

— Еще, — ответил Джи, — он умеет таскать ящики и расставлять аппаратуру.

Норман углубился в партию, а я — в описание своих впечатлений.

«Сегодня я начал работу над Телом Времени, — аккуратно записал я на первой странице, после хокку. — Джи познакомил меня с руководителем ансамбля Норманом. Это самолюбивый мирской человек, который никогда не задумывался о высших мирах. Как может Джи интересоваться такими людьми? Ведь такого человека, как Норман, никогда не допустят к небожителям».

Партия закончилась поражением Джи, и Норман, не скрывая радости по поводу нелегкой победы, сказал:

— Ну ладно, беру твоего ординарца на испытательный срок.

Когда мы вышли, я удивленно спросил:

— Как вы могли проиграть ему выигрышную позицию?

— Я выиграл у него разрешение на твое пребывание в ансамбле, — ответил Джи. — Но дело не в выигрыше и не в проигрыше — дело в том, чтобы суметь глубоко пообщаться с человеком за игрой. Ты играешь хорошо, с точки зрения комбинаторики, но совершенно не следишь за атмосферой, за тем, что человек чувствует, что он думает и переживает. Поэтому твоя партия поверхностна.

Перед дверью в свой номер он остановился и негромко сказал:

— Я делю комнату с одним очень непростым человеком. Постарайся подружиться с ним. Ты будешь спать на полу в нашем номере, поэтому важно, чтобы и он тоже был настроен к тебе положительно.

От перспективы спать на полу у меня сразу упало настроение. Джи посмотрел на мою искривившуюся физиономию и иронически произнес:

— У тебя, к сожалению, не хватит денег, чтобы снять отдельный номер.

Он открыл дверь, и я вошел вслед за ним. Я увидел сидящего в кресле полного, небольшого роста человека, склонившегося над каким-то разобранным устройством; в одной руке он держал паяльник, а в другой — пинцет. Стоявшая на журнальном столике уютная лампа с абажуром соломенного цвета ярко освещала лицо сидящего, на котором выделялся красноватого оттенка нос, и такого же цвета лысина, от которой во все стороны торчали длинные рыжие волосы. На нем был черный кожаный пиджак, а в зубах — закушенная под прямым углом папироса «Беломор». Он поднял голову, когда услышал наши шаги. Круглые глаза смотрели строго и неприветливо.

— Это и есть твой ординарец? — спросил он, как мне показалось, с пренебрежением и затаенул папиросой.

— Да, — ответил Джи. — Пожаловал на курс переподготовки.

Человек протянул мне руку и сказал: «Паяльник».

— Так называют звукооператоров в ансамбле, — пояснил Джи. — Настоящее же его имя — Шеу. Он является скрытым большим начальством, которое скромно выдает себя за нечто иное.

Услышав эти лестные слова, человек по имени Шеу чуть заметно улыбнулся и спросил:

– Ну, а кто вы? Надолго ли к нам приехали?

– Я приехал пройти небольшой тренинг под водительством Джи. Если вы не возражаете, я буду спать на полу в вашем номере.

Шеу сделал брезгливую физиономию, а я, спохватившись, добавил:

– Я купил к ужину отличного пива...

– Это другое дело, – улыбнулся Шеу и широким жестом отодвинул разобранный аппарат на край столика.

Джи вынул из кармана сложенную газету и аккуратно расстелил ее на столе.

– Бессмертный «пикник на обочине», – произнес он, и в его глазах отразилась бесконечность.

Я выставил на стол дюжину бутылок «Рижского», пирожки, огурцы и помидоры и сел поближе к столу.

– А лук, – напомнил Джи, – и сало? Нарезь их тоже, пожалуйста.

Я возмутился от мысли, что мне приходится обслуживать их как важных персон, но здесь нужно было подчиниться. Джи и Шеу открыли по бутылке пива и потягивали его, закусывая пирожками с мясом. Я с ненавистью очистил луковицу, порезал ее крупными кусками и брезгливо накромсал сала. «Пока я тут вожусь, от моих пирожков ничего не останется», – злился я, вытирая скользкие руки о гостиничное полотенце.

Наконец я поставил на стол сало с луком и, откусив изрядную часть пирожка, успокоился. Наблюдая за тем, как Шеу с жадностью поглощал пирожки, обильно запивая их пивом, я понял, что он никогда не стремился к Небу.

После ужина Шеу вернулся к своей работе, а Джи предложил мне прогуляться.

– Так, постепенно, ты познакомишься со всеми членами команды нашего Корабля, – сказал мне Джи. – Я давно уже плаваю на нем, проводя через музыку новый посвятельный импульс.

– В чем именно заключается импульс? – спросил я.

– Он непостижим для обычного восприятия. Подготовка восприятия происходит через Посвящение на эфирном плане. Перед приходом последнего Мессии из тайных посвятельных центров вышли два старца, которые отправились с некой вестью через все страны. Они, через свои странствия, проложили определенные силовые линии, вдоль которых возникли затем храмы, монастыри, Ордена. Так и мы сейчас прокладываем новые силовые линии на эфирном плане, подготавливая плавный переход планеты в третье тысячелетие.

Для выполнения этой задачи я и выбрал путешествие с джазовым ансамблем, и атмосфера Луча притянула сюда яркие фигуры музыкантов, каждый из которых четко проводит свое планетарное влияние.

– А какова может быть моя роль во всем этом? – спросил я, ошеломленный грандиозной картиной, которую нарисовал Джи.

– Ты будешь мне ассистировать.

Уже становилось темно, и Джи предложил вернуться в гостиницу. Когда мы подошли к ярко освещенному входу, я увидел швейцара, который проверял пропуск у какого-то человека. Я похолодел от страха и повернулся к Джи:

– Но ведь у меня такого пропуска нет!

– Хорошо, что ты вспомнил об этом перед тем, как подойти к швейцару. Я, зная твою непредусмотрительность, уже запасся визиткой Шеу – по ней ты и пройдешь, – и Джи вручил мне визитку.

Швейцар, увидев фирменный знак гостиницы, больше не интересовался нами, и мы спокойно прошли в номер. Джи дал мне матрац со своей кровати и два покрывала. Я устроил себе постель в углу и быстро уснул.

Небольшой будильник на столике разбудил меня в десять часов утра. Я быстро умылся и собрался выскочить из номера – позавтракать, но Джи остановил меня:

– Подожди, не торопись! Сначала убери свой матрас и восстанови обычный вид номера. Местная Марья Васильевна не должна заподозрить, что здесь живет кто-то третий.

– Кто такая Марья Васильевна? – недовольно спросил я.

– Так музыканты, – ответил Шеу, – называют всех работников обслуживающего персонала.

– А теперь нам пора отправляться к открытой эстраде в парке для подготовки сцены, – сказал Джи, когда я закончил уборку.

Мы вышли на улицу. Когда мы проходили по ажурному мосту через широкую реку Сож, Джи вдруг остановил меня и указал на два небольших катера, белый и черный, которые только что разминулись друг с другом прямо под мостом. Несколько секунд их след на воде выглядел как четко очерченный ромб.

– Запомни этот знак, Гурий. Он указывает, что мы находимся в самом центре новой волны Посвящения.

Мы спустились к реке. Тонкий белый песок шелестел под ногами. Джи разделся и бросился в ледяную воду. Думая, что это скрытый экзамен на юнгу, я, с большой неохотой, тоже разделся и прыгнул за ним. Ощущение шока пронзило меня; от ледяной воды дыхание перехватило; задыхаясь, я с трудом выбрался на берег, с ужасом наблюдая, как Джи удаляется от меня. К моему полному удивлению, он только через полчаса вышел на песок; от его раскрасневшегося тела шел пар. Страхивая с себя ладонями воду, он произнес:

– Человеческая душа – девственна, женственна, поэтому подлинный мужчина называется «gentilhomme», «gentleman». В каждом из нас присутствуют элементы мужской и женской стихии. Вода – это женский элемент. Купаясь здесь, мы проходим невидимую мистерию переключения энергий, очищения стихиями.

Мы проходим огонь, то есть внешнее солнце и солнечную орбиту среди людей, и воду – реки, озера и колонну женской пластичности среди людей, начиная от девушек всех видов, ростов и возрастов и кончая тетками, дамами и старухами. Огонь, вода и медные трубы – боевое пространство действующего, и в то же время невидимого ни для кого, даже для самих участников, Луча. Он порхает, словно махаон, среди сонного царства спящих людей.

Тут Джи увидел, что я все еще дрожу от холода, и ободряюще произнес:

– Полезно обсыхать именно так, не вытираясь, чтобы ощутить стихию Воздуха.

Я с удивлением наблюдал, как он медленно прохаживался вдоль кромки воды, словно это был теплый летний день.

Через двадцать минут мы нашли летнюю эстраду в городском парке. Два человека быстро расставляли на ней микрофонные стойки. Один из них был высокий и худой, с длинными волосами, козлиной бородкой и цепкими придирчивыми глазами; другой – небольшого роста, толстый, кучерявый, с выражением лени и уныния в бесцветных глазках.

– Худой – это Петраков, а плотный – Аркадий, – пояснил Джи.

– Наконец-то появились, – оскалился Петраков, – поменьше надо разгуливать по городу, да побольше работать! А это кто с тобой пришел?

– Это мой ординарец. Желает поездить с нами, к жизни присмотреться.

– А помогать он может, – спросил ехидно Петраков, – или только присматриваться будет?

– А что ему можно делать?

– Играть на флюгель-горне, – издевательски ухмыляясь, ответил Петраков, и они с Аркадием расхохотались.

– Неужели мне придется подчиняться этому типу? – шепнул я Джи.

Недобрые глаза Петракова обшарили меня с ног до головы. Он смачно сплюнул и медленно произнес:

– Будешь заниматься погрузкой и разгрузкой, и только попробуй лентяйничать – мало тебе не покажется. А пока сложи все ящики в кармане сцены!

Джи знаком позвал меня к заднику сцены. Там было небольшое помещение со сваленными пустыми ящиками.

– Попробуй сложить их в одном углу.

– Почему я должен слушаться какого-то Петракова? – разозлился я.

– Он начальство, – коротко ответил Джи.

– Не буду подчиняться этому работяге – я приехал учиться у вас.

– Но я устроился сюда, для выполнения своей задачи, рабочим сцены, – ответил Джи, – а Петраков – бригадир. Если хочешь быть в моем обществе, ты должен знать сцену и все виды работ лучше, чем Петраков. Если ты его перерастешь бытийно, он тебя уже не сможет задеть. А пока ты ничего не умеешь делать, и он, естественно, пользуется этим.

Я смутился и взялся за ручку ящика. Джи ушел. Открыв большие двери, выходящие на одну из аллей, я с сожалением снял свой красивый кожаный пиджак и стал таскать и укладывать ящики. «Как может Джи общаться с этими работягами, – раздумывал я, – они ведь никогда не задумываются о небесной жизни!»

День был довольно прохладным, но солнечным, и по дорожкам парка гуляли нарядно одетые люди. Я поймал несколько любопытных взглядов, брошенных на меня симпатичными девушками, и смутился от мысли, что меня примут за грязного рабочего вроде Петракова. Я подумал и снова надел кожаный пиджак. Теперь я укладывал ящики медленно, стараясь не задеть острые края, и вдруг услышал хохот Аркадия:

– Хватит красоваться, пижон, шевелись лучше побыстрее!

Я сбросил пиджак, но тут появился Петраков и закричал:

– Ты что, недоедаешь?! И откуда только такие недотепы берутся на мою голову?

Худой Петраков оказался жилистым и быстро нагромоздил ящики друг на друга.

– Смотри, как надо укладывать: внизу колонки, потом – аппаратура, а сверху – кофры для инструментов. А ты, идиот, чего натворил?

«Если бы не мое желание попасть на небо, я послал бы подальше этого недалекого пролетария, – подумал я, едва сдерживая гнев. – Но неужели это придется терпеть каждый день?!»

– Он дает тебе ценные советы, – заметил Джи, внезапно возникший из-за спины Петракова. – Ты должен их записать, иначе забудешь. Это важное направление для работы над собой.

Преодолевая сопротивление, я лениво достал тетрадку и записал петраковские поучения.

Наконец работа на сцене была закончена, и Джи предложил мне прогуляться по парку. Мы уселись на старой зеленой скамейке, и он, нарисовав на песке прутиком знак в виде треугольника, сказал:

– Ты был принят на Корабль в качестве юнги, и теперь можно уже объяснить тебе, что значит – быть юнгой. Ты должен знать всю аппаратуру, все инструменты и ящики «Кадарсиса», знать их расположение на сцене и уметь расставлять их быстро, никому не мешая. Ты должен стать, по меньшей мере, таким же знающим дело и выносливым, как Петраков. Должен уметь договариваться с администрацией филармонии, зала и транспортных организаций.

В сумке у тебя всегда должна быть еда, приправы и газета, которую мы используем как дастархан. Кроме того, должна быть еще тряпочка – вытирать за собой, если напачкали. Должен быть еще твой дневник, чтобы ты мог, если освободилось время, вести записи.

Я понуро молчал. Меня всегда угнетало, когда я был что-то «должен». Собравшись с духом, я решил отстаивать свою свободу.

– Я не смогу этому научиться за несколько дней, – не очень уверенно сказал я.

– Суворов, – с иронией ответил Джи, – терпеть не мог солдат, которые говорили «не могу», и сурово их наказывал.

Я кивнул, соглашаясь, иначе пришлось бы возвращаться в Кишинев – а этого я боялся больше всего на свете. Джи ясно дал понять, что я могу быть с ним только на условиях постоянного труда. Но я надеялся, что смогу ловко увильнуть от своих обязанностей.

Мы вернулись к эстраде, где уже собрались музыканты. В ярком свете дня, на фоне нарядной желто-багряной листвы, бросались в глаза их черные фраки и белые рубашки. Музыканты настроили инструменты, и начался концерт. Он был бесплатным, но зрители все равно не пришли. Только одна полуживая столетняя парочка сидела на заднем ряду.

– Эх, Васенька, вот раньше оркестры такую задушевную музыку играли, а сейчас одна буржуазия, – шептала старушка, покачивая головой.

Джаз Нормана вызвал у меня легкое, веселое состояние, и я запел себе под нос боевую песню.

– Ты чего, ненормальный? – ткнул меня в бок Петраков, сидевший рядом со мной.

После концерта мы собрали аппаратуру и, спрятав ее в комнату за сценой, вернулись в гостиницу. Чувствуя во всем теле дикую усталость, я из последних сил расстелил на полу матрац и свалился на него.

Едва я успел закрыть глаза, как попал в роскошную квартиру, уставленную старинной мебелью. Посреди комнаты горел большой очаг, на котором запекался целый баран. Вокруг, за столами, сидели роскошно одетые дамы, явно высокого положения, и пили терпкое красное вино, ожидая, когда подадут главное блюдо. Вдруг я заметил среди них улыбающегося Нормана – его лицо постоянно менялось, он становился похожим то на Джи, то на Петракова. Увидев меня, он надменно воскликнул:

– А, Гурий, ты сама простота – все твои зажимы лежат на поверхности, даже и говорить нечего!

– У меня нет зажимов, – гордо ответил я.

– Тогда докажи, что их у тебя нет.

Я тут же осушил огромный, как хрустальная ваза, кубок вина, неожиданно для всех забрался под стол и стал отчаянно флиртовать с дамскими ножками. Дамы хохотали, закатывая глазки и поливая меня вином из своих бокалов. Лицо Нормана приняло вид пьяной рожи Петракова и заорало на меня благим матом: «Убирайся отсюда, щенок!»

Я мгновенно спрятался за широкую дамскую юбку, переждал немного и снова осторожно высунулся из-под стола. Я увидел, что Джи внимательно слушает Нормана, который рассказывает ему о своих скрытых чертах и проблемах в ансамбле. Я подслушивал их диалог, пока Джи не заметил меня. Он так нахмурился, что я от страха тут же проснулся.

На следующий день Джи пригласил меня на прогулку в парк. Когда мы проходили мимо большой клумбы, где пять девушек в синих комбинезонах и белых платочках сажали цветы, он внезапно произнес:

– Гурий, познакомься немедленно с одной из девушек и добудь у нее несколько растений.

Я почувствовал сильное сопротивление во всем теле, и мое лицо предательски покраснело.

– Для меня унижительно общаться с простушками, – выпалил я.

– Я уверяю тебя, – сказал Джи, сохраняя серьезное выражение, – что каждая из этих девушек является абсолютно не простой, но даже более того – скрытой принцессой. Про-

блема только в твоём восприятии, которое очень плоско и бескрыло... – я смутился. – Ты не понимаешь смысла таких, казалось бы, незначительных поручений, – продолжал он. – Выполняя их, ты очищаешь понемногу лепестки лотосов своего восприятия. Внешний мир – это отображение мира внутреннего, и твоя интуиция является такой же девушкой, только внутренней. Но ты сможешь войти с ней в контакт, только если научишься дружелюбно общаться с внешними женщинами.

Эта логика была понятна моему прагматическому уму, и я, сделав над собой усилие, напряженно пошел к девушкам.

Одна из них, увидев меня, распрямилась и мило заулыбалась. Из-под платка выбивались пряди блестящих золотистых волос. У нее были ясные синие глаза с длинными ресницами и правильные черты лица: тонкий нос, полные, четко очерченные губы и круглый изящный подбородок. Я удивился, что так вот просто, среди рабочих парка, вижу такую интересную девушку.

Она насмешливо смотрела, как я осторожно приближаюсь, и рассмеялась:

– Не бойтесь, я не кусаюсь.

– Что вы сажаете? – спросил я робко.

– Лобелию, – ответила она. – Если хотите, могу вам подарить семян.

– Да, пожалуйста, – ответил я.

– Нет ли у вас листка бумаги?

Я вынул свой новый дневник и, вырвав оттуда исписанный лист, отдал ей. Она сделала небольшой кулечек и насыпала туда семян, похожих на мелкий песок. Забирая сверток, я слегка коснулся ее тонких пальцев, и она улыбнулась.

– Благодарю вас за необычный подарок, – смутился я.

– Только не забудьте с любовью ухаживать за лобелией, – прошептала она на прощание, словно в растении осталось ее сердце.

«Как жалко, что эта девушка не является небожительницей», – подумал я. Во мне всегда присутствовало опасение, что мирская девушка, какой бы привлекательной она ни была, может загасить мою мечту о небесной жизни.

– Лобелия – мистический цветок, – заметил Джи. – Постарайся сохранить семена и посадить их, когда вернешься домой. Если они прорастут, у тебя появится мощный союзник на тонком плане.

Я снисходительно улыбнулся, не веря его словам.

– У растений, – с полной серьезностью продолжал Джи, – коллективная душа на тонком плане. И если ты в дружеских отношениях с одним из них, то и с другими тоже. Растения вообще являются космическим транспортом и могут унести тебя в далекие миры или помочь в решении проблем. Но тебе пока трудно это почувствовать, потому что ты любишь грубые стихии.

Я молча размышлял над его словами по дороге в гостиницу. Когда мы вошли в холл, я заметил Нормана в строгом костюме с бабочкой, сбежавшего по широкой лестнице.

– Я спешу! – крикнул он на бегу. – Я узнал, что в этом городе есть оправы для очков производства ФРГ. Таких нигде нет в продаже!

Вдруг он остановился, потер переносицу и заявил:

– Для доказательства полной лояльности к «Кадарсису» вы должны помочь мне выбрать наилучшую оправу. Следуйте за мной!

Мы подчинились.

– Я не могу понять, – говорил Норман, когда мы почти бежали рядом с ним по безлюдной пыльной улице, – почему вы оба производите впечатление людей не очень практичных. Взять вас, например, Гурий: что у вас вообще за интересы?

«Ни за что не открою своей сокровенной мечты о небесах этому надменному человеку», – подумал я и ответил:

– Я хочу во снах узнавать правду о других людях.

– Вот видите, – торжествуя сказал Норман, – увлекаетесь разной ерундой...

– Вот вчера, например, – ответил я, задетый его ремаркой, – мне снилось, что вы беседуете с Джи. Вы довольно откровенно рассказывали ему о музыкантах нечто интересное.

– Да? И что же я говорил?

– Вы говорили, что Жорж – более одаренный музыкант, чем Вольдемар, но поскольку Вольдемар льстит вам, вы больше хвалите его игру. А прогрессу барабанщика мешает слишком большое количество обожателей, – и я бросил на Нормана быстрый взгляд, ожидая, какой эффект произведут мои слова.

– Вы забываетесь, – с легкой угрозой ответил Норман. – Если только Джи не пересказывает вам мои мысли. Но это было бы еще большим абсурдом... Почему же я никогда не вижу снов?! Только очень редко, что-то черно-белое, незапоминающееся.

– А в детстве ты видел сны? – спросил Джи.

– Да, конечно, когда-то я летал во сне, это было лет двадцать назад...

В этот момент мы проходили мимо сливового дерева. Ему было тесно за забором, и часть его ветвей, усыпанных желтыми сливами, свешивалась над тротуаром. Но они были высоко. Джи остановился, аккуратно поставил сумку на тротуар, подпрыгнув, ухватился за ветку и сорвал несколько слив. Я снял кожаный пиджак и последовал его примеру. Сливы оказались спелыми и сочными. Норман отошел в сторону, вдруг заинтересовавшись объявлением на столбе.

– Норман, ты не любишь сливы? – спросил Джи.

– Люблю, – нерешительно ответил Норман, – но ведь они же чужие!

– Ну и что? – ответил я, выплюнув косточку.

Норман посмотрел вверх, на приглашающие ветки, поправил галстук-бабочку и произнес:

– Не могу... Вдруг меня увидит кто-нибудь из тех, кто вечером придет на концерт?

– Ну и что? Зато ты совершишь вертикальный поступок. Тогда, может быть, и твои сновидения изменятся, – сказал Джи.

Норман колебался. Он даже сделал шаг в нашу сторону, но что-то остановило его. Он подождал, пока Джи совершит еще несколько прыжков, и мы вместе направились в «Оптику» за новой оправой. Там мы провели около часа. Норман примерял разные оправы, обсуждая с Джи тонкости цвета и формы, и наконец, выбрав несколько пар, счастливый, побежал оплачивать покупку.

– Сегодня он мог бы совершить вертикальный поступок, но не совершил, – задумчиво сказал Джи. – Он не смог пожертвовать своим образом интеллектуального джазмена, прыгая с нами за сливами. Он живет, как мальчик Кай, согласно четким интеллектуальным схемам, и поэтому обречен на расплывчатые серые сны.

Наконец Норман подошел к нам, свысока глядя сквозь пустые овалы роговой оправы, с которой никак не мог расстаться.

– Это напоминает мне розовые очки, которые продавал Челионати, пытаясь вернуть населению города романтическое видение, – заметил Джи.

Возвращаясь, мы снова шли по той же пыльной улице, где росли сливы. Вдруг Норман остановил нас и, как-то заговорщицки оглянувшись, сказал:

– Пожалуйста, посмотрите назад и вперед. Никого нет?

– Никого, – ответил Джи, хотя вдали виднелись какие-то фигуры.

Не обращая внимания на свой костюм, Норман подпрыгнул, пригнул ветку и стал с наслаждением поедать сливы, как мальчишка, срывая их с ветки, и лицо его стало вдруг веселым и простодушным.

По дороге мы зашли в булочную, и Джи вдруг обратился к усталой немолодой продавщице, удивленно указывая на булку:

– Что это такое?

– Даже если бы я и сказала вам, что это свекла, вы все равно бы не поверили, – ответила она слегка раздраженно.

– Я охотно не верю своим глазам, но вашим бы сразу поверил, – с подкупающей галантностью ответил Джи.

На лице женщины вспыхнул яркий румянец, и она мгновенно расцвела и как будто помолодела.

Джи произнес с легкой улыбкой:

– Нам пора идти дальше.

– Заходите еще разок, – произнесла продавщица, кокетливо поправляя белую кружевную заколку на волосах.

– Ну, разве что в следующей инкарнации, – вздохнул Джи.

Выйдя из магазина, он пояснил:

– Она сначала пришла в замешательство от моего ответа, но вдруг – нечаянная радость, душа Дульсинеи выскользнула, как бабочка из тела гусеницы, сбросив остатки цензуры. То, что мы сейчас сделали, называется в Традиции «танцем странствующего монаха». Это значит – протанцевать танец на тонком плане: в магазине с продавщицей, в пивбаре с симпатичной официанткой, со старушкой, просящей милостыню. Главное – согреть их души своим вниманием. Ведь в глазах пролетающего Ангела мы такие же потерянные, безнадежно занятые своими будничными неинтересными делами.

Пусть на час, на минуту, на секунду – но все-таки был полет, была радостная свобода! Пусть бессознательно, но де-факто, реально! В Традиции это называется еще «построением дворца за одну минуту», «вхождением в пространство нечаянной радости». Именно нечаянной, незапланированной, и потому сумевшей бабочкой пропорхнуть мимо Сциллы и Харибды собственной цензуры.

Это и есть практика донкихотства: излучение из себя благодати, красоты, силы, творческого отношения к любой секунде своей жизни. Это – прыжок к желтой сливе, к нашей солнечной орбите.

Вдохновленный его речью, я, как истинный последователь Санчо Пансы, тут же заскочил в ближайший магазин и купил вина и две отменных жареных курицы. После концерта мы упаковали и погрузили в машину аппаратуру, а потом, вместе с Шеу, устроили ужин в эту последнюю ночь в Гомеле.

Ужин затянулся почти до утра. Когда музыканты наконец разбрелись по своим номерам, а я устраивался на матрасе в углу, надеясь поспать часок-другой, раздался настойчивый стук в дверь.

– Войдите, – отозвался Джи.

На пороге появился Норман. Мы никогда не видели его таким взволнованным.

– Как вам это удалось?! – спросил он, оглядывая нас. – Мне приснился сон! Первый раз в жизни! Яркий, цветной, а не черно-белый! Я летал! Представьте, я летал!

– Сам? – равнодушно спросил Шеу.

– Нет, конечно, не сам – на очень странном самолете, похожем на велосипед с крыльями. Там были рычаги, клапаны; я маневрировал, я землю видел, я летал! Я мог, крутя

педали, подниматься высоко в небо! Не знаю, что об этом и думать... – Норман помолчал и добавил:

Застыли палочки в руке,
И вдруг подумал я:
«Ужель к порядкам,
Заведенным в мире,
Я исподволь привык?»

В город Слоним нас довез маленький филармонический автобус. Как только Джи расположился в гостинице, он тут же пригласил меня прогуляться в местный универмаг.

– Сегодня, дорогой Гурий, я продемонстрирую тебе твои подсознательные зажимы, – пообещал он, и я почувствовал легкое беспокойство.

Зайдя в канцтовары, он купил, тщательно отобрав, две пригоршни значков и десятка два карманных календарей с видами разных городов.

– Вы коллекционируете их? – удивился я.

– Это небольшие подарки туземцам различных городов, которые мы еще посетим, – загадочно ответил Джи, и я не стал его расспрашивать.

Перейдя в отдел мужской одежды, он вдруг стал примерять все имеющиеся шляпы, разглядывая себя в зеркало. Подражая ему, я примерил более двадцати плащей и почувствовал, что устал. Две продавщицы, хихикая, косились в мою сторону; я расслышал слово «дурак».

– Это знак, – сказал Джи и внезапно направился в отдел женской одежды.

Мне пришлось, смущаясь, последовать за ним, прямо к стеклянному прилавку, где продавалось нижнее белье.

– Я думаю, – сказал он авторитетно, – что ты можешь здесь выбрать красивые трусики для своей девушки.

Мои ноги словно приросли к полу.

– Не могли бы вы помочь моему оруженосцу выбрать для дамы своего сердца ажурные трусики? – обратился Джи к продавщице, кокетливой блондинке с круглым улыбающимся лицом и полной, но привлекательной фигурой, затянутой в элегантную темно-синюю униформу магазина. – Он это делает впервые.

– Какого цвета волосы у вашей девушки? – серьезно спросила продавщица.

– Она блондинка, – ответил я, краснея с головы до ног.

– Она вашего роста? – продолжала допытываться продавщица.

– На двадцать сантиметров выше, – гордо ответил я.

– Ну, вы, однако, лихой кавалер, – улыбнулась она, разглядывая меня сверху вниз, словно ища, за что это меня так любят женщины.

Пожав недоуменно плечами, она стала легкими движениями перекладывать белье на стеллажах.

– Какой размер она носит?

Я попытался скрыться в толпе.

– Нет, братец, – произнес Джи, крепко схватив меня за рукав, – настоящий юнга должен отлично разбираться в модном дамском белье.

– У нас, к сожалению, нет импортных моделей, – мелодично пропела продавщица. – Но вот эти, кремового цвета, «Фантазия», вероятно, подойдут. Они пользуются большим спросом, очень удобны и выглядят элегантно.

– Беру эти, – решительно сказал я, пытаясь побыстрее избавиться от унижительной процедуры.

– А денег у вас достаточно? – подозрительно спросила она, косясь на мою красную физиономию. – Эти трусики стоят 20 рублей 11 копеек.

– Тогда что-нибудь подешевле, – ответил я, покраснев еще гуще.

– Ну, посмотрите еще вот эти, «Нежность», они тоже неплохо сидят, но только белого цвета. И стоят не так дорого... – она вытащила из пакета нечто воздушное, почти невидимое.

– Покупаю, – заявил я, чувствуя, что мое замешательство и раздражение становятся почти неконтролируемыми.

– Тогда заплатите пятнадцать рублей в кассу.

– У меня только один рубль, – порывшись в карманах, ответил я.

– Я могу дать тебе займы четырнадцать рублей, – к моему ужасу заявил Джи.

– Я не хочу тратить деньги на женские трусики! – с возмущением прошептал я Джи в самое ухо, но продавщица расслышала.

– Маленький, да еще и жадный! – возмутилась она. – И как только твоя подружка тебя терпит?

– Неужели ты не понял, – спросил Джи, – что это была демонстрация твоего главного комплекса?

– Какого? – поинтересовался я, готовясь услышать самое худшее.

– Инфрасексуальности.

Я не знал смысла этого слова, но меня словно обдало жаром.

– Стихия дамского белья удивительна, – продолжал он. – Это вспенивание, фонтанирование на материальном плане эфирных потоков. Ленты, кружева и духи благоприятно воздействуют на душу, но если взять стадию аурических орденских лент, то это уже очень высокий уровень.

Свою внутреннюю женщину – а она красавица невероятная – надо холить и лелеять, одевать и баловать, выполнять ее капризы и «покупать» то, что ей по сердцу. Я даю тебе задание: каждую неделю посещать отдел женского белья.

После такого урока я долго не мог прийти в себя.

Когда мы после обеда расставляли аппаратуру на сцене, я краем глаза вдруг заметил стоящего у портьеры старца в темно-коричневой рясе. От него излучались доброта и спокойствие. Я направился в его сторону, чтобы предупредить о том, что посторонним запрещено быть на сцене, но он растаял в воздухе.

– Не пугайся, это мой постоянный спутник, – успокоил меня Джи. – Странно, что ты заметил его. Существ из другого мира можно видеть, если не фокусировать на них прямого взгляда.

Весь вечер я старательно скашивал глаза, но больше никого не встретил.

Этот город я покидал с легким сердцем. Меня радовало, что я больше никогда в жизни не встречу продавщиц, которые так посмеялись надо мной.

В город Гродно ансамбль приехал рано утром. По плану филармонии «Кадарсис» должен был дать в городе три концерта. Получив номера в центральной гостинице, мы сразу же отправились разгружать аппаратуру. Когда разгрузка была закончена, я сел и с наслаждением затянулся сигаретой. Джи обратился ко мне:

– Не хотел бы ты, Братец Кролик, прогуляться по городу?

«Ну вот, опять начинается», – подумал я и ответил:

– Я так устал после разгрузки, что мне хочется вернуться в гостиницу и никуда не выходить. Я, собственно, даже и не понимаю, с какой целью в каждом городе мы бродим по заброшенным улочкам и магазинам.

Джи посмотрел на меня с некоторым сожалением.

– Если бы у тебя было достаточно тонкой энергии, то ты бы понял, что во время прогулок происходит тонкая работа с атмосферой всего города. Не знаю, заметил ли ты, что мы всегда заходим на городской рынок? С его помощью можно прочувствовать чрево города и его окрестностей. Мы стараемся познакомиться с туземцами, интересующимися внутренним развитием, то есть, как настоящие ученые, изучаем местную флору и фауну. А в храме легко можно подключиться к высшим чакрам города.

В это мгновение я поднял глаза и заметил летящую прямо на меня серебристую тонкую паутинку, невесомую, но ясно различимую в сиянии солнца. Несколько секунд я зачарованно следил за ее полетом, пока она не растаяла в синеве осеннего неба.

– Это и есть знак, лично для тебя, – сказал негромко Джи.

– Шанс, который тебе предоставляется высшими силами, чтобы ты мог подняться в высшие миры, так же тонок и почти невидим, как эта паутинка. Ты должен до предела утончить свой состав, избавиться от тяжелого кармического груза – и только тогда небесная паутинка сможет выдержать твой вес.

Джи ушел один, а я провел несколько часов в гостиничном номере, изнывая от скуки.

Свободное время подходило к концу, вскоре начиналась репетиция «Кадарсиса». Я спросил дорогу и через четверть часа подъехал на автобусе к местному Дворцу культуры. Джи, Петраков и Аркадий уже подтаскивали ящики к сцене.

– Явился не запыхавшись, – съязвил Петраков.

Я подхватил ящик и понес его вместе с Аркадием. В этот момент на меня навалилась глухая тоска, исходящая от него. Я вспомнил, что Шеу называл унылого Аркадия черной дырой в низший астрал, в которую безвозвратно проваливается вся тонкая атмосфера.

– Гурий, ты что, опять заснул? – крикнул Петраков скрипучим тенором. – Живо берись за подзвучки!

Подтаскивая с Джи к середине сцены колонку, я сказал ему в сердцах:

– Меня тошнит от одного вида Аркаши. Зачем такой человек вообще живет на свете? Он только ест, пьет, говорит пошлости и сплевывает сквозь зубы. Это не личность, а жвачное животное, продукт стада. Человеком можно считать только того, кто стремится к Небу, – я остановился, чтобы перевести дух и пожаловаться на Петракова, но Джи иронически усмехнулся и ответил:

– Ты сам, дорогой Гурий, продукт стада, а вовсе не индивидуальность, которой ты себя воображаешь.

Я задохнулся от обиды, а Джи продолжал:

– У людей с чистой аурой ты вызываешь чувство брезгливости. Они видят, что ты раб своих инстинктов. Возьмем, скажем, твою привычку курить по три пачки в день, не говоря уже об алкоголе и инфрасексе. Благодарю Бога, что ты поступил в Школу, которая занимается трансформацией свинца в золото. Что же касается таких людей, как Аркадий, их ждет очень незавидная судьба. Они думают, что человеческий облик им выдается на веки вечные, но это не так. Если он и дальше будет вести инстинктивную жизнь, несмотря на то что судьба подкинула ему шанс измениться, то через пару сотен лет он, да и все подобные ему, будут жить в резервации в полу-человеческом, полу-скотском облики. Но и такие люди необходимы на Корабле. Такого рода люди – как губки: они впитывают в себя все тяжелые психологические элементы. Их как таковых не существует. Они питаются различными слабостями людей: если ты жаден – они будут жить твоей жадностью, паразитировать на ней; если ты груб – они зацепятся за твою грубость. Поэтому ты должен стать неуязвимым человеком с возвышенными стремлениями, сублимировать свою лунную энергетику и избавиться от механичности. Тогда твое грубоватое лицо может со временем превратиться в лик.

– Гурий! – закричал пронзительно Петраков. – Ты что, за день не наговорился?!

Тихо ругаясь, я понес колонку на край сцены, после этого вышел в фойе покурить и придиричиво осмотрел в зеркале свою физиономию. Да, черты не отличаются утонченностью, но высокий лоб выдает незаурядный интеллект, а в хитро прищуренных глазах читаются решимость и упорство. Не всем же, в конце концов, быть мужественными красавцами, как Касьян!

– А что, у меня с лицом совсем плохо? – спросил я, вернувшись.

– Когда я смотрю на твое лицо, мне приходят на ум воспоминания о двух исторических персонажах. Более поздний – это Сократ, а ранний – это Хозарсиф, или Моисей, – сказал Джи. – Один физиогномист как-то сказал Сократу, что на его лице видны задатки пороков. Сократ ответил, что он, действительно, был склонен к дурному, но победил эти склонности.

Что же касается Моисея, то когда он начинал свой Путь, черты его лица указывали на такие скрытые пороки, как коварство, жадность, трусость, хитрость, предательство и тому подобные вещи. Те же самые качества написаны и на твоём лице, но у тебя пока нет положительных качеств Моисея. Все же, благодаря тому что ты обрел Школу, ты можешь, как и он, герметически переработать свои отрицательные качества, превратить свинец в золото или хотя бы в медь. Тогда и грубоватые черты твоего лица начнут утончаться.

Сейчас приближается время, когда внутренние качества людей будут явно отражены на их лицах. Ничего нельзя будет скрыть. А если человек слишком предавался своим инстинктивным импульсам – он, может быть, вообще не будет иметь лица.

Наставление Джи вызвало бурю в глубинах моей личности. Чистая энергия, которая излучалась из него, высвечивала притаившиеся в подсознании негативные чувства и мысли, в которых я не хотел себе признаваться. В данный момент это было чувство зависти к лицу Джи. Некоторые сравнивали его с лицом греческого философа, другие – с иконным ликом.

От нахлынувшей досады я резко выдернул звуковую колонку из ящика.

– Гу-у-урий, – вдруг закричал пронзительно Петраков, – посмотри, какие царапины на колонке! С тебя сейчас можно пятьдесят баксов за ремонт снять!

– Не вешай на меня старые царапины, – сердито ответил я Петракову.

– Ты здесь без году неделя, – завопил Петраков, брызгая слюной, – и будешь мне указывать, какие царапины старые, а какие нет! Здесь мое слово – закон! Увижу еще раз такое – сниму сто баксов!

В напряженном молчании мы закончили расстановку аппаратуры, и Джи, бросив на меня мимолетный взгляд, предложил прогуляться и выпить пива.

Мы шли по многолюдной площади, ярко освещаемой солнцем. Я вдруг почувствовал себя как в сновидении, когда вот-вот должно что-то произойти; мне показалось, что ожидание чего-то необычного разлито в самой атмосфере, в прохладном воздухе над площадью. Вдруг я увидел в нескольких метрах впереди стройную фигуру девушки в голубых облегающих джинсах и пушистом сером свитере, с блестящими золотистыми волосами, спускавшимися почти до талии. Догнав ее, я хотел было завязать разговор, но тут она, словно почувствовав мое внимание, обернулась – и я остановился, оцепенев от мгновенного ужаса. Вместо девичьего личика, которое я себе представлял, передо мной возникло багровое безносое и безгубое нечто, как страшная бесформенная маска, на которой ярко сияли голубые холодные глаза. Я отшатнулся и опустил глаза, а когда поднял их – странной девушки уже не было. Это настолько совпадало с темой наставления Джи, что я осознал, что Луч подал знак моему скептицизму. От ужаса по телу разлилась липкая дрожь. Я потянулся за сигаретами, но их в кармане не оказалось.

– Пойдем в местную пивную и попьем холодного пива, – участливо сказал Джи.

Мы быстро нашли пивной ларек за зеленым дощатым ограждением; когда мы стояли с кружками за круглым высоким столиком, Джи задумчиво произнес:

– Для того чтобы не попасть под поток злого рока, захлестывающего мир, необходимо выбраться из одного из его притоков – анализа. И для этого нужна очень простая вещь – обратная ориентация. В самых чудовищных обстоятельствах, в самых кошмарных и страшных, можно найти что-то особенное, прекрасное, что делает ситуацию уникальной, неповторимой, обучающей.

Наша сущность хочет есть, а мы, критикуя и анализируя, кормим ее камнями вместо хлеба. Есть суфийская притча о том, как Иисус с учениками шел по пустыне и на их пути попался труп собаки. Реакции учеников были разнообразны, но суть их – анализ и критика: «это нехорошо, это грязно, безобразно». А Иисус стал вдруг всматриваться в этот труп и затем произнес: «Какие прекрасные белые зубы». Даже и в этой ситуации Он нашел нечто достойное любования!

Питание души – это восторг, умиление, удивление, необычное, парадоксальное решение... – Джи замолчал, потягивая прозрачное пиво, и, воспользовавшись маленькой паузой, я спросил:

– Почему же моя физиономия не приобретает благородный вид, хотя я уже две недели тружусь, помогая вам? Я ведь еще и покупаю напитки и закуску для обучающихся ситуаций. Почему же со мной не происходит явных изменений?

– Рост сущности, – ответил мне Джи, – происходит медленно. Пока тебе нужно сконцентрировать усилия на том, чтобы вырастить свое бытие. Это значит, что тебе нужно стать хорошим рабочим сцены, а в обучающих ситуациях ты должен мне ассистировать: готовить еду, накрывать на стол, убирать, общаться с участниками ситуации по заданной теме и уметь импровизировать.

– С чего же мне начать?

– Я уже говорил тебе об этом. Начни с того, чтобы всегда быть готовым к «пикнику на обочине», – ответил Джи. – Это основной стиль нашего поведения. У тебя в сумке всегда должен быть дневник, а также сало, лук и, для поддержания градуса, вино или водка. И очень важный элемент – тряпочка.

На следующий день я с большой неохотой поднялся рано утром и потратил около десяти рублей, купив перечисленные Джи съестные припасы. Мне стоило больших усилий уложить все это в сумку и принести в гостиницу.

– Джи, я все сделал, как вы сказали, – похвалился я, входя в номер.

– Отлично, – ответил Джи. – Нам пора во Дворец культуры, Норман устраивает сегодня раннюю репетицию. Только положи в сумку еще этот свитер и «Философию свободы», – он с улыбкой наблюдал за тем, как я напористо затолкал все в сумку.

Приехав на площадку, мы быстро расставили аппаратуру.

– А теперь хотелось бы закусить, – заметил Джи.

Я расстелил на столе газету «Гудок», открыл сумку – и в нос мне ударил резкий запах горчицы. Я похолодел.

– Не дашь ли мне Бердяева, Братец Кролик? – спросил вдруг Джи.

– Сейчас, подождите минутку, – ответил я, повернувшись к нему спиной, и носовым платком стал оттирать от горчицы книгу Бердяева.

– Да ты измазал мою самую любимую книгу! – возмутился он.

– Вот вы где, субчики! – резко выкрикнул Норман, вбегая на сцену. – Немедленно передвиньте рояль поближе к кулисам!

– Местные рабочие сказали, что передние ножки рояля едва держатся и двигать его запрещено, – ответил я, разозлившись на его властный тон.

– Это все чепуха, – сказал он решительно, – вы слишком наивны, верите случайным людям. Вам бы только поменьше работать! Мы сделаем это вместе!

Мы с Джи встали со стороны клавиш, а Норман – сбоку.

– По моей команде, – сказал он, упираясь руками в бок рояля, – одновременно толкаем. Весь секрет в синхронности. Необходимо точно чувствовать своего партнера. Итак, на счет три: раз, два, три!

Мы резко толкнули, рояль величественно завалился на левый бок, чуть не подмяв Нормана, который едва успел отпрыгнуть.

– Гурий, – прокричал он с холодной яростью, – я видел, как вы толкнули слишком сильно и раньше меня! Теперь я убедился в том, что вы не умеете работать! Я думаю, что вам нужно немедленно покинуть ансамбль! А вы, Джи, проследите, чтобы к репетиции рояль стоял точно возле второй кулисы!

Норман удалился. Рояль лежал на боку. Я в сердцах пнул его.

– Не переживай, – сказал Джи. – Норман выступил сейчас в роли Стража Порога. Он почувствовал твое хаотическое состояние и по-своему отреагировал на него. Если ты перестанешь поддаваться чувству обиды и гордыне, он тут же перестанет требовать, чтобы ты уезжал. Прими нормальные размеры на тонком плане, стань скромным и веселым, а не гордым и надутым князем Обезиани, которому нельзя сделать ни одного замечания, – и все будет в порядке.

Норман – мастер создавать психологическую температуру, которая необходима для внутренних алхимических процессов. Мы имеем в себе нечто, что притягивает такую реакцию среды, и это – наша собственная хаотичность. Если ты выдержишь поток гнева Нормана и не оправдываешься и сам при этом не поддаешься гневу, то его энергия прорабатывает твой внутренний хаос. Он не может направить энергию на себя – ему легче сбросить ее на нас, а наша задача – подставить себя под эту энергию и позволить ей очистить наши внутренние пространства... А сейчас найди рабочих сцены и мы приведем все в прежний вид.

Я нашел рабочих в одной из комнат подвала по звуку костяшек домино и азартным выкрикам.

– Рояль упал, – сказал я.

– Заплатите штраф дирекции, – ответил один из рабочих, в очках и с папиросой в зубах.

– У нас начинается репетиция, – трагическим голосом произнес я. – Помогите поставить его на место.

– Ты разве не видишь? Мы заняты...

– Поставлю бутылку, – предложил я, испугавшись.

– Две, – сказал все тот же рабочий.

Я сбежал за сумкой и поставил водку на стол.

– А за второй сходи в гастроном, – сказал рабочий и потушил папиросу.

К приходу музыкантов рояль стоял так, как хотел Норман. Я притаился за ящиками в кармане сцены, не желая попадаться ему на глаза. Под замысловатый аккомпанемент интеллектуального джаза я выплескивал в дневник накопленные обиды. Джи бесшумно подошел и сел рядом со мной. Мне не хотелось с ним разговаривать.

– Одна из твоих обязанностей как ученика – это научиться смиренно принимать мои коррекции, – сказал Джи, почувствовав мое состояние. – Если бы ты это умел, ты давно бы уже начал расти. Но через свои обиженные оправдания ты сбрасываешь тонкую энергию, которую я передаю тебе.

– Я готов принимать ваши коррекции, но почему меня ругает и Петраков, и Норман, и весь ансамбль? Я что, хуже всех?

– Петраков – твой замечательный бенефактор: он помогает мне в работе над тобой.

Я не стал возражать. Джи продолжал:

– Я играю роль «тайного советника», который подает атмосферу звездной Традиции на джаз-ансамбль через общение с каждой «планетой» «Кадарсиса» на доступном ей языке. Это невозможно сделать на вербальном уровне, потому что строгая цензура нашей личности

тут же все перехватывает и искажает. Поэтому с Норманом, например, я общаюсь через шахматы. Он, играя, переходит из своей личности в сущность, и тогда я могу через атмосферу передать его сущности весть о новом Посвящении. Эта весть является особого рода звездной пылью, которая оседает на крыльях нашей души. Когда у человека есть звездная пыльца, он испытывает томление по тем высшим мирам, откуда эта пыльца взята, стремится к росту своей внутренней Золушки – сущности, стремится к Богу. А если эта пыльца потеряна или съедена жизнью, то у человека только материальные интересы: семья, карьера, удовольствия жизни. Вот ансамбль и передает людям, через концерты, часть этой пылицы, опыляя, таким образом, целые города. Это гомеопатический метод, который работает очень эффективно.

На Корабле есть еще и трюмное отделение, с машинистом и кочегаром. Тебе нужно уметь общаться и с ними тоже – ведь без них Корабль не может плыть дальше.

– Вы имеете в виду интригана Петракова и мерзкого Аркашу? – выпалил я, все еще не в силах успокоиться.

– Всякое осуждение, даже очень справедливое, создает пробоину в энергобалансе, – сказал Джи, – кормит нашу Золушку – сущность камнями вместо хлеба. Я не говорю уже о тех астральных отбросах, что ты извергал из себя, ругаясь как сапожник. Это уже просто в грязи испачкаться! Ты ведь спрашивал меня, как твоя сущность может начать расти? Чтобы сущность могла расти, надо начать кормить ее хлебом – тем, что она может усвоить.

Я молчал. Возразить было нечего.

– Хлеб – это когда ты в любом хаосе увидел жемчужину смысла, красоты, личное письмо Господа Бога к Самому Себе. Тема соборности, соборного делания – лейтмотив нашего Посвящения...

В этот момент подошел Шеу и, попыхивая «Беломором», сказал:

– Господа, предлагаю вам продолжить разговор в приличном заведении, расположенном в пяти минутах ходьбы отсюда.

Пивная располагалась в небольшом зале с каменными стенами: высокая стойка из светлого дерева, несколько квадратных деревянных столиков и стульев. В зале сидела одна пара, остальные столики пустовали. У стойки сидела на высоком табурете официантка в короткой синей юбке, открытой блузке и белом переднике, с ней флиртовал рослый красавец-бармен. Засмотревшись на ее круглые колени, я невольно позавидовал этим людям: их жизнь показалась мне легкой и беззаботной. Джи осмотрел зал и выбрал столик, стоявший у кадки с небольшим деревцем. Официантка нехотя соскользнула с табурета и подошла к нам.

– Мы возьмем пива и креветок, – сказал Шеу значительно. – Они у вас, надеюсь, свежие?

– Свежайшие, – без всякой обиды, с улыбкой ответила официантка и убежала, стуча каблучками.

Ее легкая атмосфера растворила мою угрюмость.

– Что же такое наша сущность, о которой вы все время говорите? – спросил вдруг Шеу, внимательно изучая меню.

Джи ответил не сразу:

– Однажды к Иисусу подошел молодой человек и попросился в ученики. Иисус ответил, что для этого следует раздать свое имение бедным, и тогда он сможет стать учеником. Но тот не смог сделать это и, заплакав, ушел.

Имение – это наша личность, а бедные, нищие, хромые и убогие – это наша сущность, которая перестает расти после семи лет. Но только она может в нас развиваться, расти, летать!

– Но как же ощутить ее в себе? – спросил я.

Шеу посмотрел на меня с интересом.

– Научись отделять сущность от существ, которые населяют твое внутреннее пространство, – ответил Джи. – Ты ведь читал роман «Робинзон Крузо»? Даниэль Дефо был не просто писателем, он был создателем «Интеллидженс Сервис» и посвященным в тайные учения. В романе «Робинзон Крузо» он и описывает внутренний мир человека в виде необитаемого острова с дикой природой, которую нужно начать культивировать. Стань Робинзоном, исследующим население внутреннего острова. Наблюдай его обитателей без критики и похвалы и заноси их в дневник. В неделю у тебя должен быть килограмм записей и рисунков.

В этот момент официантка поставила на стол три большие кружки пива и блюдо с креветками и снова отошла к стойке бара. Я посмотрел на креветок. Их было очень много, но все же меньше килограмма.

– Вы, наверное, ошиблись, – осторожно сказал я. – Как это – килограмм? Уж не хотите ли вы сказать...

– Именно это я и хотел сказать, – ответил Джи. – Я совсем не ошибся, когда сказал: «Килограмм исписанной тобой бумаги». В какой-то момент ты заметишь, что некие туземцы живут в тебе, а ты принимаешь их желания за свои.

– А где же моя сущность? – спросил я, испуганный идеей, что какие-то существа пользуются мной.

Тут неожиданно вмешался Шеу:

– Мне трудно с тобой согласиться. Я, например, считаю неотъемлемой частью моей сущности душевное сидение за пивом и креветками. Я просто не мыслю жизни без этого!

– Отлично! – произнес Джи. – После пивной предлагаю пойти в магазин – закупить еды на вечер.

Когда мы закончили наши посиделки, я рассчитался с официанткой и с сожалением покинул пивную.

Мы долго ходили по узким кривым улочкам, пока Шеу не потерялся в одной из них. Наконец мы нашли магазинчик с выкрашенными синей краской стенами и кирпичного цвета полками. Несмотря на невзрачный вид, магазин был полон консервов, колбас, копченой рыбы и пива. Я выбрал большую палку сухой колбасы, несколько копченых сардин, десять бутылок пива, а потом, не дожидаясь колких намеков Джи, приличный кусок соленого сала и полкило луку. Продавщица, веснушчатая и голубоглазая, надписывала толстым карандашом цену прямо на упаковке. Я протянул ей двадцать пять рублей. Джи вдруг остановил меня:

– Скажи сначала, сколько причитается сдачи с этих денег?

Мне было неприятно, что симпатичная продавщица может подумать, что я мелочен.

– Не могу подсчитать, – нашелся я, – не смотрел на весы.

Женщина с любопытством поглядывала на нас, ожидая, чем закончится наш диалог.

– Я обучаю своего юнгу элементарным бытовым навыкам, – обратился к ней Джи, – учу его считать деньги.

– А как же без этого? – ответила женщина. – Но он, наверное, никогда еще своих денег не имел – на родительские до сих пор живет.

– Советую вам, – как можно более весомо сказал я, – следить за тем, откуда берутся ваши собственные деньги.

– Какой он у вас колючий, однако, – сказала она Джи, рассмеявшись, – прямо как репей.

– Представляете себе, в каком положении я нахожусь? – подхватил ее тон Джи. – И так он отвечает на любое мое замечание! А ведь я работаю над его совершенством.

Женщина понимающе и сочувственно кивнула, как будто и в самом деле знала, что имеет в виду Джи. Я быстро оценил стоимость покупок и выпалил:

– Примерно тринадцать рублей!

– Ну что ж, – сказал Джи, – это похоже на реальность. В следующий раз я попрошу тебя назвать точную цифру, так что будь алертен.

Пока я укладывал продукты, продавщица выбила чек на 12 рублей 40 копеек. Она протянула его Джи, глядя на меня и укоризненно качая головой. Я был вне себя от всей этой нелепой, на мой взгляд, сцены. Джи приветливо улыбнулся и попрощался с продавщицей.

– Всего хорошего, – сказала она, – приходите еще.

– Не знаю, – ответил он серьезным тоном. – В этой инкарнации уже вряд ли получится. Мы вышли на улицу.

– Почему вы высмеяли меня перед какой-то продавщицей?! – сердито спросил я.

– Она ведь сказала о тебе правду, не так ли?

– Ну, в общем-то, да, – нехотя согласился я.

– Ты все время забываешь, что находишься в Школе и обучающая ситуация может сложиться в любую минуту. Знать, сколько у тебя денег и как ты их тратишь – твоя ответственность, а не продавщицы. В твоём отношении к деньгам, которое было проявлено сегодня, видна твоя главная слабость: ты привык всю ответственность перекладывать на других людей. Это позиция лунатика и бродяги, а ты должен стать домохозяином. Растить-то надо тебе самому, а не продавщице и множеству других людей, на которых ты перекладываешь возможность своего роста, до сих пор оставаясь бытийно маленьким, съезжившимся Циннобером, Крошкой Цахесом.

Меня передернуло. Я помнил гофмановскую историю о Крошке Цахесе. Он был обездоленным уродливым карликом, но над ним сжалилась фея Розабельверде. Благодаря ее магическому дару он мог казаться не тем, чем был на самом деле. Он достиг почестей, богатства и угодливого почитания окружающих, оставаясь ничтожным карликом со скверным характером. Его сморщенная душа так и не откликнулась на призыв феи, которая внушала ему: «Ты не тот, за кого тебя почитают, но стремись сравняться с тем, на чьих крыльях ты, немощный и бескрылый, взлетаешь ввысь...»

Вдруг вопрос Джи вернул меня от рефлексии к реальности:

– Кстати, как нам вернуться назад, во Дворец культуры? Ты запомнил, как мы сюда шли?

Я похолодел от мысли о том, какой нагоняй мне устроит Петраков за опоздание, и огляделся. Мы стояли на тротуаре возле пятиэтажного кирпичного дома. Рядом с ним и на противоположной стороне возвышались такие же дома. Место было совершенно незнакомым. Я посмотрел на табличку на доме.

– Мы находимся на улице Каверина, – сообщил я.

– Это ничего не меняет, – ответил он.

– Сейчас, – сказал я растерянно, – подождите... Я спрошу кого-нибудь.

Улица была пустынна. Я пробежался трусцой до следующего перекрестка, который был метрах в ста, и осмотрелся.

– Здесь почему-то никого нет! – крикнул я.

Джи иронически посмотрел на меня.

– Я бы предпочел, чтобы ты использовал свою способность логически мыслить, – и указал рукой куда-то вверх, в промежуток между домами.

Посмотрев туда, я увидел возвышающуюся над городком башню телевидения. Джи повернулся ко мне и переносицу его вдруг прорезала глубокая вертикальная морщина, делая лицо суровым, даже пугающим.

– Я уже устал от твоей безалаберности! – сказал он резким голосом. – Ты ни за что не хочешь отвечать, ты уже превратился из помощника в обузу!

Я оцепенел. Передо мной стоял совершенно незнакомый человек, излучавший атмосферу ясности и строгости, – ни уюта, ни тепла, обычно свойственных Джи, там и в помине не было! Я запаниковал.

– Если ты и дальше будешь так безответственно себя вести, то определенные силы переведут тебя на другой участок работ, чтобы добро, которое в тебя уже вложено, не пропало зря.

Я хрипло спросил, не узнавая свой голос:

– А куда они меня переведут?

Джи иронически улыбнулся:

– Не волнуйся, вовсе не в Сибирь. Вернешься в Кишинев, будешь по-прежнему сидеть на шее у своих родителей. Но больше никаких поездок по стране с ансамблем не будет!

Я собирался заплакать от обиды, но какая-то часть меня оставалась отстраненной, наблюдая за тем, что происходит внутри.

Вдруг я заметил, что гнев и паника принадлежат не мне, а какому-то темному существу внутри меня, похожему на туземца. Это оно гневало и рычало внутри: его задевали не слова, а атмосфера чистоты, которую излучал Джи. Я решил не поддаваться гневу этого существа, поскольку оно не имело никакого отношения к моей сущности. Через минуту существо исчезло, не выдержав огненной энергии Джи. Вместе с этим существом исчезли тяжесть и мутное состояние, беспокоившие меня с самого утра.

– Ну вот, теперь ты, как губернатор, можешь занести этого туземца в реестр обитателей своего острова. Ты получил практический урок в самонаблюдении. Я создал определенный психологический градус, который заставил одно из твоих многочисленных «я» проявиться, так что ты даже смог его увидеть. Но это произошло, потому что ты принял температуру, не стал ее сбрасывать.

– А через что сбрасывается температура? – спросил я.

– Если бы ты поддался этому существу, то стал бы выражать его гнев на мое замечание. Ты стал бы всячески его защищать, оправдывая свое поведение. В этот момент вся твоя энергия стала бы растрачиваться, и ты ничего бы не смог увидеть. Увидеть – это ведь не так просто, для этого нужно иметь тонкую энергию, которую я тебе передал через легкую коррекцию твоего состояния. Тонкая энергия дает блаженное состояние сущности, но личность – и особенно ложная, с которой ты непомерно отождествлен, – сильно страдает.

Мы вернулись во Дворец культуры, и я все оставшееся время ходил, плохо осознавая окружающее: состояние сущностного видения то и дело возвращалось. Я увидел, что внутри меня обитают неведомые мне странные существа, напоминающие насекомых. Я и не подозревал о том, что они настолько недоразвиты и кошмарны, и изумленно рассматривал их.

В эту ночь мне выпал сон, в котором я был превращен в черного карлика, царского повара. Я умел готовить напиток «Гамах», одна капля которого убивала дракона. Надо мной смеялись, меня дразнили, стоило мне только выйти на городские улицы. Но я помнил свое прошлое вельможи, который нарушил запрет и влюбился в царскую дочь – и в наказание за это был превращен в карлика.

Я стоял на вершине холма, наблюдая за знаками на облаках, а в моих глазах резвились эльфы. Вдруг по небу на лошадях пронесся большой кортеж – рыцари и дамы, а посреди них в золотой карете прекрасная фея. Я закричал: «О, фея! Расколдуй меня!» Она услышала мой отчаянный крик и бросила из окна кареты алую розу – символ свободы. Я попытался поймать розу, но сильный вихрь подхватил ее и унес вдаль. Надменный смех колдуньи, заколдовавшей меня, еще долго звучал среди облаков.

Я проснулся; крупные слезы все еще стояли в глазах. В номере никого не было. Я быстро оделся и, занимаясь уборкой, заметил на столе открытку с двумя бирюзовыми минаретами. Любопытство заставило меня перевернуть ее и прочесть:

«Дорогой Эльдар,

Тезис: „Позиция независимости Духа от Реальности“ – уже указывает на то, что Реальность не абсолютна.

Параболическое вхождение группы Посвященных в пласты инерционной Дремоты Европы может изменить Карту Спящего Евразийского мира. Может быть, тебе ближе Мохаммед, его Revelatio и передел Земли Исламом, но ведь недаром существует легенда о Фаридах (Сверх-Посвященные) и другие, еще более загадочные сюжеты, восходящие к Рашидской синархии, территориально опирающейся на Евразийский континент как единственно оперативный на нашей планете.

Поля неопределенности представляют собой „Иерархию Рыцарских Орденов Парадоксальных Манифестаций“, а также „В пробужденном Космосе источником Чуда становится Воля дважды рожденного“.

В рамках двух последних изречений осуществляется моя шахматная партия с миром, одновременно – игра и парадоксально-спонтанное управление».

– Разве ты не знаешь, что некрасиво читать чужую корреспонденцию? – раздался за спиной голос Джи.

– Простите, но все равно я ничего не понял из прочитанного, – сконфуженно произнес я.

– Это только и утешает. Я посвящу тебя в доктрину почтовых голубей, когда ты созреешь для этого.

Я согласно кивнул, не зная, что на это ответить.

Мы вышли из гостиницы и направились в близлежащий гастроном. День был сумрачным и прохладным, слегка моросил дождь. Гастроном был богатым, и я, как всегда, потратил намного больше, чем собирался. Я выложил продукты из корзинки у кассы и вместе с продавщицей стал усердно считать их стоимость. Она раздраженно косилась на меня, но я, стараясь не обращать на нее внимания, складывал цифры столбиком в своей тетради. Джи, иронически улыбаясь, наблюдал за мной. Я закончил быстрее, чем продавщица, и с гордостью показал Джи итог: 7 рублей 57 копеек.

Продавщица, выбив чек с такой же точно суммой, сказала обиженно:

– Сколько лет уже честно работаю и никто меня вот так не проверял. Бывают же такие подозрительные покупатели!

Джи рассмеялся, а я взял сдачу и, сконфуженно затолкав продукты в сумку, заторопился к выходу под смешки очереди. Мы миновали стеклянные двери и вышли на тротуар. Джи внезапно остановился у каменной цветочной клумбы с розовыми и белыми хризантемами.

– Согласно своей психологической конструкции, ты должен был положить помидоры в самый низ, – заметил Джи.

– Не может быть, – горячо возразил я. – Они где-то вверху, – и нервно стал выкладывать продукты на край цветочницы: сначала золотистую копченую рыбу, завернутую в прозрачный пергамент, потом булку серого хлеба, сетку лука, свертки с сыром, маслом – и в самом низу обнаружил пакет с помидорами, которые уже плавали в собственном соку.

Джи назидательно произнес:

– Уровень бытия человека проверяется на таких вот мелочах. Видно, что бытие у тебя совсем слабое.

Наблюдая за тем, как я вожусь с копченой рыбой, стараясь ровно уложить ее на дне сумки, он сказал:

– Внизу – голубая рыба, над рыбой – алое сердце, а над ним – золотой альбатрос. Запомни этот алхимический символ.

Яркая вспышка света озарила мое сознание.

Клайпедская филармония размещалась в здании бывшего костела. Разгружаться нам нужно было только вечером, и Джи сказал, что мы поедем в тайное мистическое место, расположенное на Куршской косе.

Я сложил в сумку все, что было нужно для пикника и мы отправились в гавань к парому, а за нами увязался скучающий от одиночества контрабасист Вольдемар. Он был добрый и безответный; его рыжие прокуренные усы меланхолично свисали из-под длинного носа. Он всегда носил один и тот же потертый черный костюм и белую рубашку, манжеты которой далеко высовывались из рукавов. Вдруг он спросил:

– Вот я, человек совершенно неинтересный, обычно в пустом своем номере скучаю за бутылкой пива. А тут Гагарин, полная моя противоположность, ко мне стал заходить, про свою жизнь рассказывать, с подружками знакомить. К чему бы это?

– Ваши планеты притягиваются друг к другу, – ответил Джи.

– Какие планеты? – удивился Вольдемар.

– Музыкант чувствителен к определенным планетарным влияниям, и это связано с инструментом, на котором он играет. Ты, например, легко настраиваешься на влияния Венеры: мягкость, доброта. А Гагарин как барабанщик любит Марс, резкие взрывные энергии, которые ему самому не дают покоя. Ты его своими вибрациями гасишь, смягчаешь, вот он и чувствует себя комфортно в твоём обществе.

– Вот оно что... – протянул Вольдемар.

В гавани было свежо, дул резкий северо-восточный ветер. Между берегом и косой курсировал белый двухпалубный паром. Мы купили билеты и встали у борта на верхней палубе.

Едва паром отчалил, стоя чаяк, рассеившихся на пирсе и пляже, тут же взмыла в воздух и стала кружить возле борта. Они издавали резкие крики, тревожащие мою душу.

– Дай-ка хлеба из наших запасов, – обратился ко мне Джи.

Он отщипнул кусок хлеба и, с силой швырнув его вверх, воскликнул:

– Здравствуйте, господа Джонатаны Ливингстоны! Здравствуйте, господа ученики!

Небольшая верткая чайка спикировала сверху и мгновенно проглотила кусок.

– Вот, господа, – произнес Джи загадочно, – учитеcь у них, как нужно охотиться за кубическим сантиметром шанса!

Я вдруг заметил, как в его глазах заискрилось пространство сияющей пустоты.

– Море нашего Посвящения, – добавил он, – это Белое море, откуда изошла Белая Раса. Это – цель нашего путешествия на Северо-Запад. А пока мы находимся под протекторатом Архангела Балтийского моря.

Паром подошел к пристани, и мы, сойдя на берег, принялись осматриваться по сторонам. Коса казалась необитаемой. Здесь не было почти ничего – только летнее кафе, билетная касса и еще какие-то небольшие строения. Сразу у пристани начинались дюны. Немногие пассажиры, прибывшие вместе с нами, куда-то исчезли. Дул холодный ветер, гоня волны с белыми бурунами. Я чувствовал себя неудобно, не представляя, что можно делать в этом заброшенном и чуждом людям месте.

– Приглашаю вас прогуляться по берегу моря, – сказал Джи.

– Я, пожалуй, – заметил Вольдемар, дрожа от холода, – подожду вас в кафе.

Кутаясь в легкую куртку, он покинул нас, а я зашагал за Джи, боясь пропустить самое интересное.

Берег был пустынным, лишь по небу плыли высокие белые облака. У кромки воды широкой полосой лежали разноцветные ракушки и камни. Несколько чаек качались на волнах. Солнце, появлявшееся время от времени из-за облаков, освещало тонкий белый песок и редкие высокие сосны.

Я дрожал от холода и с неудовольствием смотрел, как Джи разделся и стал бродить по пляжу в одних плавках. Он остановился в паре метров от набегающих волн и нарисовал ногой большой треугольник с глазом внутри. Над треугольником возвышался неровный круг с крестом.

– Что это значит? – спросил я.

– Мы должны передавать наше провозвестие стихиям, – ответил он.

Неожиданно огромная волна накатила на берег и, захлестнув знак, стерла его, как будто забрав с собой в море. Внезапно все стихло, и даже холодный ветер замер на мгновение.

Джи вошел в воду и, пройдя метров двадцать, поплыл. Я уже не испытывал дискомфорта, и даже купание в ледяной воде показалось вдруг вполне привлекательным. Быстро раздевшись, я вбежал в воду и, нырнув, поплыл за Джи. Я думал, что легко догоню его, но уже через несколько минут руки стали неметь, а ноги – сводить судорогой. Я вернулся на берег и, стряхнув воду ладонями, быстро оделся. А Джи продолжал плыть к горизонту, размеренно взмахивая руками.

«Может быть, он и не собирается возвращаться? – пронзила меня догадка. – Значит, я останусь здесь один?!» Эта мысль привела меня в такой ужас, что я стал громко кричать:

– Джи, не покидайте нас! Заберите меня с собой!

Резкий порыв ветра подхватил мой голос и унес в море.

Наконец точка в волнах, которую я почти потерял из виду, медленно стала приближаться.

Через какое-то время, показавшееся мне невероятно долгим, Джи вышел на песок и отрешенно произнес:

– Если бы не ты, я бы никогда не вернулся. Ты напомнил мне о невыполненной миссии.

По его глазам, отражавшим нечто неизмеримо большее, чем наш мир, я понял, что он, действительно, готов был уйти навсегда.

– Я решил уйти в Зазеркалье, но в твоём голосе я услышал призыв о помощи тех, кого я оставлял без поддержки на Земле. Еще не настало время для переселения и работы на тонком плане. Ведь ни ты, ни даже Касьян не можете последовать за мной туда, где я только что был.

Голос Джи звучал как будто из другого мира, переливаясь серебряными искрами.

– Хорошо, что вы вернулись! – воскликнул я радостно. – Без вас это воплощение потеряло бы для нас с Касьяном всякий смысл!

Джи оделся. Мы быстро дошли до кафе и, войдя, обнаружили Вольдемара, сидевшего с кружкой темного пива за круглым столом у окна.

– У них здесь только этот портер, – сказал он, и его слова вернули меня в привычную реальность, – но в качестве личной услуги и за особую плату бармен может подлить водочки. У меня такое чувство, что я упустил что-то интересное...

– Это не первый случай, когда самое главное проходит мимо тебя, – заметил я.

– Ты странный парень, – обратился он вдруг ко мне. – Кто бы мог подумать, что грузин будет наслаждаться прогулкой у Балтийского моря холодной осенью?

– Это была не просто прогулка, а настоящая мистерия, – таинственно ответил я.

– Хотя ты еще очень молод, но в тебе есть что-то от старого подпольщика, – заметил он. – Ты не тот, за кого себя выдаешь.

Подошла официантка, и я заказал два темных пива с водочкой. Она мило улыбнулась и ушла.

– Это интересно, – обратился Джи к Вольдемару. – А как ты его воспринимаешь?

– Он ловок и умеет маскироваться; он напоминает мне старого подпольщика по кличке Петрович.

– Я считаю, – ответил ему Джи, – что через тебя пролилась сейчас инспирация Балтийского моря.

Официантка поставила на стол две большие кружки пенящегося пива. Джи поднял свою и сказал:

– Утверждаю новое посвяtitельное имя: Петрович.

– Спасибо, господа, – произнес я с гордостью, тоже поднимая кружку, – я оправдаю доверие Ордена!

Мы вернулись в филармонию, но она оказалась закрыта. Обойдя здание, я нашел наш фургон. Шофер курил, сидя в кабине. Увидев меня, он раздраженно спросил:

– Ваш, что ли, груз?! Давайте, скидывайте побыстрее, мне еще на обратный путь загружаться!

– Сейчас, – ответил я, – вот только бригадира найду.

Я побежал искать бригадира, но никого не нашел. Тогда я вернулся к Джи и Вольдемару, оставшимся ждать у входа, и нашел их беседующими с небольшого роста блондинкой в черном распахнутом плаще, под которым были темно-синяя юбка, белая рубашка и короткий, в цвет юбки, пиджак. Волосы были коротко подстрижены, а длинная челка спадала на левую бровь. Она мило улыбалась, а Джи что-то быстро говорил. От взгляда на блондинку у меня перехватило дыхание, и я, замедлив шаг, осторожно приблизился к ним.

– А вот и наш друг Петрович, – сказал Джи. – Когда он видит красивую девушку, то испытывает два противоположных желания. Первое – это, бросив все, немедленно бежать навстречу к ней.

Джи сделал паузу.

– А второе? – заинтересованно спросила девушка.

– Второе, не менее сильное, – это немедленно бежать прочь от нее как можно дальше.

– Бедняга, – сказала девушка, – как он, должно быть, сильно страдает.

Я покраснел и подошел ближе.

– Познакомься, Петрович, – весело сказал Джи, – это наш администратор Яна.

– Шофер требует немедленно разгрузить фургон с аппаратурой, – озабоченно произнес я.

– Ну и что? – забавно улыбнулся Джи. – Почему же мы должны поддаваться гипнозу его требований? Ты вполне можешь поговорить немного с Яной, осведомиться, каковы ее интересы или планы на вечер.

Но я не мог вымолвить ни слова: у меня возникло ощущение, будто в горле застрял булыжник.

– Сегодня вечером я занята, – выручила Яна, взглянув на меня как на скучный неодушевленный предмет.

– Не обращайтесь внимания, он у нас крайне серьезный и молчаливый молодой человек, – кивнул в мою сторону Вольдемар. – Я давно не был в вашем городе, может быть, вы знаете какое-нибудь уютное кафе неподалеку отсюда?

Булыжник провалился в желудок, и мне стало совсем не по себе. Вольдемар взял Яну под руку и, рассказывая ей что-то веселое, удалился в ближайшее кафе.

Я облегченно вздохнул, но Джи, заметив это, произнес:

– Твоя проблема в том, что ты слишком заиклен на корыстных интересах своих нижних чакр. Это проявилось еще в магазине в отделе женского белья. Надо работать на человека, ради него, незаинтересованно, не корыстно – тогда приходит легкость, импровизация.

А уже потом ты видишь, как расцвел и раскрепостился человек, и, к своему удивлению, замечаешь, что все твои эгоистические «я» тоже накормлены, незаметно для них.

– С чего же мне начинать? – спросил я.

– Да просто удели ей сердечное внимание, попробуй вывести на какую-нибудь интересующую ее тему, расспроси о том, что она делала сегодня, – ответил Джи.

– Но мне это не очень интересно.

– Попробуй разыграть интерес. Все люди любят играть, и если ты своей игрой предоставляешь им возможность поиграть тоже, то это и будет помощью человеку. Все люди требуют внимания к себе, однако никто не уделяет им его. А ты можешь это сделать, пользуясь энергией нашей общей роскошной ситуации.

– Гурий, – раздался недовольный голос Петракова, – ты опять уши развесил? А ну, быстро разгружать фургон!

В Клайпеде мы дали лишь один концерт и уезжали в тот же вечер. Мы стояли у вагона вместе с Яной, и я с завистью смотрел, как она печально прощалась с Вольдемаром.

Джи улыбнулся, сказав:

– Видно, что твоя ревность и зависть уязвлены. А для Яны у меня есть небольшой подарок, который утешит ее.

Джи подошел к ним. Увидев его, Яна улыбнулась.

– У меня есть для вас нечто, – сказал Джи, – на память о нашей встрече.

Глаза Яны загорелись любопытством. Джи достал из кармана небольшой кошелек и вынул из него православный крестик с голубой эмалью.

– Ах, – воскликнула Яна, – какой он красивый! Большое спасибо! – она обняла Джи и расцеловала его.

Ее печаль как рукой сняло. Я с удовольствием заметил, что теперь нахмурился Вольдемар.

«Граждане пассажиры, поезд отправляется с первого пути; просьба занять свои места», – раздался голос диктора.

Яна стояла на перроне, глядя на Джи. Потом она повернулась и медленно пошла к зданию вокзала. Легкая печаль охватила мое сердце. Поезд тронулся.

– В ее душе много эфира, – сказал Джи, стоя вместе со мной у окна, – поэтому ты так тянешься к ней. В тебе же много мощных стихий, но главного элемента – эфира – очень мало, поэтому ты и ищешь его вовне.

– Я всегда считал себя независимым и самодостаточным человеком, – ответил я обиженно, но затем, поборов упрямство, спросил:

– Как же я могу накопить его?

– На это вопрос невозможно дать тебе однозначный ответ. Ты сам должен найти этот способ. Но я могу дать тебе подсказку: в Каунасе, куда мы направляемся сейчас, есть музей Чюрлениса. Чюрленис был подключен к высокому инспиративному каналу и провел через себя имажинацию эфирного Посвящения, сгорев в этом огне. Если ты тонко настроишься на его работы, то накопишь в душе летучий элемент эфира.

Встретивший нас в Каунасе администратор филармонии оказался высоким сухопарым человеком в сером плаще и с потертым портфелем в руках. Подождав, пока все музыканты уселись в автобус, он занял место рядом с водителем и коротко приказал ему отправляться в гостиницу.

«Как жаль, что Яна осталась в Клайпеде», – грустно подумал я.

Старый филармонический автобус подвез нас к трехэтажному особняку, в котором размещалась гостиница. Первым получил номер, как всегда, Норман, затем музыканты в про-

извольном порядке, а затем уже Шеу и Петраков со своей бригадой. Я, затесавшись среди музыкантов, незаметно проскользнул мимо строгого швейцара.

Шеу и Джи достался номер на верхнем этаже, где-то под крышей, с покатым потолком. Подождав, пока Джи расположится в номере, я спросил его:

– Как я понял, все мои страдания происходят от отсутствия эфира?

– Для внутреннего счастья необходимо гармоничное сочетание всех стихийных элементов, – ответил Джи. – Но в тебе отсутствует не только эфир, но и почти все остальные элементы тоже. Поэтому тебе нужно начать работать над своим стихийным составом.

– Какой элемент важнее всего? – спросил я.

– Важнее для чего? – спросил Джи.

– Для легкого общения с эфирными девушками, не теряя при этом головы.

– Твой прагматический инженероидальный подход показывает, что ты не готов еще к обсуждению этой темы, – ответил Джи. – Необходима полнота всех элементов, и только тогда ты сможешь правильно взаимодействовать с принципом Шакти.

В этот момент дверь распахнулась без стука и Петраков, с помятой физиономией, злобно произнес:

– Кончай базар, фургон с аппаратурой давно вас заждался! – и, хлопнув дверью, исчез в коридоре.

– Пролетарская морда, – заметил Шеу, – обнаглел до предела.

– Мы продолжим наш разговор после, – сказал Джи, одеваясь.

После разгрузки аппаратуры и расстановки сцены Джи вытер платком пот со лба и сказал:

– А теперь я вас приглашаю в музей Чюрлениса – почувствовать эфирную волну, которую он передал через картины.

Мы вышли на улицу. День был теплый, от старинных зданий и брусчатки мостовой веяло уютом.

– Я знаю, как пройти к музею, – заявил Шеу и повел нас неприметными задворками.

– Когда же мне удастся попасть к небожителям? – вздохнул я.

– Попробуй настроиться на импульс таинственного Луча, и он откроет тебе дверь, ведущую в поднебесье, – ответил Джи.

– Ничего у меня не выходит...

– Ты находишься на Корабле Аргонавтов, который в каждое мгновение способен сменить галс и даже идти в противоположном направлении. Тебе нужно осваивать скоростные техники внутреннего погружения, тогда невидимая дверь откроется для тебя.

В это время мы подошли к музею Чюрлениса и, войдя внутрь, погрузились в тонкую эфирную атмосферу. Станные картины, которые я там увидел, создавали некое сюрреальное пространство, словно я попал в зазеркальный мир. Я почти увидел радужное сияние, исходящее от Джи. Оно растопило мое сердце, и я вдруг ощутил светлую, прозрачную атмосферу, излучающуюся из картин. Неожиданно Джи подозвал меня и сказал:

– Посмотри на эту картину. Это чисто алхимический сюжет, который могут распознать только те, кто посвящен в тайное знание некоторых рыцарских Орденов.

На белом троне в белоснежном одеянии сидел золотой король, а в отдалении маячила тень черного короля.

– Это указание, путеводный знак для тех, кто ищет эфирное Посвящение, Золотое руно, – сказал Джи. – Надо идти за ним во тьму, в эту вечную неизвестность и хаос, чтобы добыть таинственное сокровище – внутреннее золото.

В этот момент к нам подошел Шеу.

– Я в недоумении, не могу оценить эти работы. Они похожи на детские рисунки: с одной стороны, – очень просты, а с другой, – в них есть какое-то волшебство, которое не

поддается логическому анализу и путает все мои мысли. До сих пор я считал, что прекрасно разбираюсь в живописи, но теперь я вижу, что мало смыслу в ней, – растерянно сказал он и без всякого перехода добавил:

– Предлагаю вам, господа, посетить не менее знаменитый Музей чертей, который находится прямо через дорогу.

Я внутренне содрогнулся и хотел возразить, что никуда больше не пойду, но Джи удержал меня.

– В его предложении есть определенный смысл. Ты сможешь почувствовать разницу между этими музеями.

– В этом музее собраны черти со всего мира, – разглагольствовал Шеу, как навязчивый экскурсовод. – Посмотрите на этого классического Мефистофеля из трагедии Гете. У него такой искушающий взгляд! А вот его современные американские братья... А это перуанский черт, завидев которого, хочется бежать на край земли...

Атмосфера этого музея казалась отвратительно липкой и словно мгновенно приклеивалась к посетителям.

Я перестал слушать Шеу, который выдавал себя за знатока чертей. В голове поднялся дребезжащий хаос, из врат ада вырвался невидимый протуберанец ужаса; я выскочил на улицу и там попытался прийти в себя, лихорадочно читая «Отче наш».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.